ИДРИС ШАХ

ЗАСТАВА У ВОРОТ

ТРИ РЫБЫ

Жили некогда в одном пруду три рыбы. Первая рыба была самая хитрая, вторая – попроще, а третья – совсем глупая. Хорошо они жили, спокойно – как живут все рыбы на свете. Но вот однажды к их пруду пришел человек. Человек принес с собой сеть. И пока он ее разворачивал, умная рыба глядела на него сквозь воду и соображала. Лихорадочно перебирала она весь свой жизненный опыт и все истории, которые ей довелось когда-либо услышать; она призвала на помощь всю свою смекалку, и наконец ее осенило.

- *В этом пруду нет такого места, куда можно было бы спрятаться, - подумала она, - поэтому лучше всего притвориться мертвой.*

И вот, собрав все свои силы, к немалому изумлению рыбака, она выпрыгнула прямо к его ногам. Рыбак поднял ее. Но так как хитрая рыба задержала дыхание, он подумал, что она сдохла, и выкинул ее обратно в воду. Рыба тут же забилась в ложбинку под берегом у самых его ног.

Вторая рыба – та, что была попроще, не совсем поняла, что произошло, и подплыла к хитрой рыбе за объяснениями.

- *Просто я притворилась мертвой, вот он и выбросил меня обратно в воду, - растолковала ей хитрая рыба.*

Не мешкая, простодушная рыба также выпрыгнула из воды и плюхнулась прямо к ногам рыбака.

«Странно, - подумал рыбак. – Рыбы здесь сами выскакивают из воды…»

Но вторая рыба позабыла задержать дыхание. Рыбак увидел, что она живая, и засунул ее к себе в сумку. Затем он снова повернулся к воде. Однако зрелище выпрыгивающих на сушу рыб так потрясло его, что он не подумал застегнуть сумку. Воспользовавшись его невнимательностью, вторая рыба выбралась наружу и – где ползком, где прыжком – устремилась к воде. Там она отыскала первую рыбу и, тяжело дыша, примостилась возле нее.

Третья рыба, глупая, никак не могла понять, что к чему, - даже после того, как выслушала объяснение первых двух рыб. Они по порядку перечисляли ей все обстоятельства, обращая особое внимание на то, как важно задержать дыхание, чтобы показаться мертвой.

- *Благодарю вас, теперь я все поняла, - радостно ответила глупая рыба.*

И с этими словами она с шумом выпрыгнула из воды, упав рядом с рыбаком. Но раздосадованный тем, что упустил двух рыб, рыбак упрятал эту рыбу в сумку, даже не потрудившись взглянуть, дышит она или нет. И на этот раз он плотно застегнул свою сумку. Снова и снова закидывал рыбак свою сеть, но, так как первые две рыбы не покидали своего укрытия, сеть каждый раз оказывалась пустой. Наконец он решил отказаться от своей затеи и стал собираться в обратный путь. Открыв сумку, он убедился, что глупая рыба не дышит, отнес ее домой и отдал коту.

Примечание Идрис Шаха. Говорят, что Хусейн, внук Мухаммеда, передал эту историю Модали из ордена Хаджаган («Мастер»), который в XIV столетии стал называться Накшбандийским орденом[1]. Иногда действие данного рассказа помещают в место, известное под именем Каратас – Страна Черного Камня. В

настоящей версии сказка стала известна благодаря Аваду Афифи («Преображенному»). Он же услышал ее от шейха Мухаммеда Асхара, умершего в 1813 году. Его гробница расположена в Дели.

---

[1] *Накшбандия* – суфийский орден, получивший свое название по имени Баха ад-дина Накшбанди. Путь члена ордена *накшбандийа* состоит из десяти «стоянок», которые «ищущий» должен преодолеть, строго придерживаясь при этом одиннадцати принципов поведения члена братства. Основной частью практики *накшбандийа* является тихий *зикр*, т. е. мысленное повторение имени Бога. Другой составной частью обучения накшбандийа является интимное общение-разговор между наставником и учеником. Наконец, тесная связь между учителем и учеником раскрывается в практике *таваджжух* – концентрации помыслов каждого из двух собеседников на мысленном образе друг друга. Метод психофизических тренировок членов ордена *накшбандийа* был сосредоточен не столько на процессе умерщвления плоти, сколько на духовном очищении сердца.

РАЙСКАЯ ПИЩА

Юнус, сын Адама, решил однажды не взвешивать больше свою жизнь на весах судьбы, но узнать, как и почему необходимые вещи приходят к человеку.

«Я, - сказал он себе, - человек. И, как таковой, я ежедневно получаю свою долю от всех вещей мира. Доля эта приходит ко мне, благодаря моим собственным усилиям вместе с усилиями других. Упростив этот процесс, я найду способ, которым пища достигает людей, и узнаю кое-что о том, «как и почему». Итак, я стану на путь религии, который предуказывает человеку в целях поддержания самого себя полагаться на всемогущего Бога. Чем жить беспорядочно в мире, где пища и прочие вещи явно проходят через посредство общества, отдам я себя непосредственной поддержке Силы, управляющей всем. Ведь даже нищие зависят от посредников – от милосердия: люди подают пищу или деньги потому, что их научили так делать. Не стану я принимать таких опосредованных даяний». Сказав так, он вышел за город и отдал себя поддержке невидимых сил с той же решительностью, с какой принимал поддержку сил видимых, будучи школьным учителем. С наступлением ночи Юнус улегся прямо на землю с верой, что Аллах всецело позаботится о его интересах – так же, как птицы и звери получают свою долю заботы в его царстве.

На рассвете его разбудил птичий хор. Первое время сын Адама лежал неподвижно, ожидая появления поддержки. Однако вскоре он осознал, что, несмотря на его доверие невидимой силе и уверенность в том, что он сможет разобраться в ней, когда она начнет действовать в его новом положении, одно только теоретическое размышление в этой необычной ситуации не очень-то помогает. Так он и провел весь день, лежа на берегу, созерцая природу, наблюдая рыб в воде и повторяя свои молитвы. Время от времени мимо него проезжали богатые могущественные люди в великолепных одеждах, сопровождаемые верховыми на превосходных лошадях. Повелительно звенели колокольчики, извещая об их абсолютном праве на путь; при виде почетного тюрбана Юнуса они лишь выкрикивали приветствия. Группы паломников останавливались около него и жевали свой сухой хлеб с сухим сыром, что только разжигало его аппетит к скудной пище.

«Это всего-навсего испытание. Скоро все будет хорошо», - думал Юнус, творя пятую молитву за этот день и погружаясь в медитацию способом, которому его научил один дервиш, достигший высокого развития сознания.

Миновала еще одна ночь. Спустя пять часов после рассвета на второй день, в то самое время, как Юнус сидел, глядя на отражающиеся в могучем Тигре лучи солнца, внимание его привлек какой-то шорох в камышах. Это оказался пакет, завернутый в листья и перевязанный пальмовым лыком. Юнус, сын Адама, вошел в реку и стал владельцем неизвестного груза. Пакет весил около трех четвертей фунта. Когда Юнус развязал лыко, в нос ему ударил восхитительный аромат. В свертке оказалось изрядное количество багдадской халвы. Такая халва, приготовляемая из миндальной пасты, розовой воды, меда, орехов и других драгоценных элементов, очень ценилась благодаря своему вкусу и питательности. Из-за ее приятного вкуса красавицы гарема вкушали ее маленькими кусочками, из-за ее укрепляющей силы воины брали ее с собой в сражения. Она пользовалась также большим спросом как целебное средство от сотен болезней.

- Моя вера оправдалась! – воскликнул Юнус. – А теперь проверим, будет ли вода каждый день или через другие промежутки времени приносить мне халву или нечто подобное; тем самым я узнаю средство, предопределенное провидением для моего поддержания. Тогда мне останется употребить свой разум на поиски его источника.

В течение трех последующих дней, ровно в тот же час, пакет с халвой приплывал в руки Юнуса. Тогда он решил, что его открытие имеет первостепенное значение: упрощай свои обстоятельства, и природа поступит примерно так же. Он чувствовал себя обязанным разделить его с остальным миром. Ибо разве не сказано: «Когда ты знаешь, ты должен учить»? Однако затем он понял, что еще не знает, но только испытал. Было очевидно, что его следующим шагом должно быть – отправиться по пути следования халвы вверх по течению, пока не отыщется ее источник. Тогда он поймет не только ее происхождение, но и то, почему она дается именно ему. Много дней шел Юнус вверх по течению реки. Каждый день с той же регулярностью, но соответственно во все более раннее время появлялась халва, и он съедал ее. Наконец Юнус увидел, что река, вместо того, чтобы сузиться – как можно было бы ожидать в верхнем течении, - значительно расширилась, и посреди широкого водного пространства возвышается живописный остров, на котором расположен величественный и одновременно удивительно изящный замок. «Именно оттуда и происходит райская пища», - решил Юнус. Обдумывая следующий свой шаг, Юнус заметил высокого неопрятного дервиша со спутанными волосами – отшельника в плаще из разноцветных лоскутьев.

- *Мир тебе, баба (отец)! – приветствовал его Юнус.*

- *Ишк, Ху! – воскликнул отшельник. – Ты что тут делаешь?*

- Я следую священному обету, - объяснил сын Адама, - и в своем поиске я должен достичь вон того замка. Не подскажешь ли ты мне, как это возможно осуществить?

- *Поскольку, невзирая на свой особый интерес, ты ничего об этом замке не знаешь, - отвечал дервиш, - я расскажу тебе о нем. Здесь в изгнании и заточении живет дочь царя; прислуживают ей многочисленные прекрасные слуги, которые и охраняют ее. Ей никак не вырваться оттуда: человек, который похитил ее и поместил туда за то, что она отказалась выйти за него замуж, воздвиг вокруг замка могучие необъяснимые преграды, невидимые обычным глазом. Чтобы попасть в замок и достичь своей цели, тебе придется преодолеть их.*

- *Можешь ли ты помочь мне в этом?*

- *Сам я сейчас отправляюсь в особое посвятительное путешествие. Однако я знаю некое слово и упражнение –* ***вазифа****, которое, если ты достоин, поможет тебе вызвать невидимые силы – благожелательных джиннов и огненные создания, которые одни лишь могут победить волшебные силы, охраняющие замок. Мир тебе!*

И, повторив на прощание странные звуки, он удалился, передвигаясь с легкостью и проворством, поистине изумительными в человеке столь почтенного возраста.

День за днем сидел Юнус, исполняя свое ***вазифа*** *и следя за появлением халвы. И вот однажды вечером, глядя на заходящее солнце, сиявшее на башне замка, он увидел необычайное зрелище. Там, блистая неземной красотой, стояла дева, которая, бесспорно, могла быть только царевной. Она постояла*

мгновение, устремив взгляд на солнце, а затем бросила в волны, бившиеся о скалы далеко внизу, что-то, что поплыло мимо башни, где она стояла. Это был пакет с халвой.

- Так вот где, оказывается, непосредственный источник щедрых подарков, источник райской пищи! – вскричал Юнус.

Теперь он почти на самом пороге истины: рано или поздно явится повелитель джиннов, которого он вызывает дервишским ***вазифа****, и даст ему возможность достигнуть замка, царевны и истины. Лишь только он об этом подумал, как что-то вдруг подхватило его и понесло… И он очутился на небесах, и пред ним предстало эфирное царство со множеством дворцов, от красоты которых дух захватывало. Сын Адама взошел в один из них и увидел там создание, похожее на человека, которое, однако, не было человеком, на вид прекрасное и мудрое и каким-то образом далекое от всякого возраста.*

- Я, - проговорило видение, - повелитель джиннов, и я принес тебя сюда в ответ на твой призыв и повторение священных имен, которые были даны тебе великим дервишем. Что я могу для тебя сделать?

- О могучий повелитель джиннов, - дрожащим голосом проговорил Юнус, - я ищу истину, и найти ее я могу только в заколдованном замке, возле которого я стоял, когда ты вызвал меня сюда. Молю тебя, дай мне силу войти в этот замок и поговорить с заключенной там царевной.

- Да будет так! – прогремел повелитель. – Но помни: человек получает ответ на свои вопросы в соответствии с его способностью к пониманию и его подготовкой.

- Истина есть истина, - сказал Юнус. – И я обрету ее – вне зависимости от того, чем она может оказаться. Подари же мне это благо.

Вскоре сын Адама уже мчался в бестелесной форме (благодаря волшебству джинна) обратно на землю, сопровождаемый небольшим отрядом слуг джинна, которым их повелителем было приказано применить свои особые силы, дабы помочь этому человеческому существу в его поиске. В руке Юнус сжимал специальный зеркальный камень, который, как научил его глава джиннов, нужно направлять на замок, чтобы иметь возможность обнаружить невидимую защиту. И вот с помощью этого камня сын Адама увидел, что замок защищает от нападения строй великанов, невидимых и грозных, поражающих всякого, кто приблизится к замку. Подходившие для такой задачи джинны разогнали великанов. Затем он увидел, что над всем замком простирается нечто, похожее на невидимую паутину или сеть. Эта сеть также была разрушена джиннами, обладавшими необходимой хитростью. Наконец, пространство от берега реки до самого замка заполняла невидимая, как будто каменная толща, ничем не выдававшая своего присутствия. Преодолев и эту преграду, джинны отсалютовали Юнусу и стремительно как свет улетели в свое царство. Юнус взглянул и увидел, что из речного берега сам собою вырос мост, и он, даже не замочив подошв, прошел по нему к самому замку. Страж врат тут же отвел его к царевне, которая вблизи оказалась еще прекрасней, чем тогда, когда она явилась ему на башне впервые.

- Мы благодарны тебе за то, что ты сокрушил защиту, делавшую эту темницу неприступной, - сказала она. – Теперь я могу наконец вернуться к моему отцу. Но прежде мне бы хотелось вознаградить тебя за твои труды. Говори, и ты получишь все, что пожелаешь.

- Несравненная жемчужина, - начал Юнус, - лишь одного я ищу, и это одно – Истина. И так как долг всех, обладающих истиной, давать ее тем, кто может ее воспринять, я заклинаю вас, Ваше Величество, дайте мне истину, которой я так жажду.

- Что ж, говори, и любая истина, которую только возможно дать, без промедления будет тебе дана и будет твоей.

- Прекрасно, Ваше Величество. Скажите, как и в силу каких причин райской пище, чудесной халве, которую вы бросали для меня каждый день, предопределено было попадать ко мне таким образом?

- Юнус, сын Адама! – воскликнула царевна. – Эту халву, как ты ее называешь, я бросала каждый день потому, что в действительности это остаток косметических средств, которыми я ежедневно натираюсь после купания в ослином молоке.

- Наконец-то я узнал, - сказал Юнус, - Что понимание человека обусловлено его способностью понимать. Для вас это отходы ежедневного туалета, для меня – райская пища.

Примечание Идрис Шаха. Лишь очень немногие из суфийских сказаний, согласно Халкави (автору «Райской пищи»), могут читаться любому человеку в любое время и, тем не менее, конструктивно воздействовать на его «внутреннее сознание». Почти все истории, говорит он, способны проявлять свое влияние лишь в зависимости от того, где, когда и как они изучаются. Отсюда большинство людей найдет в них только то, что они ожидают, - развлечение, загадку, аллегорию. Этот знаменитый учитель школы Накшбандийа часто вызывал недоумение многих своих последователей, самых различных вер и происхождений, ибо о нем ходили рассказы, связанные со странными явлениями. Говорили, что он являлся людям в снах, сообщая им важные вещи, что его видели во многих местах сразу, что то, что он говорил, всегда шло на пользу слушающему. Но, встречаясь с ним лицом к лицу, люди не могли найти в нем ничего необычного. Юнус, сын Адама, был сирийцем и умер в 1670 году. Он обладал замечательными целительными силами и был изобретателем.

КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ВОДА

Однажды Хызр, учитель Моисея, обратился к человечеству с предостережением.

- Наступит такой день, - сказал он, - когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, исчезнет. Затем на смену ей появится другая вода, и люди сойдут от нее с ума.

Лишь один человек понял смысл этих слов. Он набрал запас воды побольше и спрятал ее в надежном месте. Затем он стал поджидать, когда вода изменится. В предсказанный день все реки иссякли, колодцы высохли, и тот человек, удалившись в свое убежище, стал пить из своих запасов. Но вот прошло какое-то время, и он увидел, что реки возобновили свое течение; и тогда он спустился к другим сынам человеческим и обнаружил, что они говорят и думают совсем не так, как прежде, что с ними произошло то, о чем их предостерегали, но они не помнят этого. Когда же он попытался с ними заговорить, то понял, что они принимают его за сумасшедшего, выказывая ему враждебность либо сострадание, но никак не понимание. Поначалу он не притрагивался к новой воде, каждый день возвращаясь к своим запасам. Однако в конце концов он решился отныне пить новую воду – потому что выделявшие его среди остальных поведение и мышление сделали его жизнь невыносимо одинокой. Он выпил новой воды и стал таким же, как все. И начисто забыл о своем запасе иной воды. Окружающие же его люди смотрели на него как на сумасшедшего, который чудесным образом излечился от своего безумия.

Примечание Идрис Шаха. Легенду эту неоднократно связывали с Зу-н-Нуном аль-Мисри[2], египтянином, который умер в 860 году и считается ее автором. Предполагают также, что эта сказка связана по меньшей мере с одной из форм братства вольных каменщиков. Во всяком случае, Зу-н-Нун – самая ранняя фигура в истории дервишей ордена Кассирийа[3], который, как часто указывалось западными исследователями, имел поразительное сходство с братством масонов. Считают, что Зу-н-Нун раскрыл значение фараонских иероглифов. Данный вариант рассказа приписывается Саиду Сабиру Али-шаху, святому из ордена Чиштийа, который умер в 1818 году.

2 *Зу-н-Нун аль-Мисри*, Абу-л-Файд Саубан бен Ибрахим (ок. 796-860) – наиболее известный представитель раннего суфизма в Египте. Родился в Ахмиме (Верхний Египет) в многодетной семье нубийца Маула. Его учителем был некий Садун из Каира. Большую часть жизни Зу-н-Нун провел в Каире, много проповедовал, странствовал, побывал в Мекке, Дамаске, Антиохии. Известный в Египте маликитский богослов-законовед и историк Абу аль-Хакам осудил Зу-н-Нуна за проповедь суфизма, рассматривая мистические учения как «предосудительное новшество». Как наставник мутазилитского догмата о сотворении Корана, Зу-н-Нун подвергся гонениям со стороны властей. Незадолго до кончины он был доставлен в резиденцию халифа аль-Мутаваккила в Самарре. Халиф был потрясен красноречием и благочестием своего пленника, и Зу-н-Нуна освободили. Некоторое время он провел в Багдаде, где общался с местными суфиями и приобрел много учеников. Вскоре по возвращении в Египет он скончался и был похоронен в Гизе, где его могила существует и поныне.

Зу-н-Нуну приписывают около полутора десятков сочинений. До нас дошли его сентенции, проповеди и стихотворные отрывки. Они носят поучительный и теософско-экстатический характер, в них восхваляются преимущества святых, избравших аскетический образ жизни и суфийские идеалы ради высшей цели – сближения с Богом. Путь к Нему лежит через гнозис (*марифа*), достигаемый отходом от мирских дел, самосовершенствованием, подавлением естества и т. д. Суфийская традиция считает Зу-н-Нуна аль-Мисри основателем учения о «стоянках и состояниях» (*макамат ва ахвал*) мистического Пути. Он неустанно подчеркивал трансцендентность Божества, отвергал антропоморфические представления о нем. В поэтических строках Зу-н-Нуна воспета любовь к Богу, описаны страдания, на которые обречен «влюбленный»-мистик.

В сочинениях поздних суфиев, особенно ас-Сухраварди, Зу-н-Нун аль-Мисри изображается как носитель «вечной мудрости», пришедшей к нему от греков-пифагорейцев.

Идеи Зу-н-Нуна были подхвачены и развиты последующими поколениями суфиев. В суфийских биографических сводах (аль-Худжвири, Джами, Аттар) личность Зу-н-Нуна аль-Мисри, аскета, чудотворца и алхимика, предстает порой в легендарном виде.

3 *Кассирийа* берет свое название от имени Абу Салаха Хамдуна Кассари (умер в 893 г.). Это течение имело очень много последователей, а сам Хамдун Кассари являлся одним из верных суфиев своего времени. Он считается также основателем известного суфийского течения маламатийа (см. комм. 11).

СКАЗКА ПЕСКОВ

Начав путь от источника в далеких горах, речка миновала разнообразнейшие виды и ландшафты сельской местности и достигла наконец песков пустыни. Она попыталась было одолеть эту преграду подобно тому, как преодолевала все другие, но вскоре убедилась, что по мере продвижения в глубь песков воды в ней остается все меньше и меньше.

Не было никакого сомнения, что путь ее должен пройти через пустыню; положение казалось безвыходным. Но вдруг таинственный голос, как будто исходящий из самой пустыни, прошептал ей:

- Ветер пересекает пустыню, и река может пересечь ее тем же путем.

Река возразила, что она лишь мечется в песках и впитывается ими, ветер же может летать; именно поэтому ему ничего не стоит пересечь пустыню.

- Тебе не перебраться через пустыню привычными, испытанными способами – ты либо исчезнешь, либо превратишься в болото. Ты должна отдаться на волю ветра; он доставит тебя к месту твоего назначения.

- Но как же это возможно?

- Это возможно только в том случае, если ты позволишь ветру поглотить себя.

Нет, такое предложение было неприемлемым для реки: никто и никогда не поглощал ее. И вообще, она не собиралась терять свою индивидуальность. Ведь, раз потеряв ее, как она сможет вернуть ее снова?..

- Ветер, - продолжал песок, - именно тем и занимается, что подхватывает воду, проносит ее над пустыней и затем дает ей упасть вновь. Падая в виде дождя, вода опять становится рекой.

- Но как я могу проверить это?

- Это так, и, если ты не поверишь этому, ты не сможешь стать ничем иным, кроме затхлой лужи, и даже на это уйдут многие и многие годы; а ведь быть лужей, согласись, далеко не то же самое, что быть рекой.

- Но как я смогу остаться той же самой рекой, что и сегодня?

- Ты не сможешь остаться прежней ни в том, ни в другом случае, - отвечал шепот. – Переноситься и вновь становиться рекой – это твоя сущность. Ты принимаешь за саму себя свою теперешнюю форму существования, потому что не знаешь, какая часть в тебе является сущностной.

Тут что-то откликнулось в мыслях реки на эти слова. Смутно припомнилось ей состояние, в котором то ли она, то ли какая-то ее часть – но в действительности ли это было?.. – уже находилась в объятиях ветра. Она вспомнила также – но вспомнила ли?.. – что эта, хоть и не очевидная вещь, вполне реальна, выполнима. И речка воспарила в дружелюбные объятия ветра, который легко и нежно подхватил ее и умчал далеко-далеко, за много миль, где, достигнув горной вершины, осторожно опустил вниз. А так как у реки все же были сомнения, она запомнила и запечатлела в уме подробности этого опыта более обстоятельно.

«Да, вот теперь я познала свою истинную сущность», - так размышляла река.

Река познавала, а пески шептали:

- Мы-то знаем; ведь день за днем это происходит на наших глазах, потому что из нас, песков, и состоит весь путь – от берегов до самой до горы.

Вот потому-то и говорят, что путь, которым потоку жизни суждено продлиться в своем странствии, осуществляя непрерывность, записан на песке.

Примечание Идрис Шаха. Эта прекрасная история входит в устную традицию многих народов и почти постоянно пребывает в обращении среди дервишей и их учеников. Она была использована в «Мистической розе из царского сада» сэра Ферфакса Картрайта, опубликованной в Англии в 1899 году. Настоящий вариант принадлежит Аваду Афифи, тунисцу, умершему в 1870 году.

СЛЕПЫЕ И СЛОН

За горами был большой город, все жители которого были слепыми. Однажды какой-то чужеземный царь со своим войском расположился лагерем в пустыне неподалеку от города. У него в войске был огромный боевой слон, прославившийся во многих битвах. Одним видом своим он уже повергал врагов в трепет. Всем жителям города не терпелось узнать: что же это такое – слон.

И вот несколько представителей общества слепцов, дабы разрешить эту задачу, поспешили к царскому лагерю. Не имея ни малейшего понятия о том, какие бывают слоны, они принялись ощупывать слона со всех сторон. При этом каждый, ощупав какую-нибудь одну часть, решил, что теперь знает все об этом существе. Когда они вернулись, их окружила толпа нетерпеливых горожан. Пребывающие в глубоком неведении, слепцы страстно желали узнать правду от тех, кто заблуждался. Слепых экспертов наперебой расспрашивали о том, какой формы слон, и выслушивали их объяснения. Трогавший ухо слона сказал:

- Слон – это нечто большое, широкое и шершавое, как ковер.

Тот, кто ощупал хобот, сказал:

- У меня есть о нем подлинные сведения. Он похож на прямую пустотелую трубу, страшную и разрушительную.

- Слон могуч и крепок, как колонна, - возразил третий, ощупавший ногу и ступню.

Каждый пощупал только одну из многих частей слона. И каждый воспринял его ошибочно. Они не смогли умом охватить целого: ведь знание не бывает спутником слепцов. Все они что-то вообразили о слоне, и все были одинаково далеки от истины. Созданное умозрением не ведает о Божественном. В этой дисциплине нельзя проложить пути с помощью обычного интеллекта.

Примечание Идрис Шаха. Эта история приводится в переложении Руми[4] (в оригинале она носит название «Слон в темной комнате») – и взята из его книги «Месневи». Хаким Санаи (умер в 1141 г.) приводит более ранний вариант этой же сказки в первой книге своего классического суфийского произведения «Окруженный стеной сад истины». У обоих авторов история апеллирует к одному и тому же аргументу, в соответствии с традицией употреблявшемуся суфийскими обучающими мастерами на протяжении многих веков.

---

4 *Руми, Джалал ад-дин* Мухаммед бен Баха ад-дин Мухаммед аль-Балхи (1207-1273), известный как *Мауляна* («наш господин»), - знаменитый персидский мистик и поэт, основатель и неформальный руководитель суфийского братства маулавийа. Родился в Балхе (Северный Афганистан), умер в Конье (Малая Азия). Его отец, Мухаммед бен аль-Хусейн аль-Хатиби аль-Балти (1148-1231), считался авторитетным *факихом* (законоведом, сведущим в религиозных вопросах) в Хорезме, был популярным проповедником и имел тесные связи с суфийскими кругами, разделявшими взгляды шейха Наджм ад-дина аль-Кубра (ум. В 1211 г.). Около 1215 г. он вместе с семьей покинул Балх, опасаясь преследований со стороны хорезмшаха Ала ад-дина, которого порицал в своих проповедях. В течение ряда лет семья жила в различных городах Малой Азии (Малатья, Лоренда).

В 1228 г. Баха ад-дин переехал в Конью и стал руководителем центральной *мадраса* (высшей религиозной школы). Руми унаследовал этот пост после смерти отца. В 1232-1239 гг. он совершенствовал свои знания в религиозных науках в Хамбе и Дамаске; по возвращении в Конью продолжил чтение лекций в мадраса, выступал с проповедями в мечети и основал братство суфиев, отличавшееся тогда довольно умеренными взглядами. В 1244 г. судьба свела его со странствующим «свободным мистиком» Шамс ад-дином Мухаммедом ат-Табризи, чьи идеи оказали на Руми решающее влияние. Руми признал Шамс ад-дина своим мюридом-учителем и отказался от интеллектуальных изысканий. Постоянное общение Руми с Шамс

ад-дином вызвало недовольство его учеников, которые в конце концов убили Шамс ад-дина. Горе Руми в связи с утратой Шамс ад-дина еще более обострило его восприятие окружающего мира, что ярко отразилось в его стихах, которые он стал подписывать именем своего мистического возлюбленного, обнаружив его в себе самом. Именно в этот период Руми соединил преподавание мусульманской учености с суфийской практикой непосредственно в мадраса, чего до него никогда не было.

Руми, несомненно, был хорошо знаком с идеями интеллектуального суфизма, в частности с учением Ибн Араби, как и со взглядами представителей практического мистицизма. Однако как мистик Руми не создал своей, особой концепции мистического Пути. Согласно Руми, Бог абсолютно непознаваем. Он – нечто, что существует вне Небытия, Он – творец всех реалий, создаваемых им, когда они погружены в сон в Небытии и в Добытии. Человеческий разум не в силах познать Сущность, но ее атрибуты мистики познают интуицией и чувством – беспредельной любовью. Существует непрерывный, единый и вечный процесс, идущий по кругу, процесс нисхождения и возвышения (от Него и к Нему). Это движение охватывает все явления как в неорганическом и органическом мире, так и в мире Абсолютной души. Двигаясь по этому кругу, вещь меняется и может превратиться в свой антипод, а человек – Божественное творение – приобретает частицу субстанциональных качеств Абсолютной души, заложенных в его индивидуальную душу. Отсюда постоянный поиск человеком пути к воссоединению с Божеством.

Руми считал обязательным для каждого суфия исполнение религиозных предписаний (молитва, пост и т. д.), рассматривая их как подарок влюбленного любимой. Вместе с тем он придавал исключительное значение слушанию музыки и пения, а также танцам во время коллективных радений.

Руми оставил громадное литературное наследие в стихах и прозе. Только «*Мактуб*» («*Письма*») и первые 18 бейтов поэмы «*Маснави*» были записаны им собственноручно, остальное записано и собрано его учениками. Его «*Диван*» (издан в восьми томах в Тегеране в 1957-1966 гг.) содержит газели, четверостишия и другие строфические формы – всего около 30 тыс. двойных строк (*бейтов*). Они были написаны большей частью для радений и отличаются высоким эмоциональным настроем, мелодичностью, ритмичностью, экстатическим характером. Почти все они посвящены мистическим вопросам и ьеззаветной любви к Богу. «*Маснави-йи манави*» («*Поэма о скрытом смысле*») – мистико-дидактическая поэма в шести частях – подлинная энциклопедия суфизма в стихах, вершина творчества Руми и мистической поэзии в персидской литературе. Сам Руми считал, что «*Маснави*» раскрывает тайный смысл Корана, который он цитирует 760 раз. Основную смысловую нагрузку в поэме несет притча, увязываемая с многочисленными теоретическими положениями по принципу ассоциативной связи, иногда нарочито завуалированной, но вместе с тем в ней прослеживается одна и та же схема пояснения мистического либо морально-этического происхождения.

СОБАКА, ПАЛКА И СУФИЙ

Один человек в суфийской одежде шел однажды по дороге и, увидев на дороге собаку, сильно ударил ее своим посохом. Завизжав от боли, пес побежал к великому мудрецу Абу Саиду. Он кинулся ему в ноги и, продемонстрировав пораненную ногу, все ему рассказал и попросил быть судьей между ним и тем суфием, который обошелся с ним столь жестоко. Мудрец призвал к себе их обоих и сказал суфию:

- О безголовый! Как посмел ты так поступить с бессловесной тварью?! Посмотри, что ты натворил!

- Я тут ни причем, - возразил суфий. – Собака сама виновата во всем. Я ударил ее вовсе не из прихоти, а потому, что она запачкала мою одежду.

Однако пес продолжал считать себя несправедливо обиженным; и тогда несравненный мудрец сказал ему:

- Дабы тебе не хранить обиду до Великого Суда, позволь мне дать тебе компенсацию за твои страдания.

Собака ответила:

- О мудрый и великий! Увидев этого человека в одежде суфия, я подумала, что он не причинит мне вреда. Если бы я увидела его в обычной одежде, разумеется, я постаралась бы держаться от него подальше. Моя единственная вина состоит в том, что я полагала внешние атрибуты служителя истины гарантией безопасности. Если ты желаешь наказать его, отбери у него одеяние избранных. Лиши его права носить костюм человека праведности…

Собака сама находилась на определенной ступени пути. Ошибкой было бы думать, что человек должен обязательно быть лучше собаки.

Примечание Идрис Шаха. «Обусловленность» формы, изображенная здесь дервишским одеянием, часто воспринимается эзотериками и религиозными людьми различного толка как нечто, непременно связанное с реальным внутренним опытом или обладающее самостоятельной ценностью. Эта сказка взята из «Божественной книги» Аттара[5] (Иллахи-наме) и часто повторяется дервишами, идущими «путем позора». Этот вариант сказки приписывается Камдулу, белильщику, жившему в IX столетии.

Аттар:

Вся вселенная наполнена мною, а я скрыт в ней. Может быть, сокровища всего мира скрыты во мне?

Ты не потерял ничего и не ищи ничего. Того, о чем ты говоришь, нет, и не говори о нем. То, о чем говоришь и знаешь, это и есть ты. Узнай себя многократно

Суфии бывают различными: одни являются сторонниками знания, другие – сторонниками обращения к Богу, третьи – сторонниками любви, четвертые – сторонниками единства Божия, остальные – всего этого, а некоторые ниже этих качеств; имеются суфии без каких-либо определений.

---

5 *Аттар*, Фарид-ад-дин Мохаммад бен Ибрахим ан-Нишабури (1148/51-1220) – знаменитый персидский поэт-мистик. Родился в селении Кадхан около г. Нишапура. Аттар пошел по стопам отца, занявшись аптечным делом и врачебной практикой. К идеям мистицизма приобщился еще в юности. Согласно биографам, Аттар погиб в Илмапуре во время первого нашествия монголов на Иран.

Произведения Аттара свидетельствуют о большой эрудиции автора, поражающего замечательным талантом рассказчика. Многие рассказы и анекдоты из жизни «святых старцев» вошедшие в агиографические очерки Аттара «*Тазкират аль-аумейа*» встречаются в его поэмах. Несомненно, эти рассказы отчасти отражают содержание бесед, которые он вел с навещавшими его суфиями. Некоторые сюжеты приобрели исключительную популярность, они распространились по всему мусульманскому миру, и спустя столетия после смерти Аттара к ним вновь и вновь обращались поэты разных национальностей. Поэмы Аттара «*Мантик ат-тайр*», «*Илахи-наме*» и «*Мусибат-наме*» стали образцовыми для суфийской литературы. В своих произведениях Аттар, прибегая к многочисленным аллегориям, настойчиво разрабатывал тему непрестанного движения, возвращения души мистика через стадии жизненного пути к источнику своего происхождения – Богу, и тему познания божества. Аттар разработал собственную систему мистического пути познания Бога. Аттара считают автором 66 сочинений.

КАК ЛОВИТЬ ОБЕЗЬЯН

Одна обезьяна очень любила вишни. Однажды, сидя на дереве, она увидела на земле вишни совершенно восхитительного вида и спустилась вниз, чтобы взять их. Однако вишни находились в прозрачном стеклянном сосуде. После нескольких неудачных попыток заполучить их, обезьяна наконец додумалась просунуть руку в горлышко сосуда. Зажав одну вишню в кулаке, она хотела вытащить руку, но не смогла: кулак ее оказался шире отверстия сосуда.

Разумеется, все это было подстроено умышленно, и вишни в сосуде были ловушкой, устроенной ловцом обезьян, который знал, как мыслят обезьяны. Услышав обезьяний визг, охотник вышел из своего укрытия. Испуганная обезьяна пыталась удрать, но ее рука, как он и предполагал, застряла в сосуде, и обезьяна утратила способность передвигаться. Охотник заранее знал, что она будет продолжать судорожно сжимать вишню в руке. Таким образом, он без труда ее схватил, а затем резко ударил ее по локтю, отчего кулак ее разжался, и она выпустила наконец вишню. Итак, обезьяна высвободила руку, но оказалась пойманной. Охотник же использовал вишню и сосуд, но не лишился ни того, ни другого.

Примечание Идрис Шаха. Это одна из многих традиционных историй, которые объединены под общим названием «Книга Аму-Дарьи». Река Аму, или Джихун, в Центральной Азии известна современным картографам также как Оксус. Это название представляет собой одновременно дервишский термин. Кроме того, он обозначает группу странствующих учителей, центр которых расположен возле Аубшаура в горах Гиндукуша на территории Афганистана. В настоящей версии история была рассказана ходжой Али Рамитани, умершим в 1306 году.

ДРЕВНИЙ СУНДУК НУРИ БЕЯ

Нури Бей был вдумчивый и всеми уважаемый афганец. Он был женат на женщине гораздо моложе его. Однажды вечером, когда он вернулся домой раньше обычного, к нему подошел его преданный слуга и сказал:

- Ваша жена, моя госпожа ведет себя подозрительно. Сейчас она находится в своей комнате. Там у нее стоит огромный сундук, принадлежавший раньше вашей бабушке. Он достаточно велик, чтобы вместить человека.

- Обычно в нем хранились только старые кружева.

- Я думаю, сейчас в нем есть что-то еще. Она не позволила мне, вашему старому слуге и советчику, заглянуть в него.

Нури вошел в комнату жены и нашел ее в беспокойстве, сидящей перед массивным деревянным сундуком.

- Не покажешь ли ты мне, что в этом сундуке? – спросил он.

- Это все из-за подозрений слуги? Вы мне не верите?

- Не проще ли открыть сундук, не думая о том, чем это вызвано?

- Боюсь, это невозможно.

- Он что, заперт?

- Да.

- А где ключ?

Она показала ему ключ и сказала:

- Прогоните слугу, и вы его получите.

Нури приказал слуге уйти. Женщина протянула ему ключ и удалилась, явно смущенная. Долго размышлял Нури Бей. Затем позвал четырех садовников из своих слуг. Вместе они отнесли ночью сундук в отдаленную часть сада и закопали его, не открывая. И с тех пор – об этом ни слова.

Примечание Идрис Шаха. Много раз подчеркивалось, что эта захватывающая история обладает внутренней значимостью, независимо от своей внешней морали. Эта притча входит в репертуар бродячих дервишей (каландаров)[6]. Их святой покровитель – Юсуф из Андалузии – жил в XIII веке. Раньше их было много в Турции. В немного расширенном варианте притча стала известна в Америке благодаря книге «Ночи Стамбула» Н. Г. Дуайта, опубликованной в США в 1916 и 1922 годах.

---

6 *Каландарийа* – суфийский орден, члены которого доводили до абсурда принцип *малама* («порицание»), заимствованный у маламатийа. Если сторонник *маламатийа* стремился скрыть свой образ жизни и свои взгляды, то последователь *каландарийа* всячески афишировал свое вызывающее поведение, чтобы навлечь на себя порицание, намеренно искал повод нарушить установленные нормы общежития и поведения. Сторонники *каландарийа* исполняли только обязательные предписания веры, но выказывали равнодушие к ритуалу и посту. Они были одержимы идеей «душевного покоя», предпочитали всему другому «духовное очищение», их не привлекали земные радости, так как в мире все преходяще и относительно.

ТРИ ИСТИНЫ

Суфии известны как искатели истины, а истина есть не что иное, как знание объективной реальности. Один невежественный и жадный тиран захотел однажды заполучить эту истину. Его звали Рударигх (Родериго), он был великий лорд Мурсии в Испании. Он решил, что истина – это нечто такое, что можно силой выпытать у Омара эль-Калави из Тарагоны. Омар был схвачен и приведен во дворец. Рударигх сказал:

- Я приказываю тебе немедленно изложить всю истину, известную тебе, понятными мне словами, не то придется тебе распрощаться с жизнью.

Омар ответил:

- Соблюдаешь ли ты при своем благородном дворе всеобщий обычай, согласно которому арестованный должен быть отпущен на свободу, если он в ответ на вопрос говорит правду и эта правда не свидетельствует против него?

- Да, соблюдаю, - ответил владыка.

- Я прошу всех присутствующих быть свидетелями слов нашего владыки, - сказал Омар. – А теперь я скажу тебе истину, и не одну, а целых три!

- Мы должны воочию убедиться, что твои слова действительно представляют собой истину как таковую. Ты должен быть доказательным.

- Для такого владыки, как ты, - продолжал Омар, - которому я собираюсь сообщить не одну, а целых три истины, я уж постараюсь дать истины, которые будут самоочевидными.

Рударигх на этот комплимент распустил хвост веером.

- Первая истина, - сказал суфий, - состоит в том, что я есть тот, кого зовут Омар, суфий из Тарагоны. Вторая – это то, что ты согласился меня отпустить, если я скажу истину. Третья состоит в том, что ты хочешь знать истину, которая соответствует твоему пониманию.

Впечатление от этих слов было таково, что тиран был вынужден отпустить суфия.

Примечание Идрис Шаха. Эта история служит введением в устные предания, которые по традиции идут от аль-Мутанабби. Рассказчики утверждают, что он запретил записывать их в течение 1000 лет. Аль-Мутанабби, один из величайших арабских поэтов, умер тысячелетие назад. Его коллекция преданий отличается тем, что постоянно перерабатывается, поскольку истории из нее имеют непрерывное хождение.

СУЛТАН В ИЗГНАНИИ

Рассказывают, что однажды султан Египта призвал к себе ученых мужей и, как часто в таких случаях бывает, между ними разгорелся спор. Предметом обсуждения служило ночное путешествие Мухаммеда.

В предании говорится, что пророк был вознесен со своего ложа прямо в небесные сферы. Он успел увидеть рай и ад, девяносто тысяч раз беседовал с Богом, пережил еще многое другое и возвратился на землю, когда постель его еще не остыла, а перевернувшийся при его вознесении сосуд с водой даже не успел полностью опустеть. Некоторые считали это возможным благодаря различным измерениям времени. Султан же утверждал, что это совершенно невозможно. Мудрецы уверяли, что для божественной силы возможно все, но этот аргумент ничуть не удовлетворил монарха. Известия об этом споре разошлись далеко и дошли наконец до суфийского шейха Шахамуддина, который тотчас же поспешил во дворец. Султан почтительно приветствовал учителя и оказал ему должное гостеприимство.

- Я вижу, - сказал шейх, - что обе стороны одинаково далеки от истины. Поэтому я приведу свое доказательство без всяких предисловий. Предание можно обосновать реальными фактами, поддающимися проверке, а потому нет нужды прибегать к голым предположениям или скучной и беспомощной «логической аргументации».

В тронном зале было четыре окна. Шейх приказал открыть одно из них. Султан выглянул и ужаснулся: вдали на горе он увидел движущуюся к дворцу несметную армию.

- Не беспокойтесь, это всего лишь мираж, - сказал шейх.

Он закрыл окно, открыл его снова: видение исчезло. Когда открыли другое окно, султан в ужасе вскрикнул – весь город был объят пожаром.

- И это мираж, - напомнил шейх.

Он закрыл окно и открыл его опять – город стоял невредим. Распахнули третье окно, и султан увидел, что жестокое наводнение грозит затопить дворец. Но и эта картина исчезла без следа, когда султан посмотрел в окно еще раз. В четвертом окне вместо обычной пустыни взору открылся райский сад, который также оказался иллюзией.

Затем шейх попросил принести сосуд с водой и предложил султану на мгновение окунуть голову в воду. Султан сделал это, но едва он коснулся лицом воды, как оказался один на пустынном берегу моря в незнакомом месте. Не помня себя от ярости, султан поклялся отомстить шейху за его колдовские чары. Вскоре ему повстречались дровосеки. Они спросили его, как он здесь очутился. Не желая выдавать им своего истинного положения, он сказал, что его корабль утонул, а ему удалось спастись. Они дали ему кое-какую одежду, и он направился в город. Там какой-то кузнец увидел его бесцельно слоняющимся по улицам и спросил, кто он такой.

- Я купец, - ответил султан. – Все мои товары погибли в кораблекрушении, мне же удалось спастись, но я остался нищим и голым. Одежду эту мне дали дровосеки.

Тогда кузнец рассказал ему, что по обычаю их страны любой пришелец может сделать предложение первой женщине, выходящей из бани, и она обязана дать согласие выйти за него замуж. Султан пошел к бане и увидел, как оттуда вышла прекрасная женщина. Он спросил ее, замужем ли она. Оказалось, что у нее есть муж. Вторая была безобразна, но, к счастью, и она оказалась замужем. И третья была замужем. Он подождал еще немного и увидел прелестную женщину. Она сказала, что у нее нет мужа, но прошла мимо него, видимо, оттолкнутая его жалким видом.

Через некоторое время перед ним появился какой-то человек и сказал:

- Меня послали отыскать здесь чужеземца в грязной одежде. Пожалуйста, следуй за мной.

Султан последовал за слугой, и скоро они вошли в великолепный дом. Слуга провел его в богато убранную комнату и оставил там одного. Прошел час, и в комнату вошли четыре прекрасные женщины в роскошных одеждах. Вслед за ними появилась пятая, еще более прекрасная. Султан узнал в ней ту женщину, которая ответила ему, что не замужем. Она приветствовала его и объяснила, что торопилась подготовить дом к его приходу и что ее холодность была всего лишь соблюдением обычая, которого придерживаются все женщины этой страны на улице. Султана одели в изумительные одежды, принесли для него изысканные яства и весь вечер услаждали его слух утонченной музыкой.

Семь лет прожил он со своей женой, пока они не растратили все ее состояние. Тогда женщина сказала, что теперь он должен обеспечить ее и семерых сыновей. Вспомнив своего первого друга в этом городе – кузнеца, султан решил попросить у него совета. Так как он не знал никакого ремесла, кузнец посоветовал ему пойти на базар и наняться носильщиком. Так он и поступил. Однако в первый день работы, перетащив ужасно тяжелый груз, он заработал только одну десятую часть того, что было необходимо для прокормления семьи.

На следующий день султан пошел к морю и отыскал то самое место, где очутился семь лет назад, погрузив голову в сосуд с водой. Решив помолиться, он стал совершать омовение, окунул голову и вдруг увидел, что находится в своем прежнем дворце, рядом с шейхом и придворными. Перед ним стоял сосуд с водой.

- Семь лет в изгнании, о злодей! – заорал султан. – Семья, необходимость быть носильщиком! И как ты не побоялся Бога всемогущего!

- Но ведь это длилось только одно мгновение.

Придворные подтвердили слова шейха. Однако султан не мог заставить себя поверить в это. Он уже хотел было отдать приказ о немедленной казни шейха, но тот, предвидя, что так должно случиться, применил

искусство, называемое «эль-кахайбат» (наука об исчезновении), благодаря которому в мгновение ока переместился в Багдад, на много дней пути от столицы Египта. Оттуда он прислал султану письмо:

«Семь лет прошло для тебя, как ты уже понял, в течение одного мига, пока голова твоя была в воде. Это всего лишь проявление определенных способностей. Твое переживание не имеет особого значения – оно лишь служит иллюстрацией того, что может случиться. Ты спорил о том, могла ли постель не остыть, а сосуд не опустеть, как об этом говорится в предании о пророке. Не то важно, может что-либо произойти или не может, - все может произойти. Важно значение происходящего. Переживание пророка имело глубокое значение, тогда как происшедшее с тобой не имеет никакой ценности».

Примечание Идрис Шаха. Утверждают, что любой отрывок в Коране имеет семь смыслов, каждый из которых соответствует состоянию читателя или слушателя. Этот рассказ, как и многие другие суфийские истории подобного рода, подчеркивает изречение Мухаммеда: «Говори с каждым в соответствии со степенью его понимания». Ибрахим аль-Каззаз формулировал суфийский метод в таких словах: «Демонстрируй неизвестное в терминах того, что называется «известным» в данной аудитории». Настоящий вариант рассказа взят из манускрипта, называемого «Ну-наме» (книга Ну) из коллекции Наваба из Сурдханы, которая датируется 1596 годом.

11

СКАЗАНИЕ ОБ ОГНЕ

Однажды давным-давно один человек, сосредоточенно и упорно размышляя над тайнами природы, раскрыл секрет добывания огня. Этого человека звали Нур. Он решил поделиться с людьми своим открытием и для этого стал путешествовать от общины к общине. Нур передал свой секрет многим группам людей. Некоторые воспользовались этим знанием. Другие, не дав себе труда подумать, каким полезным оно могло бы оказаться для них, поняли только то, что Нур опасен для них, и прогнали его. В конце концов люди какого-то племени, перед которыми он продемонстрировал свое искусство, пришли в дикую панику и убили его, видя в нем исчадие ада.

Прошли века. В одной общине, в которой Нур некогда обучал людей добыванию огня, это знание сохранилось только у особых жрецов, пользующихся властью, богатством и теплом, в то время как остальные люди замерзали от холода. Другая община начисто забыла искусство Нура и стала поклоняться орудиям добывания огня. Люди третьей общины поклонялись образу самого Нура, так как именно он был их учителем. В четвертой общине сохранилась история открытия огня в легендах и преданиях – одни верили в них, другие нет. Пятая община действительно использовала огонь, и это позволяло людям находиться в тепле, готовить пищу и производить разные полезные предметы.

И вот спустя много-много лет один мудрец с небольшой группой учеников путешествовал по землям этих племен. Ученики пришли в изумление при виде такого множества различных ритуалов, с которыми они здесь столкнулись.

- Но ведь все эти действия относятся всего лишь к добыванию огня и ни к чему больше, - сказали они учителю. - Наш долг открыть этим людям правду.

- Что ж, я согласен, - ответил учитель. - Мы повторим наше путешествие, и, благодаря этой новой цели, те из вас, кто уцелеет к его концу, узнают, каковы реальные проблемы и как их решать.

Итак, мудрец и его ученики достигли первого племени, где им оказали радушный прием. Жрецы пригласили

путешественников на церемонию «сотворения огня». Когда церемония окончилась и толпа возбужденно переживала увиденное «чудо», мастер обратился к ученикам:

- Не желает ли кто-нибудь из вас открыть этим людям правду?

Первый ученик сказал:

- Во имя истины я считаю себя обязанным поговорить с этими людьми.

- Если ты собираешься сделать это на свой собственный страх и риск, то начинай, - ответил учитель.

Ученик вышел вперед, стал перед вождем племени и окружавшими его жрецами и сказал:

- Я могу совершить чудо, которое вы относите к особому проявлению божества. Если я сделаю это, признаете ли вы, что уже много веков находитесь в заблуждении?

- Хватайте его! - закричали жрецы.

Этого человека схватили и увели, и никто никогда его больше не видел. Путешественники тронулись в путь и через некоторое время подошли к территории второй общины, где поклонялись орудиям извлечения огня. Еще один ученик вызвался образумить этих людей. С позволения мастера он сказал:

- Я хочу поговорить с вами как с разумными людьми. Вы поклоняетесь даже не самой вещи, а всего лишь средствам, с помощью которых она может быть произведена. Таким образом, вы лишены возможности использовать эту вещь. Я знаю реальность, лежащую в основе вашего обряда.

Эта община состояла из людей более разумных. Но они сказали ученику:

- Так как ты наш гость, мы почтили тебя гостеприимством. Однако, будучи пришельцем, незнакомым с нашей историей и обычаем, ты не можешь понять того, что мы делаем. Ты заблуждаешься. Возможно, ты даже пытаешься лишить нас нашей религии или изменить ее. Поэтому мы не хотим тебя слушать.

Путешественники двинулись дальше. Достигнув земель третьей общины, они увидели перед каждым домом идола, изображающего Нура – открывателя огня. Третий ученик обратился к руководителям общины так:

- Этот идол изображает человека, олицетворяющего собой возможность, которую человек способен использовать, не так ли?

- Может быть, это и так, - ответили почитатели Нура, - но проникнуть в эту тайну дано лишь немногим.

- Да, но только тем немногим, кто поймет, а не тем, кто отказывается смотреть на определенные факты, - сказал третий ученик.

- Все это ересь, к тому же ее высказывает человек, даже не говорящий на нашем языке правильно и не принадлежащий к священникам, к посвященным в нашу веру, - заворчали жрецы.

И этому ученику не удалось добиться успеха. Так группа продолжала свое путешествие, пока не прибыла на территорию четвертой общины. На этот раз перед собранием людей выступил четвертый ученик. Он заявил:

- История о создании огня правдива. Я знаю, как добывать огонь.

В толпе возникло замешательство, высказывались разные мнения. Некоторые говорили:

- Возможно, это правда, и если так, то мы непременно хотим узнать, как добывать огонь.

Но когда мастер и его последователи испытали их, оказалось, что большинство стремилось

использовать огонь для своей личной выгоды. Они не понимали того, что огонь есть нечто необходимое для человеческого прогресса. Умы подавляющего числа людей этого племени были настолько пропитаны извращенными легендами, что те, кто воображал себя способными воспринимать истину как таковую, на деле оказывались, как правило, неуравновешенными людьми, которые не смогли бы получить огонь, даже если бы им показали, как это делается. Были и другие, которые заявляли:

- Конечно, в легендах нет ничего правдивого. Этот человек просто хочет нас одурачить, чтобы занять в нашей общине высокое положение.

Третья партия говорила:

- Наши легенды должны остаться такими, какие они есть, поскольку это наше наследие, соединяющее всех нас в единое целое. Если мы сейчас откажемся от них, а затем обнаружим, что новое толкование никуда не годно, что тогда станет с нашим обществом?

Были также и другие точки зрения.

Итак, группа отправилась дальше и пришла наконец на территорию пятой общины, где разведение огня было чем-то обычным и общедоступным. Но и там путешественникам встретились испытания.

И тогда мастер сказал своим ученикам:

- Вы должны научиться тому, как учить, ибо человек не желает, чтобы его учили. Сперва вы должны будете научить людей тому, как учиться. А перед этим еще необходимо объяснить им, что существует нечто такое, чему следует учиться. Люди воображают, что они уже все знают. Они хотят изучать то, что они считают необходимым изучать, - а не то, что должно быть изучено прежде всего.

Только когда вы поймете все это, мы сможем изобрести метод обучения. Знание без специальной способности учить – это не то же самое, что знание и наличие этой способности.

Примечание Идрис Шаха. Известно, что Ахмад аль-Бадави (умер в 1276 году) на вопрос, что такое варвар, ответил:

- Варвар – тот, чьи восприятия настолько грубы, что ему кажется, будто через ощущения и размышления он способен понять то, что можно постичь только в результате эволюции и постоянного приложения усилий на пути к Богу.
Люди смеются над Моисеем и Иисусом из-за своей абсолютной невосприимчивости, а также потому, что скрыли от самих себя истинный смысл слов и действий этих великих пророков.

Согласно дервишским сведениям, аль-Бадави был проклят за проповедь христианства мусульманам, но в то же время он отвергался христианами за то, что отказался понимать буквально позднейшую христианскую догму.
Аль-Бадави основал египетский орден Бадавийа.

ВЕЛИКАН-ЛЮДОЕД И СУФИЙ

Один странствующий суфийский мастер, пересекая высокие горы, где никогда не ступала нога человека, повстречался с людоедом исполинских размеров.

- Я тебя съем, - сказал великан суфию.

Но суфий на это ответил:

- Прекрасно, съешь меня, если сможешь, но должен тебя предупредить, что я тебя одолею, ибо я бесконечно могущественней, чем ты думаешь.

- Вздор, - взревело чудовище, - ты всего лишь суфийский мастер, погруженный в духовные науки. Ты не сможешь одолеть меня потому, что я полагаюсь на свою грубую силу и я в 30 раз больше тебя.

- Что ж, давай померяемся силами, - предложил суфий, - возьми этот камень и сожми его так, чтобы из него потекла вода.

С этими словами он протянул великану обломок скалы. Великан изо всей силы сдавил камень, но воду из него выдавить не смог.

- Это невозможно, - сказал он, - потому что в этом камне нет воды. Попробуй-ка сам.

К тому времени над землей сгустились сумерки, и мастер, воспользовавшись темнотой, незаметно достал из кармана яйцо и вместе с камнем сжал его в кулаке прямо над ладонью людоеда. Почувствовав текущую на ладонь жидкость, великан был изумлен: людей часто изумляют вещи, которым они не могут дать объяснения, и к таким вещам они начинают относиться с гораздо большим почтением, чем того требуют их собственные интересы.

- Я должен обдумать это, - сказал великан. - Пойдем, переночуешь сегодня в моей пещере.

Великан привел суфия в огромную пещеру, напоминавшую пещеру Аладдина обилием всякого рода вещей – всем, что осталось от несметного количества жертв прожорливого гиганта.

- Ложись возле меня и спи, - сказал людоед, - а утром мы продолжим наше состязание.

Затем он улегся и тут же заснул. Почувствовав что-то неладное, мастер тихо поднялся, соорудил из тряпок, валявшихся на полу, подобие спящего человека, а сам устроился поодаль на безопасном месте. Только он прилег, людоед проснулся. Схватив огромную дубину, с дерево величиной, он изо всех сил семь раз ударил по пустому ложу, затем снова улегся и уснул. Мастер вернулся на свою постель и сонным голосом позвал людоеда:

- Эй, людоед! В твоей пещере удобно, но меня только что семь раз укусил какой-то комар. Ты должен что-нибудь с ним сделать.

Эти слова так потрясли и испугали великана, что он не решился больше напасть на суфия. Ведь если человека семь раз ударили изо всех сил дубиной величиной с дерево, то он... Утром людоед кинул под ноги суфию целую бычью шкуру и сказал:

- Принеси воды, надо заварить к завтраку чаю.

Вместо того чтобы взять шкуру (которую он вряд ли сумел бы поднять), мастер направился к ручью, протекавшему поблизости, и стал рыть от него небольшую канавку в направлении пещеры. Между тем жажда так одолела людоеда, что, не в силах больше ждать, он крикнул суфию:

- Почему ты не несешь воду?

- Терпение, мой друг, я сейчас подведу ключевую воду прямо к твоей пещере, чтобы тебе не пришлось больше таскаться с этой бычьей шкурой.

Но людоед не мог больше терпеть. Схватив шкуру, он в несколько прыжков оказался у источника и набрал воды сам. Когда чай был готов и людоед утолил жажду огромным количеством воды, ум его несколько прояснился, и он сказал суфию:

- Если ты и впрямь сильный, как ты мне показал, то почему же тогда ты не смог прорыть канал быстрее и рыл его в час по чайной ложке?

- Потому, - ответил мастер, - что никакое дело не может быть сделано должным образом без минимальной затраты усилий. Определенные усилия требуются для всего. Вот и я затратил минимум усилий, необходимый для рытья канала. К тому же я знаю, что ты – существо, настолько привязанное к своим привычкам, что все равно всегда будешь пользоваться бычьей шкурой.

Примечание Идрис Шаха. Эту историю можно часто слышать в чайханах Центральной Азии. Она очень напоминает европейские народные сказки средних веков. Настоящий вариант ее взят из Маджла – дервишской коллекции, впервые записанной Никаяти в XI столетии, как сообщается в конце минускрипта. Но в том виде, в каком история приводится здесь, она датируется XVII веком.

КУПЕЦ И ХРИСТИАНСКИЙ ДЕРВИШ

Один богатый купец из Тебриза приехал в Конью в поисках мудреца, который помог бы ему в его затруднениях. Побывав у религиозных руководителей, законоведов и других умных людей, он прослышал о Руми и пришел к нему. Купец взял с собой 50 золотых монет, решив поднести их мудрецу. Когда он вошел в приемный зал и увидел Мауляну7, его охватило волнение. Джалал ад-дин произнес:

- Твои 50 золотых приняты. Но ты потерял 200, и это привело тебя сюда. Бог наказал тебя, но он также показывает тебе нечто. Теперь все у тебя наладится.

Проницательность Руми изумила купца.

Руми продолжал:

- Тебе пришлось испытать много трудностей из-за того, что ты однажды, далеко на Западе, в христианском мире, проходил мимо христианского дервиша, лежащего на улице, и плюнул на него. Найди его, попроси прощения и передай ему наш привет.

Тут купец пришел в совершенное замешательство, увидев, что его душа – открытая книга для Руми.

- Смотри, - сказал Джалал ад-дин, - сейчас мы покажем его тебе.

С этими словами мастер прикоснулся к стене комнаты, и взору купца открылась базарная площадь в Европе с лежащим на ней святым. Купец, отшатнувшись от этой сцены, ушел от мастера глубоко потрясенный. Он немедля отправился в Европу и нашел христианского мудреца лежащим на земле. Когда он приблизился, франкский дервиш сказал:

- Наш мастер Джалал ад-дин связался со мной.

Купец взглянул в том направлении, куда указывал дервиш, и увидел, словно на картине, Джалал ад-дина, который пропел такие стихи:

- И для рубина, и для простой гальки – для всего есть место на Его холме.

Возвратившись назад в Конью, купец передал поклон франкского святого Джалал ад-дину и обосновался в дервишской общине.

Примечание Идрис Шаха. Современные академические исследования немного прояснили, насколько Руми повлиял на западную мысль и литературу. Нет сомнения, что у него были западные ученики; кроме того, его истории появляются в сказках Г. Х. Андерсена, у Джестера Монорма и даже у Шекспира.

На востоке традиционно повторяется весьма важное утверждение о связи Руми с западными мистиками и мыслителями. Настоящий вариант рассказа «Купец и христианский дервиш» взят из манускрипта Афлаки «Манакиб ал-арифин» (жития ранних дервишей ордена Маулавийа8), датируемого 1353 годом.

Джалал ад-дин Руми:

Науку познаешь с помощью слов, искусство – с помощью практики, а отчужденность познается в компании.

То, что обычному человеку кажется камнем, для знающего является жемчужиной.

Голые сучья, кажущиеся зимой спящими, тайно работают, готовясь к своей весне.

Первоначально ты был глиной. Пройдя стадию минерала, ты стал растением. Из растения ты стал животным и из животного – человеком. В течение этих периодов человек не знал, куда идет, но все же был вовлечен в это длинное путешествие. И еще сотню разных миров предстоит тебе пройти.

Мир скрытый имеет свои облака и дожди, но иные, чем здесь. Его небеса и солнечный свет иного порядка. Но все это становится явным лишь для утонченного – того, кого не обмануть кажущейся завершенностью обычного мира.

---

7 *Мауляна*, от тур. *мола*, *мевла* – господин, покровитель; *мауляна*, *мавлана* – «наш господин», титул Джалал ад-дина Руми.

8 *Маулавийа* – суфийское братство, формально основанное около 1240 г. Джалал ад-дином Руми в Конье. В основе мировоззрения маулавийа лежат идеи «третьего пути» Джалал ад-дина Руми, а также полная уверенность его последователей в том, что основатель и святой-покровитель братства являлся личностью, на которой отражался предвечный свет тайного знания Пророка. В маулавийа придают особое значение (в отличие от других братств) слушанию музыки, пению и танцам во время мистических радений и коллективного зикра. Члены маулавийа считали, что частица Абсолютной души, заложенная в человеческом сердце, лучше всего просветляется и очищается во время танца под воздействием музыки – когда стремится к слиянию со своей первоосновой, а также, что музыка полнее всего помогает раскрыться любви к Богу.

ЗОЛОТОЕ СОКРОВИЩЕ

Давным-давно жил-был купец по имени Абдул Малик. За его щедрость люди прозвали его добрым человеком из Хорасана. Абдул Малик постоянно жертвовал из своих несметных богатств на благотворительные цели и часто устраивал пиры для бедняков. Но вот однажды он задумался над тем, что отдает лишь малую толику своих богатств и что истинная цена его щедрости ничтожна по сравнению с удовольствием, которое она ему доставляет. И он тут же решил раздать на благо людей все до последнего гроша. Так Абдул Малик расстался со всем своим состоянием. Когда он освободился от всего, чем владел, в ожидании встречи с тем, что приготовила для него жизнь, как-то раз во время медитации перед ним возникло странное видение: прямо на его глазах стала вырисовываться, как будто вырастая из пола, загадочная фигура дервиша в залатанных одеждах.

- О Абдул Малик, добрый человек из Хорасана, - нараспев произнес дервиш, - я – твое реальное «я», теперь ставшее для тебя почти осязаемым потому, что ты проявил истинную щедрость, по сравнению с которой твоя репутация щедрого человека – ничто. И за это, а также за то, что ты сумел расстаться

со своими богатствами, не думая о своем удовлетворении, я награждаю тебя из настоящего источника наград. С этого дня я буду появляться перед тобой каждый день в этом облике. Ты будешь ударять меня, и я буду превращаться в золотую статую. Ты можешь отламывать от статуи столько золота, сколько пожелаешь. И пусть тебя не беспокоит, что этим ты принесешь мне ущерб, ибо сколько бы ты ни взял, все это будет восстанавливаться из Источника Всех Даров.

Сказав так, он исчез.

На следующее утро Малика пришел навестить его друг Бай Акал. Только они уселись, перед ними возник призрак дервиша. Малик ударил его палкой, и дервиш, повалившись на пол, превратился в золото. Немного золота Малик взял себе и немного подарил своему гостю.

Возвратившись к себе домой, Бай Акал, не зная, что всему этому предшествовало, стал думать, как бы и ему совершить подобное чудо. Он много слышал о чудесных силах дервишей и пришел к такому выводу: чтобы заполучить золото, достаточно избить дервиша. Бай Акал во всеуслышание объявил, что устраивает богатый пир, на который приглашаются все желающие дервиши. В назначенный день к дому Бай Акала потекли толпы дервишей. Усадив их всех за стол, он стал их обильно потчевать, пока они не наелись досыта. Затем он схватил железный прут и принялся лупить их так, что направо и налево падали избитые и покалеченные тела. Наконец нескольким дервишам удалось схватить безумца, и они привели его к судье. Дервиши предъявили Бай Акалу обвинение и в доказательство представили своих раненых собратьев. Бай Акал стал оправдываться и рассказал все, что случилось в доме Малика.

Малика вызвали в суд. Но по дороге его золотое «я» нашептало ему, что говорить судье. Представ перед судом, он сказал:

- С вашего позволения, должен заметить, что, по моему мнению, этот человек сошел с ума или как-то пытается оправдать свою склонность без причины нападать на людей. Я в самом деле его знаю; но все то, что он рассказывает, совершенно не соответствует действительности.

Итак, Бай Акала поместили в сумасшедший дом; там он пробыл некоторое время, пока не успокоился. Дервиши почти тут же выздоровели благодаря какой-то известной им науке. И никто не верил, что такое изумительное событие, как превращение человека в золотую статую, могло когда-нибудь действительно случиться. А Малик всю оставшуюся жизнь, пока не отправился к своим предкам, продолжал разбивать статую, которая была им самим, и раздавать сокровища своего «я» тем, кому он мог помочь только материально.

Примечание Идрис Шаха. Дервишская традиция говорит о том, что священники передают свои морально-возвышенные учения в иносказательной форме, но дервиши свои учения скрывают еще лучше, так как только усилия человека к пониманию, либо усилия со стороны обучающего мастера создают тот эффект, который действительно помогает внутреннему изменению изучающего.
Эта сказка еще больше походит на притчу, чем большинство ей подобных. Но дервиш, который рассказывал ее на базарах Пешевара в начале XIX века, предупреждал:
- Размышляй над первой частью рассказа – там ты найдешь метод; не обращай внимания на мораль.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОДСВЕЧНИК

Однажды, давным-давно, одна бедная вдова сидела у окна в своем доме и глядела на улицу, как вдруг увидела убогого дервиша, устало плетущегося по дороге. Его изможденный вид, залатанная одежда, покрытая пылью, взывали к состраданию и требовали участия. Выбежав из дома, женщина окликнула

дервиша.

- Благородный дервиш, - обратилась она к нему, - я знаю, что ты один из избранных. Но иногда даже такие ничтожные, как я, могут оказаться полезными искателям. Войди в мой дом и отдохни немного, ибо сказано: «Тому, кто помогает друзьям, будет послана помощь, а тот, кто помешает им, встретит препятствие на своем пути, но как это случится и когда – людям неведомо».

- Благодарю тебя, добрая женщина, - ответил дервиш и вошел в дом.

Он провел у нее несколько дней и за это время прекрасно отдохнул и восстановил свои силы. У вдовы был сын по имени Абдулла, который всю свою жизнь только тем и занимался, что рубил лес и отвозил дрова на ближайший базар. Будущее не сулило ему никаких счастливых изменений; работа дровосека отнимала все его время и не давала ему возможности расширить свой жизненный опыт настолько, чтобы выбраться из бедности. Когда дервиш стал собираться в дорогу, он сказал Абдулле:

- Сын мой, я – человек знания, хотя и могу выглядеть беспомощным в этом мире, зато я одарен вниманием и могу видеть то, чего не видят другие. Если твоя мать не возражает, стань моим спутником, и я разделю с тобой те великие благоприятные возможности, которые встретятся на пути.

Конечно, мать была рада позволить своему сыну сопровождать мудреца, и они вместе тронулись в путь. Они прошли много стран и встретили на пути множество испытаний. Но вот однажды дервиш сказал:

- Абдулла, мы пришли к нашей цели. Сейчас я совершу особые ритуалы, и, если высшие силы отнесутся к нам благосклонно, мы увидим то, что открывается лишь немногим людям: земля расступится перед нами и откроет доступ к сокровищам, спрятанным здесь много лет назад. Нет ли в тебе страха, мой друг?

Абдулла поклялся быть стойким, что бы ни случилось, и дал свое согласие. Тогда дервиш стал совершать какие-то странные движения и произносить непонятные слова, которые Абдулла повторял за ним, и вдруг земля заколебалась у них под ногами, и перед ними открылся вход в подземелье.

- Теперь, мой мальчик, слушай меня внимательно, - сказал дервиш. – Ты должен спуститься в это подземелье и найти там железный подсвечник. Ты увидишь дивные сокровища, подобные которым редко удается увидеть смертному, но ни к чему не прикасайся; помни, что твоя единственная цель – железный подсвечник. Как только ты его найдешь, возвращайся назад.

Спустившись в сокровищницу, Абдулла был просто ошеломлен – столько там было сверкающих драгоценных камней, золотой посуды, удивительных богатств, которые невозможно описать. Позабыв все наставления дервиша, он принялся подбирать самые красивые и блестящие камни, как вдруг наткнулся на подсвечник. Ничего страшного не случится, решил Абдулла, если, взяв подсвечник для дервиша, он припрячет для себя немного золота и драгоценных камней. Итак, наполнив свои широкие рукава сокровищами, он стал подниматься по ступенькам вверх. Но когда он выбрался на поверхность, то с удивлением увидел перед собой свою лачугу, а дервиш исчез без следа.

Абдулла поспешил к матери, чтобы скорее показать ей сокровища. Но как только он высыпал их перед нею, они вдруг стали таять и пропали. Остался только подсвечник. Он внимательно рассмотрел его. Подсвечник был с двенадцатью свечами. Абдулла зажег одну из них – и тут же перед ним возникла фигура, похожая на дервиша. Видение покружилось немного, потом положило на землю монету и исчезло. Тогда он зажег все двенадцать свечей. Двенадцать дервишей предстали перед ним. Целый час они выполняли какие-то ритмичные движения и, прежде чем исчезнуть, бросили ему двенадцать монеток. Придя в себя от изумления, Абдулла и его мать поняли, что теперь могут неплохо зажить, если танцующие дервиши будут каждый день приносить им по двенадцать монеток.

Но прошло какое-то время, и Абдулла, вспомнив о несметных сокровищах, которые он видел в пещере, решил еще раз попробовать разбогатеть по-настоящему. Он долго искал то место, где был вход в подземелье, но никак не мог найти его. Желание обрести богатство, однако, не давало ему покоя. Он пустился странствовать по свету и, исходив много дорог, подошел наконец к великолепному дворцу. Слуги

провели его в роскошный зал, и он был весьма обрадован и удивлен, увидев там того дервиша, которому когда-то помогла его мать. Дервиш был в царских одеждах, и его окружали толпы учеников.

- Сейчас, о неблагодарный, - произнес дервиш, - я покажу тебе, что может делать этот подсвечник.

С этими словами он схватил палку и ударил по подсвечнику. Тут каждая ветвь подсвечника превратилась в сокровище, превосходившее собой все то, что юноша видел в пещере. Дервиш стал раздавать золото, серебро и драгоценные камни достойным, и в этот миг произошло чудо: подсвечник вновь появился, готовый к новому использованию.

- Так как ты не можешь правильно использовать вещи, - сказал дервиш, - и так как ты не оправдал моего доверия, ты должен от меня уйти. Но за то, что ты, по крайней мере, вернул подсвечник, я дарю тебе верблюда, груженного золотом.

Ночь Абдулла провел во дворце, а утром, ухитрившись стащить подсвечник, спрятал его под седло верблюда и тронулся в обратный путь. Возвратившись домой, он зажег свечи и ударил по подсвечнику палкой. Но так как он невнимательно следил за действиями дервиша, то вместо того, чтобы взять палку в правую руку, он взял ее в левую. Тут же появились двенадцать дервишей, в один миг подняли вьючного верблюда, груженного золотом и драгоценностями, подхватили подсвечник и растворились в воздухе. И Абдулле стало еще тяжелее, ибо он не мог простить себе глупости и неблагодарности, непрестанно казнил себя за воровство и до конца своей жизни не мог забыть о том, что находился в такой близости к богатству. Но другая возможность ему уже больше не представилась, и он навсегда потерял покой.

Примечание Идрис Шаха. Эта сказка используется в суфийских школах как упражнение для развития учеников, мыслящих буквально. Она указывает в скрытой форме на определенные упражнения и содержит в себе идею о том, что люди, пытающиеся выполнить мистические процедуры, не преодолев в себе некоторых личных склонностей, достигнут результатов, противоположных тем, которые они ожидали.

УДАРЬ В ЭТОМ МЕСТЕ

Зу-н-Нун Египетский использовал притчу, чтобы на наглядном примере показать, как ему удалось расшифровать значение египетских надписей.

В одном месте стояла статуя человека, указывающего пальцем на что-то. Статуя стояла на массивном камне, на котором была выбита надпись: «Ударь в этом месте, чтобы овладеть сокровищами». Происхождение статуи терялось в далекой древности. Из поколения в поколение люди колотили по месту, отмеченному надписью, но камень был из такой твердой породы, что даже самые сильные удары не оставляли на нем ни единой царапины, и тайну эту никто не мог разгадать.
Однажды – это было в полдень, - Зу-н-Нун, размышляя о статуе, обратил внимание на то, что тень от указательного пальца каменного человека (никто в течение веков не замечал этого) легла на одну из плит мостовой, служившей основанием древнего изваяния. Он отметил это место, затем раздобыл необходимые инструменты и приподнял плиту; перед ним открылся вход в подземелье, в котором оказались чудесные произведения искусства. Исследовав их, он открыл науку их изготовления, давно забытую людьми, и таким образом овладел сокровищами древнего знания и материальными творениями, воплощающими это знание в себе.

Примечание Идрис Шаха. Почти такую же историю рассказал римский Папа римский Сильвестр II, который в X веке привез из испанской Севильи «арабские» учения, в том числе и математику. Слывя магом

благодаря своим мистическим достижениям, Герберт (таково было его первоначальное имя), «жил с одним философом из сарацинской секты». Нет почти никакого сомнения, что он знал эту суфийскую историю. Говорят, что впервые ее передал халиф Абу-Бакр[9], умерший в 634 году.

---

9 *Абу Бакр* ас-Сиддик, Абдаллах (ал-Атик) бен Усман (ок. 572-634) – первый из четырех «праведных» халифов. К нему возводят свою духовную родословную некоторые суфийские ордена.

ПОЧЕМУ ГЛИНЯНЫЕ ПТИЦЫ ВЗЛЕТЕЛИ

Однажды Иисус, сын Марии, будучи еще ребенком, вылепил из глины маленьких птиц. Увидев это, другие дети, не умевшие лепить птиц, побежали к взрослым и пожаловались на него. Взрослые сказали:

- Непозволительно заниматься такими делами в святой день, - ибо это было в субботу.

И они направились к луже, у которой играл Иисус, и, подойдя к нему, спросили, где вылепленные им птицы.
В ответ Иисус указал на глиняных птиц, и в тот же миг птицы взлетели в воздух и улетели прочь.

- Сделать летающих птиц невозможно, а значит, он не нарушил субботы, - сказал один из взрослых.

- Я хотел бы овладеть этим искусством, - сказал другой.

- Это не искусство, - возразил третий, - обыкновенный трюк, зрительный обман и ничего больше.

Итак, суббота не была нарушена, волшебное искусство так и осталось никому не известным; а что касается обмана, то взрослые, как и их дети, обманули сами себя, потому что не ведали, с какой целью были вылеплены птицы. То, что в субботу запрещалось чем бы то ни было заниматься, имело свою причину, но она была давно позабыта. Взрослые не обладали знанием того, как отличить ложь от истины. Происхождение волшебного искусства, равно как и цель сотворенного чуда, были им совершенно неведомы. Потому все это не имело для них никаких последствий.

Так же было и с вытягиванием деревянной доски.
Рассказывают, что однажды Иисус помогал Иосифу-плотнику в его мастерской. Одна доска оказалась слишком короткой, и тогда Иисус каким-то образом вытянул ее до требуемой величины.Когда эту историю рассказали людям, один сказал:

- Но это же настоящее чудо, этот мальчик непременно станет святым.

Другие сказали:

- Мы не поверим в это до тех пор, пока не увидим все своими глазами.

- Этого не может быть, - сказали третьи, - потому что этого не может быть никогда. Эту историю надо исключить из книг.

Все они, с их различными мнениями, отнеслись к этому преданию совершенно одинаково – потому что им были неизвестны цель и смысл утверждения «он растянул доску».[10]

Примечание Идрис Шаха. Суфийские авторы часто ссылаются на Иисуса как на Мастера Пути.

Существует, кроме того, невообразимое множество устных преданий о нем, популярных на Среднем Востоке, которые до сих пор ожидают своего собирателя. В несколько измененном виде эту историю можно встретить во многих дервишских коллекциях.

Суфии говорят, что «сын плотника» и другие названия евангельских персонажей по роду профессии представляют собой термины посвятительного значения и не всегда указывают на социальное занятие человека.

---

10 Ср. апокрифическое Евангелие от Фомы (Евангелие детства) (II; XIII).

II. Когда маленькому Иисусу было пять лет, Он играл у брода через ручей, и собрал в лужицы протекавшую воду, и сделал ее чистой, и управлял ею одним своим словом. И размягчил глину, и вылепил двенадцать воробьев. И была суббота, когда Он сделал это. И было много детей, которые играли с Ним. Но когда некий иудей увидел, что Иисус делает, играя в субботу, он пошел тотчас к Его отцу Иосифу и сказал: «Смотри, твой ребенок у брода, и он взял глину, и сделал птиц, и осквернил день субботний». И когда Иосиф пришел на то место и увидел, то он вскричал: «Для чего делаешь в субботу то, что не должно?!» Но Иисус ударил в ладоши и закричал воробьям: «Летите!» - и воробьи взлетели, щебеча. И иудеи дивились, увидев это, и ушли, и рассказали старейшинам, что они видели, как Иисус свершил сказанное.

XIII. Его {Иисуса} отец был плотник и делал в это время орала и ярма. И богатый человек велел ему сделать для него ложе. Но когда одна перекладина оказалась короче другой и Иосиф не мог ничего сделать, мальчик Иисус сказал своему отцу Иосифу: «Положи рядом два куска дерева и выровняй их от середины до одного конца. И когда Иосиф сделал то, что ребенок сказал ему, Иисус встал у другого конца и взял короткую перекладину, и вытянул ее, и сделал равной другой. И Его отец Иосиф видел это и дивился, и он обнял и поцеловал ребенка, говоря: «Счастлив я, что такого Сына дал мне Бог».

Перевод *И. С. Свенцицкой*)

КОМАР НАМУС И СЛОН

Давным-давно жил-был комар по имени Намус, который за свой тонкий ум был прозван Проницательным Намусом. Однажды, поразмыслив над своей жизнью и руководствуясь весьма благовидными и вескими причинами, Намус решил поменять свое жилище. Своим новым обиталищем он избрал ухо одного слона, ибо такого рода дом казался ему самым подходящим и удобным. Итак, оставалось только осуществить задуманное, так что вскоре Намус обосновался в просторном и очень уютном ухе.

Спустя какое-то время Намус произвел несколько поколений комаров. В жизни его периоды напряженного труда чередовались с периодами отдыха и покоя, радость сменялась печалью, поиски увенчивались достижениями; словом, судьба его была судьбой всех комаров на свете. Ухо слона было его домом, и, как бывает в таких случаях, он чувствовал, что вся его жизнь, его история, само его существо неразрывно связано с этим местом. Это ощущение он постоянно поддерживал в себе, пока оно не стало частью его самого. Ухо было таким теплым, таким уютным, таким просторным. Здесь ему довелось так много всего пережить...

При переезде в этот дом Намус, естественно, не обошелся без приличествующих случаю церемоний вежливости. Прежде чем въехать в новое жилище, он изо всей мочи пропищал слону о своем решении.

- О слон, - закричал он, - знай, что не кто иной, как я, комар Намус, по прозвищу Проницательный, собираюсь поселиться здесь. И так как это твое ухо, то я, желая соблюсти обычай, сообщаю тебе о моем решении.

Слон не возразил. И Намус вселился, ибо не подозревал о том, что слон попросту его не услышал. Если уж быть справедливым, он и не почувствовал вселения комара со всем его многочисленным семейством в свое ухо. Не будучи от природы неучтивым созданием, он просто даже и не знал о существовании какого-то там комара.

Но вот прошло какое-то время, и Намус, побуждаемый вескими и неотлагательными причинами, решил снова поменять свое жилище. И, как в начале, он решил, что сделать это он вправе только в соответствии с установленной и освященной веками традицией. Он стал заранее готовиться к тому, чтобы объяснить слону свое решение – покинуть его ухо. Итак, окончательно утвердившись в своем решении и хорошо отрепетировав прощальный монолог, он прокричал его слону в самое ухо. Но не получил никакого ответа. Он крикнул еще раз, но слон по-прежнему хранил молчание. Тогда Намус, полный решимости заставить все-таки слона услышать его назойливые, но красноречивые слова, набрал полную грудь воздуха и в третий раз прокричал:

- О слон, знай, что я, Проницательный Намус, намерен покинуть свой очаг и дом, оставить свою резиденцию в твоем ухе, в котором я так долго прожил. И для этого у меня есть вполне веские основания, и я хочу их тебе изложить.

Наконец слова комара достигли слуха слона, и он сумел их разобрать. Пока он их обдумывал, комар продолжал:

- Что ты мне ответишь на это?

Слон медленно поднял свою огромную голову и протрубил:

- Ступай с миром, ибо поистине твой уход имеет для меня такое же значение, какое имел твой приход.

Примечание Идрис Шаха. Эта сказка о Проницательном Намусе на первый взгляд может показаться язвительным намеком на предполагаемую бесполезность жизни. Такое понимание сказки, сказал бы суфий, говорит о невосприимчивости читателя. Что по внутреннему смыслу должно быть подчеркнуто в этой истории, так это недостаток человеческих суждений об относительной значимости жизненных ценностей. Человек полагает вещи, в действительности имеющие большое значение, неважными, тогда как обыденные, по его мнению, - существенны. Эта история приписывается шейху Маламати[11] Мактулу. В 1575 году, обвиненный в христианстве, он был казнен.

---

11 *Маламатийа* – мистико-аскетический суфийский орден. В основе учения *маламатийа* лежит догмат полной ничтожности человеческой личности перед Богом, а также постулат о совершенной искренности и честности в своих поступках. Сторонники этого ордена отвергали положение о *таваккул* (полное упование на милость Божью) и считали обязательным добывать средства к жизни собственным трудом; но, занимаясь мирскими делами, они постоянно были погружены в мысли о Боге. Приверженцы *маламатийа* трудились ровно столько, сколько было необходимо, чтобы прокормить себя и семью. Остальное время они были сосредоточены на самих себе, борясь с собственным «я», поэтому чурались идей интеллектуального мистицизма.

Основная идея, проповедуемая *маламатийа*, состоит в том, что путник Истины должен скрывать внутри себя все достоинства и положительные качества. Член ордена маламатийа должен себя вести в обществе так, чтобы окружающие люди не заметили его добрых и благородных качеств. Он так должен внешне вести

себя, чтобы стать объектом порицания людей.

.

ИДИОТ, МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК И КУВШИН

Идиотом может быть назван обычный человек, который склонен неверно истолковывать то, что случается с ним, что делает он сам и что делается другими. Причем он дает этому столь правдоподобные объяснения для себя и себе подобных, что мир, в котором он живет, кажется логически завершенным и истинным.

Такому идиоту однажды вручили кувшин и послали за вином к одному мудрому человеку. По дороге он из-за своей невнимательности споткнулся о камень, упал и разбил кувшин.
Придя к мудрецу, он показал ему ручку от кувшина и сказал:

- Такой-то человек послал вам этот кувшин, но злой и ужасный камень украл у меня его в пути.

Эти слова весьма рассмешили мудрого человека, но, желая все-таки проверить последовательность мышления идиота, он спросил:

- Если кувшин украли, зачем же ты принес ручку от него?

- Я не так глуп, как думают люди, - ответил идиот, - я принес тебе ручку в доказательство моих слов.

Примечание Идрис Шаха. Среди дервишских учителей время от времени повторяется, что человек, как правило, не в состоянии раскрыть внутреннее направление событий, что дало бы ему возможность в полной мере пользоваться своей жизнью. Эта история, представленная английской аудитории полковником Вильберфорсом Кларком в произведении «Диван-и-Хафиз», типична для суфийской литературы. Существует утверждение, что, освоив эту доктрину через подобные карикатурные иллюстрации, определенные человеческие существа могут в самом деле «повысить свою чувствительность» и постичь внутренний ход событий. Приводимый здесь вариант взят из дервишской коллекции, приписываемой Пир-и-ду-Сара, «обладателю залатанной одежды», который умер в 1790 году и похоронен в Мазар-и-Шариф в Туркестане.

СВОЕНРАВНАЯ ЦАРЕВНА

Некогда жил-был один царь. Все то, чему его научили с детства и во что он верил, было для него несомненной истиной. Но сам он был ограниченным и недалеким человеком, хотя во многом он был справедлив. У него было три дочери, и однажды он призвал их к себе и сказал им:

- Все, чем я владею, принадлежит вам или будет принадлежать вам. От меня вы получили жизнь. Только от меня зависит ваше будущее, а значит, и ваша судьба.

Две старшие дочери, полные признательности и доверия к его словам, тут же с ним согласились. Но третья дочь, самая младшая, сказала:

- Хотя долг обязывает меня повиноваться тебе, я все же не могу поверить в то, что моя судьба всегда должна зависеть от твоей воли.

- Мы проверим это, - сказал царь и тут же приказал заточить девушку в маленькую келью.

В своей тюрьме царевна провела несколько лет, в то время как ее послушные сестры привольно жили и наслаждались богатствами, которые могли бы принадлежать и ей. Заточив свою дочь, царь сказал сам себе: «Моя дочь томится в келье не по своей воле, а по моей. Это в полной мере доказывает для всякого здравомыслящего ума, что не от нее, а именно от меня зависит ее судьба».

Жители той страны, прослышав о том, что случилось с царевной, говорили друг другу:

- Все мы знаем нашего правителя, и ничего дурного за ним не замечали. Раз он обошелся так со своей собственной дочерью, которая есть его плоть и кровь, значит, она сказала или сделала что-то очень плохое.

Они искренне думали так, потому что не достигли того уровня, чтобы обсуждать притязания царя на абсолютную правоту всегда и во всем. Время от времени царь навещал свою дочь. Он заставал ее с каждым разом все более ослабевшей и изможденной. Но ничто не могло сломить ее. Наконец царь потерял терпение.

- Твое упорное непослушание, - сказал он ей однажды, - может только раздражить меня еще больше и, возможно, ослабит мой авторитет; я могу убить тебя, но у меня доброе сердце; поэтому я решил тебя изгнать за пределы моего царства в дикую пустыню, где живут только звери и такие же безумцы, как ты, которые не смогли ужиться в нашем разумном обществе. Там ты быстро поймешь, можешь ли ты существовать без своей семьи, и если сможешь, то предпочтешь ли этот образ жизни нашему.

Его указ был тут же выполнен, и царевну прогнали за пределы царства. И вот она оказалась на свободе: в дикой местности, в обстановке, ничуть не похожей на ту, к которой она привыкла с детства. Однако вскоре она поняла, что пещера может стать домом, орехи и фрукты, сорванные с дерева, так же вкусны, как поданные на золотых тарелках, что тепло исходит от солнца. Эта местность имела свой собственный климат и жила своей жизнью. Постепенно девушка приспособилась к новым условиям: воду она брала из ручья, на земле отыскивала овощи, а огонь добывала из тлеющего дерева.

«Здесь, - сказала она себе однажды, - все элементы жизни гармонируют друг с другом, составляют завершенность, которая ни целиком, ни в частности не подвластна воле моего отца-царя».

И вот однажды заблудившийся путешественник, оказавшийся богатым и предприимчивым человеком, повстречался с царевной. Он полюбил ее, увез в свою страну, и там они поженились. Спустя некоторое время они снова вернулись в ту дикую местность и построили там огромный процветающий город, воплотивший в полной мере их мудрость, находчивость и веру. «Безумцы» и другие изгнанники, населявшие дикую пустыню, - многие из тех, кого считали сумасшедшими, вошли в полную гармонию с многосторонней жизнью этой местности и стали ей полезными. Слава об этом городе и его окрестностях разнеслась по всему свету. Его могущество и красота затмили красоту и могущество царства, которым правил отец царевны. По желанию всех жителей царевна и ее муж стали правителями этого нового, идеального царства.

В конце концов старый царь решил посетить загадочный и чудесный город, возникший в пустыне и населенный, как он слышал, теми, кого он и ему подобные презирали.
Итак, он прибыл в город. Низко склонившись в поклоне, царь приблизился к подножию трона, на котором восседала молодая чета, и, подняв глаза, чтобы увидеть тех, чья справедливость, богатство и понимание превзошли его собственные, услышал тихий голос своей дочери:

- Видишь, отец, каждый человек имеет свою судьбу и возможность выбирать.

Примечание Идрис Шаха. Султан Саладин, как повествует суфийский манускрипт, встретил великого учителя Ахмада ар-Рифай, основателя ордена Рифайа, «завывающих дервишей», и задал ему несколько

вопросов. Эту историю Рифай рассказал Саладину в ответ на вопрос: «Почему вы убеждены, что правила и закон недостаточны для сохранения счастья и справедливости?» Их встреча произошла в 1174 году. Но эта история, известная из несуфийских источников, используется для того, чтобы проиллюстрировать возможность «другого состояния сознания» у человека.

21

НАСЛЕДСТВО

Один человек, умирая вдали от своего дома, составил завещание, в котором распорядился своим имуществом в следующих словах: «Пусть община, живущая там, где расположены мои земли, возьмет из них то, что пожелает, и пусть то, что она пожелает, отдаст Арифу Смиренному».

В то время Ариф – молодой человек, не создавший себе еще никакого положения, - был самым незначительным членом этой общины. Поэтому старшие члены забрали себе из завещанных наделов то, что пожелали, согласно завещанию, Арифу же достался самый ничтожный клочок, на который не нашлось охотников. Прошло много лет, и вот Ариф, возмужав и поумнев, потребовал у общины свою законную долю. Но старшие сказали ему:

- Мы выделили тебе то, что причиталось тебе по завещанию.

Они и в самом деле считали, что это так, потому что завещатель велел общине взять то, что она пожелает.
И вдруг в самый разгар спора перед ними возник незнакомый человек. Суровость его лица и неотразимый вид тут же приковали к нему взоры всех присутствующих. Он сказал:

- Значение завещания состояло в том, что вы должны были отдать Арифу то, что вы желаете себе, ибо он лучше вас может распорядиться наследством.

Эти слова так подействовали на старших, что они вдруг прозрели и поняли истинный смысл фразы: «Пусть то, что они пожелают, они отдадут Арифу».

- Знайте, - продолжал неизвестный, - что, если бы завещатель открыто объявил Арифа своим наследником, он был бы бессилен помешать общине узурпировать его владения. По крайней мере, наследство уменьшилось бы. Поэтому он доверил все вам, предвидя, что если вы будете считать это наследство своей собственностью, то будете заботиться о нем и сохраните его для Арифа. Вот почему, заботясь о сохранении и передаче своих богатств в верные руки, он составил столь мудрое завещание. Теперь как раз пришло время возвратить их законному владельцу.

Итак, наследство возвратилось к истинному наследнику благодаря тому, что старшие сумели увидеть правду.

Примечание Идрис Шаха. В этой истории подчеркнуто суфийское учение о том, что люди желают для себя то, что они должны желать для других. Ее рассказал Саид Кхаус Али-шах, святой из ордена Кадирийа12, который умер в 1881 году и похоронен в Панипате. Эта идея сама по себе не оригинальна, хотя в фольклоре это сказание служит иллюстрацией того, что наследство в конце концов возвращается к достойным наследникам, несмотря на то что в течение многих лет они были бессильны отстоять его. В некоторых дервишских кругах сказанию дают следующее толкование: «Ты владеешь многими дарами,

которые тебе даны только на время; когда ты поймешь это, ты сможешь вернуть их законному владельцу».

---

12 *Кадирийа* – основателем этого ордена считается Абд аль-Кадир аль-Гелани (Джелани). Орден знаменит ритуалом отправления коллективных радений, тихого зикра и громкого общего. Радение, называемое *лайкийа,* шло под сопровождение малых барабанов, тамбурина и флейты. Индивидуальный, тихий *зикр* происходил следующим образом: скрестив ноги так, чтобы большие пальцы упирались в подколенья, выпрямив туловище, закрыв глаза и сложив пальцы на коленях в форме слова «Аллах», суфий мысленно читает суры *Фатиха* и *Ихлас* и произносит формулу *зикра*, состоящую из семи слов – эпитетов Бога – установленное для данного зикра число раз. При этом он строго соблюдает заданный ритм дыхания и порядок резкого движения головой (вправо – влево – вперед – назад) с мысленным произнесением соответствующих слогов и слов.

КЛЯТВА

Один человек, измученный бесконечными неудачами, поклялся, что, если несчастья оставят его, он продаст свой дом и раздаст все деньги, которые получит за него, нищим.
Через некоторое время судьба стала милостивой к нему, и он вспомнил о своей клятве. Но ему не хотелось терять так много денег, и тогда он придумал выход из положения. Он объявил, что продаст свой дом, но с кошкой в придачу. За дом он просил одну серебряную монету, а за кошку – десять тысяч. Вскоре пришел покупатель и купил дом и кошку. Одну монету, полученную за дом, человек отдал беднякам, а десять тысяч, вырученные за кошку, оставил себе.

Многие люди мыслят так же, как этот человек. Они решают следовать какому-нибудь учению, но свою связь с ним истолковывают так, как им выгодно. До тех пор, пока они не преодолеют эту тенденцию путем особой тренировки, они вообще не смогут учиться.

Примечание Идрис Шаха. Согласно дервишскому рассказчику, шейху Насиру аль-Дин-шаху, в этой притче иллюстрируется умышленный обман или, возможно, извращенный ум, бессознательно создающий подобного рода обман. Этот шейх, известный под титулом «Светоч Дели», умер в 1846 году. Его гробница расположена в Дели, в Индии. Настоящий вариант рассказа, приписываемый ему, взят из устных преданий ордена Чиштийа13. Притча используется для того, чтобы ознакомить с психологической техникой, имеющей целью сделать ум стабильным, исключить для него возможность самообмана.

---

13 *Чиштийа* – суфийское братство, основанное ходжой Абу Исхаком аш-Шами (ум. В 1097), наиболее распространенное на территории Индии. Главной особенностью чиштийского пути является практика *сама* – от араб. «слушание» - достижение религиозного экстаза путем пения и слушания музыки.

ИДИОТ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

К пробуждению можно прийти различными путями. Но только один путь является правильным. Человек спит; он должен пробудиться правильным способом. Послушайте историю об одном невежественном человеке, который проснулся неправильно.

Глупец попал однажды в огромный город и, увидев на улицах множество снующих туда и сюда людей, оторопел. На ночь он устроился в караван-сарае, но, боясь, что утром не сможет найти себя в этой толпе людей, он, прежде чем уснуть, привязал к ноге тыкву. Один шутник, наблюдая за ним, все понял. Он дождался, пока глупец заснул, отвязал от его ноги тыкву и привязал ее к своей. Затем он улегся рядом и уснул. Проснувшись утром, глупец первым делом стал искать тыкву. Увидев ее на ноге другого человека, он решил, что тот человек и есть он сам. В совершенном смятении он растолкал того человека и закричал:

- Если ты – это я, то скажи мне, ради небес, кто я и где я?

Примечание Идрис Шаха. Эта сказка, появившаяся также в Насреддиновском сборнике анекдотов, популярных по всей Средней Азии, дошла до нас в великом классическом духовном произведении «Саламан и Абсаль» мистика XV столетия Абд ар-Рахмана Джами[14]. Он родился на берегах Оксуса, а умер в Герате, оставив после себя славу величайшего персидского поэта. Джами вызывал яростные нападки святош своей откровенностью и особенно заявлением, что он никого не считает своим учителем, кроме собственного отца.

Абд ар-Рахман Джами:

Оно {бытие} – море, не убывающее и не увеличивающееся, волны на нем вздымаются и падают. Мир как будто состоит из этих волн, и не бывает двух моментов времени, а лишь вечное мгновение.

Мир, если ты не лишен проницательности, - поток явного, текущего во множестве обликов. И во всех разновидностях текущего явного сокрыта тайна сущности реального.

Нищий подошел к двери, прося подаяния. Хозяин вышел ему навстречу и сказал: «Извините, но дома никого нет».

«А мне никого и не надо, - сказал нищий, - мне нужна еда».

Мудрецом называют того, кто постигает сущность вещей настолько, насколько может, и применяет свои знания соответственно необходимости.

---

14 *Джами,* Абдурахман Нур ад-дин ибн Ахмад (1414-1492) – персидский философ и писатель. Считается завершителем классического периода поэзии на языке фарси. Родился в семье влиятельного духовного лица близ г. Нишапура. Получив образование в Герате и Самарканде, Джами отказался от придворной карьеры и примкнул к суфийскому ордену *накшбандийа,* привлекшему поэта своими призывами к деятельному добру. В 1456 г. Джами наследовал тестю в должности гератского главы ордена. К раннему периоду творчества относятся прозаические суфийские трактаты, первая часть (1472 г.) поэмы «*Золотая цепь*», а также трактаты о рифме и метрике, руководство по составлению стихотворных ребусов (*муамма*) – искусству, получившему широкое распространение в XV веке.

Приход к власти (1468 г.) Султан-Хусейна Байкара, визирем которого был ученик и покровитель Джами Алишер Навои, значительно укрепил положение Джами. Период расцвета его литературной деятельности, наступивший после 1474 г., открывается религиозно-философскими касыдами «*Море тайн*» и «*Сияние*

духа», в которых Джами осуждает рационализм Ибн Сины, и сборником биографий суфийских святых «*Дуновения дружбы из обители святости*» (1476-1478). В 1480-1487 гг. Джами завершает цикл поэм «*Семь корон*» («*Созвездие Большой Медведицы*»). В вошедших в него поэмах «*Саламан и Абсаль*», «*Юсуф и Зулейка*», «*Лейли и Меджнун*» поэт использует классический жанр любовной повести для изложения суфийского учения о преодолении плотской любви на пути к истинной, т. е. Божественной любви. Поэма «*Дар благородным*» (1481-1482) включает 20 притч. Поэмы «*Четки праведников*» и «*Золотая цепь*» повящены разоблачению шарлатанства в суфизме и призыву к мудрому, гуманному управлению страной. Заключает цикл «*Книга мудрости Искандара*» (1486-1487) – поэтический ответ на «*Искандар-наме*» Низами.

Последние годы жизни Джами ознаменованы созданием «*Бахаристана*» (1487), трех лирических диванов и трактата о музыке.

КАК ВОЗНИКЛО ПРЕДАНИЕ

Давным-давно существовал город, состоявший из двух параллельных улиц. Однажды один дервиш перешел с одной улицы на другую, и жители этой второй улицы обратили внимание, что его глаза полны слез.

- На соседней улице кто-то умер! – закричал один из них, и все дети, игравшие поблизости, тут же подняли крик.

На самом же деле дервиш плакал оттого, что незадолго до этого чистил лук. Но крик все разрастался, и его вскоре услышали на соседней улице. Жители обеих улиц были так опечалены и испуганы, вообразив, что у соседей несчастье, что не решились даже поинтересоваться друг у друга о причине переполоха. Правда, один мудрый человек, пытаясь успокоить их, посоветовал тем и другим спросить друг у друга, что случилось, но, слишком возбужденные, чтобы внять его совету, они отвечали:

- Мы все и так знаем: наших соседей постигло большое несчастье.

Известие это распространилось со сверхъестественной быстротой, и вскоре уже ни один из жителей каждой улицы не сомневался, что у соседей стряслась беда. Собравшись с мыслями, и те и другие решили немедленно покинуть эти места, чтобы таким образом спасти свои жизни. И вот обе общины снялись со своих насиженных мест и направились в противоположные стороны.

С тех пор прошли века; город этот по-прежнему безлюден.
Недалеко друг от друга, по обе стороны от него, располагались два селения. Жители обоих селений из поколения в поколение передают предание о том, как когда-то население бежало из обреченного города, спасаясь от неизвестного бедствия.

Примечание Идрис Шаха. В своих психологических учениях суфии заявляют, что знание, передаваемое обычным путем, подвергается стольким искажениям (это обусловлено произвольными редакциями и лживыми записями), что оно уже не в состоянии донести непосредственный факт. Этот рассказ иллюстрирует субъективность человеческого мышления. Он взят из обучающей книги Асрар-и-Халватийа («Тайны отшельников»), автором которой является шейх Каландар Шах из ордена Сухравардийа[15]. Он умер в 1832 году и захоронен в Лахоре на территории Пакистана.

15 *Сухравардийа* – суфийское братство, сложившееся в конце XII – начале XIII в. в Ираке в рамках месопотамской школы суфизма ас-Сухраварди. Во время прохождения Пути мистического сознания до инвеституры *салик* («ищущий», «странник», «вставший на Путь») каждый день рассказывал руководителю свои сны, поскольку считалось, что сны отражают успехи или неудачи дервиша в духовной эволюции.

ФАТИМА-ПРЯДИЛЬЩИЦА И ШАТЕР

Некогда в одном городе на далеком Западе жила девочка по имени Фатима. Она была дочерью процветающего прядильщика. Однажды отец сказал ей:

- Дочь моя, собирайся в путь. Мы отправляемся в путешествие. У меня есть кое-какие дела на островах Средиземного моря. Может быть, там тебе встретится красивый юноша с хорошим будущим, который полюбит тебя, и вы поженитесь.

Итак, они отправились в путешествие от острова к острову. Отец занимался своими торговыми делами, а Фатима проводила время в мечтах о будущем муже. Однажды, когда они плыли в сторону Крита, их застиг ужасный шторм, и корабль пошел ко дну. Фатиму, потерявшую сознание, волнами вынесло на берег недалеко от Александрии. Отец и все, кто был на корабле, погибли, и она осталась одна без всякой поддержки.

Кораблекрушение и длительное пребывание в открытом море так на нее подействовали, что о прошлой жизни у нее остались только смутные воспоминания. Очнувшись, она встала и побрела по берегу. Там она наткнулась на семью ткача. Это были бедные люди, но они прониклись состраданием к ее бедственному положению, взяли ее в свое убогое жилище и обучили своему ремеслу. И вот для нее началась вторая жизнь. Год или два она прожила с ними вполне счастливо и была довольна своей судьбой. Но однажды, когда она зачем-то вышла на берег, ее схватили работорговцы, отвели на корабль и увезли вместе с другими невольниками. Сетования и горькие жалобы Фатимы не вызвали у этих людей ни капли жалости; они привезли ее в Стамбул, чтобы продать там как рабыню.

На невольничьем рынке было несколько покупателей. Один из них искал себе раба для работы в цеху по изготовлению корабельных мачт. Несчастный вид Фатимы привлек его внимание, и, желая облегчить ее участь, он купил ее, поскольку считал, что у него ей будет легче, чем у другого хозяина. Он привез Фатиму к себе, и решил отдать ее в услужение жене. Но дома его поджидало печальное известие: корабль с его товаром, в который он вложил весь свой капитал, был захвачен пиратами. Теперь он не мог себе позволить содержать рабочих, и ему, его жене и Фатиме пришлось самим заняться изготовлением мачт. Фатима, благодарная хозяину за его доброту, так прилежно работала, что вскоре он даровал ей свободу, и она стала его доверенным лицом и помощником.

Итак, для нее началась третья жизнь, и она снова почувствовала себя вполне счастливой. Как-то хозяин сказал ей:

- Фатима, я хочу, чтобы ты отправилась в качестве моего агента на Яву с грузом мачт и выгодно продала их там.

И вот Фатима пустилась в плавание, но у берегов Китая мощный тайфун обрушился на ее корабль и потопил его. Каким-то чудом девушке снова удалось спастись, и она очнулась на незнакомой земле. Придя

немного в себя, она стала громко плакать о своей несчастной судьбе. Как только ее жизнь, казалось бы, приближается к благополучию, безжалостный рок разрушает все ее надежды.

- Почему так случается, - восклицала она, - за что бы я ни взялась, всегда меня ждет неминуемая неудача. Почему на меня сваливается столько несчастий?

Но ей никто не ответил, и она, заставив себя подняться, пошла куда глаза глядят. Хотя никто в Китае никогда ничего не слышал о Фатиме и не знал об ее испытаниях, всем, однако, была известна древняя легенда о том, что какая-то чужестранка прибудет однажды в их страну и сделает шатер для их императора. Так как никто в Китае не умел делать шатров, все с живейшим интересом ждали осуществления этого предсказания. Чтобы не пропустить эту женщину, когда она прибудет, каждый китайский император по традиции раз в год посылал во все города и деревни гонцов, которые должны были доставлять в столицу всех чужестранок. Когда Фатима добрела до ближайшего приморского города, там как раз был оглашен императорский указ о чужестранках, и люди, заметив ее, поняли, что она издалека, и привели ее к императорским посланцам. Фатиму доставили ко дворцу и провели в тронный зал. Сын Неба спросил ее:

- Девушка, сумеешь ли ты сделать нам шатер?

- Думаю, что сумею, - ответила Фатима.

Итак, ей отвели помещение, и она принялась за работу.
Прежде всего ей понадобилась веревка. Но никто даже не знал, что это такое. Тогда Фатима, вспомнив свое первое ремесло прядильщицы, насобирала льна и свила веревку. Затем она велела принести прочной материи. Во всем Китае не оказалось такой материи, которая ей была нужна. Вспомнив то, чему она обучалась у александрийских ткачей, она соткала прочное полотно. Наконец, чтобы окончить работу, ей понадобились шесты, но их не оказалось во всем царстве. Тут ей пригодилось умение делать мачты, приобретенное в Стамбуле, и она ловко смастерила надежные шесты. Закончив работу, она стала припоминать, как выглядели всевозможные шатры, которые она видела в своих скитаниях по свету, и наконец собрала шатер.

Когда это чудо показали императору, он был так восхищен, что обещал Фатиме исполнить любое ее желание. Она пожелала остаться в Китае, где вскоре вышла замуж за прекрасного царевича, с которым прожила долгую и счастливую жизнь, оставив после себя многочисленное потомство. Таким образом, Фатима поняла, что то, что казалось ей в свое время тяжелыми испытаниями, неожиданно обратилось в необходимый опыт, который помог ей достичь конечного счастья.

Примечание Идрис Шаха. Эта история хорошо известна из греческого фольклора, многие произведения которого несут в себе идеи, созвучные основным идеям дервишей и их легенд. Приводимый вариант рассказа приписывается шейху Мухаммеду Джамал ад-дину Ансари из Анатолии. Он основал орден Джамалийа («Прекрасный»). Умер он в 1750 году.

ВОРОТА В РАЙ

Давным-давно жил-был один добрый человек. Всю свою жизнь он следовал высоким заповедям, ибо надеялся после смерти попасть в рай. Он отдавал щедрую милостыню нищим, любил своих ближних и

служил им. Помня, как важно обладать стойким терпением, он с достоинством переносил самые тяжелые и неожиданные испытания, жертвуя многим ради других. Время от времени он совершал путешествия в поисках знания. Его смирение и образцовое поведение снискали ему славу мудрого человека и уважаемого гражданина, которая разнеслась от Востока до Запада и от Севера до Юга. Все эти достоинства он в самом деле культивировал в себе всякий раз, когда вспоминал о них. Но был у него один недостаток – невнимательность. Это качество не имело над ним большой власти, и он считал, что по сравнению с его достоинствами невнимательность – весьма незначительный недостаток. Так, иногда он оставлял без помощи некоторых нуждающихся людей, потому что порой не замечал их нужду. Любовь и служение также временами оказывались забытыми – когда он бывал поглощен своими личными нуждами или даже желаниями. Он любил спать и частенько засыпал именно в те моменты, которые были благоприятны поиску знания или пониманию его и практике подлинного смирения, или тогда, когда можно было бы увеличить число добрых дел – такие возможности он просыпал; а ведь они уже больше не возвращались. Невнимательность оказывала на его сущностное «я» не меньшее влияние, чем его добрые качества. И вот однажды он умер. Обнаружив себя за пределами этой жизни, добрый человек направился к райской обители. Пройдя немного, он решил передохнуть, чтобы проверить свою совесть. Все тщательно взвесив, он пришел к выводу, что вполне достоин войти в райские чертоги, и продолжил свой путь. Подойдя наконец к райским воротам, он увидел, что они закрыты, и в этот момент услышал голос, обращенный к нему: «Будь внимателен, ибо ворота открываются только раз в сто лет». Добрый человек устроился неподалеку ждать, взволнованный предвкушаемой перспективой. Однако, не будучи занят в этот момент, как обычно, совершением добродетельных поступков, он обнаружил, что у него плохо с вниманием: в течение некоторого времени, которое ему самому показалось целым веком, он старался не заснуть, но в конце концов голова его склонилась на грудь, и сон на какое-то мгновение смежил его веки. И в этот миг ворота широко распахнулись. Но прежде, чем он успел открыть глаза, они захлопнулись с шумом и грохотом, которые могли бы разбудить и мертвого.

Примечание Идрис Шаха. Эта любимая обучающая история дервишей иногда называется «притчей о невнимательности». Несмотря на то, что она широко известна как народная сказка, сведения о ее происхождении утеряны. Некоторые приписывают ее Хазрату Али[16], четвертому халифу. Другие говорят, что она так важна, что могла быть тайно передана самим Пророком. Ее, конечно, нельзя встретить ни в одном из достоверных хадисов Пророка. Литературная форма, в которой она представлена здесь, позаимствована из работ одного неизвестного дервиша XVII века, Амир-Бабы, в которых подчеркивается, что «истинным автором является тот, чьи писания анонимны, так как в этом случае никто не становится между изучающим и предметом изучения».

Зу-н-Нун аль-Мисри:

Обычные люди раскаиваются в своих грехах, избранные – в своей невнимательности.

Суфий – это тот, чья речь соответствует его поведению, чье молчание говорит о его состоянии и кто отбрасывает мирские связи.

Один молодой человек пришел к Зу-н-Нуну и сказал, что суфии не правы, и многое другое. Египтянин, не сказав ни слова, снял с пальца кольцо и протянул его со словами: «Отнеси это кольцо к рыночным торговцам – и посмотри, сможешь ли ты получить за него золотой». И никто на всем рынке не предложил за кольцо больше, чем одну серебряную монету. Молодой человек принес ему кольцо назад. «А теперь, - сказал Зу-н-Нун, - отнеси его к настоящему ювелиру. Посмотрим, сколько он за него заплатит». И ювелир предложил за кольцо тысячу золотых. Молодой человек был поражен. «Сейчас твои знания о суфиях, - сказал Зу-н-Нун, - так же велики, как знания торговцев о ювелирных изделиях. Если ты хочешь оценить драгоценности, стань ювелиром».

---

16 *Хазрат Али*, ибн Абу Талиб, «первый мусульманин» и 4-й халиф, родился в 602 г. в Мекке, вернейший спутник Магомета и муж его дочери Фатимы. В 656 г. после убийства Османа провозглашен халифом, убит в январе 661 г. в Куфе. Его могила является для шиитов местом паломничества. Сохранились его изречения

и лирические стихотворения.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОМНИЛ О СМЕРТИ

Однажды один дервиш сел на корабль, чтобы отправиться в морское путешествие. Увидев его на борту корабля, другие пассажиры, как водится в таких случаях, стали один за другим подходить к нему за напутствиями. Всем им он говорил одно и то же и, казалось, просто повторял одну из тех формул, которые каждый дервиш время от времени делает объектом своего внимания. Он говорил: «Зная, что твой конец неминуем, помни о смерти». Почти никто из путешественников не обратил особого внимания на этот совет. Но вот корабль поплыл. Много ли, мало ли он плыл, только вскоре разыгрался свирепый шторм. Матросы, а вместе с ними и все пассажиры в панике повалились на колени и стали молиться Богу. Считая себя почти погибшими, они по очереди возносили к небесам истовые молитвы, ожидая помощи свыше. Все это время дервиш без всяких движений сидел в стороне и спокойно о чем-то размышлял. Всеобщая паника словно бы его не касалась. Наконец ветер поутих, море успокоилось, и из-за туч выглянуло ясное солнце. Придя в себя, пассажиры обратили внимание на безмятежность дервиша и вспомнили, какое спокойствие он хранил среди всеобщего ужаса.

- Разве вы не осознавали во время этого шторма, что только одни доски отделяли нас от смерти? – спросил один из них.

- О да, конечно, - ответил дервиш, - я знал, что на море всегда так, но еще на суше я часто размышлял над тем, что в обычной жизни, среди самых повседневных событий, нечто еще, менее прочное, отделяет нас от смерти.

Примечание Идрис Шаха. Эта история принадлежит Абу Йазиду (Байазиду) из Бистама17 – местности, расположенной на южном побережье Каспийского моря. Он был одним из величайших суфиев древности. Его дед был зороастрийцем, затем принявшим ислам, а сам Байазид проходил курс эзотерического развития у мастера Абу Али Синда, который был недостаточно знаком с внешними ритуалами ислама; некоторые ученые предполагали, что Абу Али был индуистом, и что Байазид фактически обучался индийским мистическим методам. Однако ни один из суфийских авторитетов, достойных доверия, не соглашается с этим. Последователи Байазида входят в орден Тайфурийа18.

Абу Йазид Бистами:

Сердце познавшего подобно лампе, вставленной в канделябр, сделанный из зеркал, не имеющих изъяна. Сияние сердца озаряет весь ангельский мир. Чем тогда сердцу страшна тьма?

Настоящий и истинный посвященный не нуждается в знаниях ученых.

Когда в сердце приходит печаль, считай это удачей, ибо благодаря ей мужи достигают чего-либо.

Бог знает все, в чем я нуждаюсь, поэтому я никогда не молюсь – ведь это неимоверно глупо! Что говорить Ему? Он и так все знает. Если же я скажу что-либо, что Ему известно, это будет просто глупо. Если же я попытаюсь найти то, чего Он не знает, это будет еще глупее – как вы можете найти подобную вещь? Поэтому-то я просто никогда ни о чем не беспокоюсь. Что бы мне ни понадобилось – Он дает.

То, что благодаря поверхностному мышлению кажется лицемерием у посвященных, в действительности лучше кажущейся искренности начинающих.

---

17 *Аль-Бистами, Абу Йазид* (Байазид) Тайфур бен Иса (ум в 875 г.) – прославленный персидский суфий. Перс родом из г. Бистама (на северо-западе Ирана). Его дед принял ислам, отец принадлежал к местной знати. Два брата аль-Бистами – Адам и Али – также стали аскетами. Всю жизнь аль-Бистами провел в Бистаме, где и умер.Лишь несколько раз аль-Бистами на непродолжительное время покидал родной город, когда за свои экстатические речения был обвинен в неверии.

Для учения аль-Бистами характерны прежде всего экстатический восторг и опьянение любовью к Богу, всепоглощающая страсть к которому приведет возлюбленного в конечном счете к слиянию с Ним. Опираясь на личный опыт психических состояний, аль-Бистами пришел к заключению, что при абсолютном погружении в размышления о единстве Божества может появиться духовное ощущение полного исчезновения собственного «я»: личность исчезает, растворяется в Боге, приобретая при этом божественные атрибуты в нем самом. Он дал этому состоянию название *фана* (небытие, исчезновение) и сформулировал такое важное для мусульманского мистицизма состояние, как «ты есть я, я есть ты», т.е. как бы функциональный обмен ролями, когда личность, растворившись, исчезнув в божестве и приобретя его атрибуты, становится Божеством, а Божество – личностью.

Аль-Бистами не оставил после себя трудов. До нас дошло около 500 его изречений. Они были частично зафиксированы лицами из его окружения, а также теми, кто слушал его наставления.

18 *Тайфурийа* – происходит от имени Аби Йазида Тайфура ибн Иса аль-Бистами. Основное отличие последователей ордена тайфурийа заключается в том, что для достижения экстаза последователи этого течения использовали метод опьянения (*сукр*). Они считали, что опьянение играет главную роль в процессе устранения свойственных человеку дурных начал и этим самым приближает его к достижению стадии уничтожения (*фана*), конечной стадией которого является вечность (*бака*).

ВСПЫЛЬЧИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жил-был человек, который по малейшему поводу впадал в гнев. Многие годы наблюдая за собой, он пришел к выводу, что вся его жизнь полна непреодолимых трудностей из-за такой его вспыльчивости. Стал он думать, как бы ему избавиться от этой черты. И вот прослышал он об одном дервише, который, мол, обладает глубоким знанием. Пошел он к нему за советом.
Дервиш сказал ему:

- Ступай по такой-то дороге, пока не придешь к перепутью, где увидишь засохшее дерево. Стань под этим деревом и каждому прохожему предлагай напиться.

Человек сделал, как ему было сказано. Прошло много дней, и люди стали его примечать; повсюду разнеслись слухи, что он взял на себя обет творить милостыню и следует особому курсу самоконтроля под руководством совершенного мудреца. Однажды один путник, который, видимо, очень торопился, отвернул голову, когда тот человек предложил ему напиться воды, и поспешно продолжал свой путь. Вспыльчивый человек крикнул ему вдогонку:

- Постой, ответь на мое приветствие и испей воды, которую я предлагаю всем путникам!

Но тот даже не обернулся. Он еще несколько раз окликнул его, но не получил никакого ответа. Возмущенный такой неучтивостью, человек тут же обо всем позабыл. Он быстро снял свое ружье,

висевшее на сухом дереве, прицелился в удаляющегося грубияна и выстрелил. Пешеход замертво повалился на землю, и в тот же миг произошло чудо: сухое дерево расцвело. Сраженный пулей оказался закоренелым убийцей и был как раз на пути к совершению самого ужасного преступления в своей жизни.

Примечание Идрис Шаха. Итак, как мы видим, есть два рода советчиков. Первые чисто механически повторяют какие-то установленные принципы. Вторые – это люди знания. Те, кто встречают людей знания, ждут от них нравоучений и относятся к ним, как к моралистам. Но цель этих людей служить истине, а не оправдывать благочестивые надежды. Дервиш, фигурирующий в этой истории, говорят, не кто иной, как Наджм ад-дин Кубра[19], - один из величайших суфийских святых. Он основал орден Кубравийа[20] («Величайшее братство»), который имеет много общего с основанным позднее орденом святого Франциска Ассизкого. Как и святой из Ассизи, Наджм ад-дин прославился своей сверхъестественной властью над животными. Наджм ад-дин был одним из шестисот тысяч горожан, погибших во время разрушения Хорезма (в Центральной Азии) в 1221 году. Утверждают, что монгольский завоеватель Чингиз-хан, зная о его славе, обещал сохранить ему жизнь, если он добровольно сдастся. Но Наджм ад-дин Кубра вышел вместе с другими на защиту города и позднее был найден среди убитых. Предвидя эту катастрофу, Наджм ад-дин незадолго до нашествия монгольских орд отпустил от себя своих учеников и направил их в безопасные места.

---

19 *Рал-Кубра*, Ахмад ибн Омар Абу-л-Джаниб *Наджм ад-дин* ал-Хиваки ал-Хорезми (1145-1221) – выдающийся суфийский шейх, автор многочисленных философских и богословских трактатов, суфийский поэт, учитель Султана Улемов Баха ад-дина Веледа, Маджд ад-дина Багдади и многих известных суфийских шейхов и поэтов. Убит во время разгрома монголами Хорезма.

20 *Кубравийа* – основоположником этого ордена является Наджм ад-дин Кубра. Главные характеристики Пути – ритуальная чистота: пост, молчание, уход от мирского, мысленное поминание Бога, наставничество опытного руководителя, который разъясняет ученику значение снов и видений. В ордене также использовалась система цветосветовой символики, каждый цвет которой означал достижение путником определенной ступени на Пути познания. Видение белого цвета означала ислам, желтого – веру, темно-синего – божественную милость, зеленого – устойчивый покой, голубого – истинную уверенность, красного – интуитивное знание, черного – страстную любовь к Богу и экстатическое смятение.

СОБАКА И ОСЕЛ

Один человек изучил язык животных. Однажды он прогуливался по деревне, как вдруг его внимание привлек какой-то шум. В конце улицы он увидел осла, отчаянно ревущего на собаку, которая что есть сил лаяла на него. Человек приблизился и стал слушать.

- Все это говорит только о траве и пастбищах, - говорила собака, - я же хочу тебе поведать о мясе и костях, ибо я этим питаюсь.

Тут человек не мог более сдерживаться и вмешался в их разговор:

- Вы могли бы прийти к чему-то общему, если бы поняли, что полезность сена подобна полезности мяса.

Животные резко обернулись к незваному гостю. Собака на него свирепо залаяла, а осел так сильно его лягнул задними ногами, что он свалился без чувств. Не обращая на него больше никакого внимания, они

продолжили свой спор.

Примечание Идрис Шаха. Эта басня, напоминающая одну из басен Руми, взята из знаменитой коллекции Меджнуна Каландара, который умер в XIII веке. В течение 40 лет он странствовал по свету и рассказывал на базарных площадях обучающие истории. Одни говорят, что он был безумным (его имя так и переводится), другие – что он один из «преображенных», развивших в себе способность воспринимать связь между такими вещами, которые обычному человеку кажутся независимыми.

ТУФЛИ БЛАГОЧЕСТИВЫХ ЛЮДЕЙ

Два благочестивых и достойных человека вошли в мечеть в одно и то же время. Первый снял свои туфли и аккуратно придвинул друг к дружке, оставив их за дверью. Второй тоже снял туфли, сложил их подметками и, сунув их за пазуху, вошел в мечеть. Это событие возбудило спор между другими благочестивыми и достойными людьми, которые сидели у входа и все видели. Они решили выяснить, кто из этих двоих поступил правильно.

- Человек вошел в мечеть босой, - сказал один из них, - так не лучше ли было оставить свою обувь за дверью?

- Мы не учитываем одного: он мог взять с собой туфли для того, чтобы они ему напоминали в священном месте о должном смирении, - возразил другой.

Но вот те люди, совершив молитву, вышли на улицу. Спорщики, разделившиеся на два лагеря, окружили каждый своего героя и стали расспрашивать, чем были вызваны их поступки. Первый человек сказал:

- Я оставил свои туфли за дверью, руководствуясь вполне обычными соображениями: если бы кто-нибудь захотел их украсть, он имел бы возможность побороть свое греховное искушение и, таким образом, приобрел бы заслугу для будущей жизни.

Служители были восхищены благородным образом мыслей этого человека, который так мало заботился о своей собственности и отдался на волю случая. В это же время второй человек объяснял своим сторонникам:

- Я взял туфли с собой, потому что, оставь я их на улице, они могли бы возбудить соблазн в душе какого-нибудь человека. Тот, кто поддался бы искушению и украл их, сделал бы меня сообщником на страшном суде.

Мудрость и благородство этого человека привели в восторг всех, кто его слушал. Но в этот момент третий человек, присутствующий среди них, который был настоящим мудрецом, воскликнул:

- О слепцы! Пока вы здесь предавались возвышенным чувствам, развлекая друг друга примерами благородства, произошло нечто настоящее.

- Что произошло? – спросили все разом.

- Никто не был искушен туфлями, - продолжал мудрец, - никто не был искушаем туфлями. Предполагаемый грешник не прошел мимо них. Вместо этого в мечеть вошел другой человек. У него не

было туфель совсем, так что он не мог ни оставить их снаружи, ни внести их внутрь. Никто не заметил его поведения. А сам он меньше всего думал о том, какое впечатление он произведет на тех, кто на него смотрит – или не смотрит. Но благодаря настоящей искренности, его молитвы сегодня, в этой мечети, самым непосредственным образом помогли всем потенциальным ворам, которые могли или не могли украсть туфли или которые могли бы исправиться, устояв перед искушением. Разве вы не поняли еще, что практика благочестия, какой бы прекрасной она ни была сама по себе, теряет свою ценность, когда узнаешь о существовании настоящих мудрецов?

Примечание Идрис Шаха. Это сказание довольно часто приводится. Оно взято из учений ордена Халватийа («Затворники»), основанного Умаром аль-Халвати, который умер в 1397 году. В ней иллюстрируется аргумент, общеизвестный среди дервишей, что те, кто развивает в себе особые внутренние качества, оказывает большее влияние на общество, чем те, кто пытается действовать только согласно определенным моральным принципам. Первые называются «люди реального действия», а вторые – «те, кто не знает, но играют в знание».

31

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОДИЛ ПО ВОДЕ

Один ограниченный дервиш из религиозно-аскетической школы прогуливался по берегу реки, размышляя над моральными и схоластическими проблемами, ибо в школе, к которой он принадлежал, суфийские учения применялись именно в таком духе. Сентиментальную религию дервиш принимал за поиски конечной истины. Вдруг чей-то громкий голос, донесшийся с реки, прервал его размышления. Он прислушался и услыхал дервишский призыв. «Этот человек занимается бесполезным занятием, - сказал он себе, - потому что неправильно произносит формулу. Вместо того, чтобы произносить «йа ха», он произносит «а йа ха». Подумав немного, дервиш решил, что, как более внимательный и прилежный ученик, он обязан научить этого несчастного, который, хотя и лишен возможности получать правильное указание от постоянного учителя, все же изо всех сил, по-видимому, старается привести себя в созвучие с силой этой фразы. Итак, он нанял лодку и поплыл к острову, с которого доносился голос. На острове в каменной хижине он увидел человека в дервишской одежде,

время от времени громко повторявшего, все так же неправильно, посвятительную формулу.

- Мой друг, - обратился к нему первый дервиш, - ты неправильно произносишь священную фразу. Мой долг сказать тебе об этом, ибо приобретает заслугу как тот, кто дает совет, так и тот, кто следует совету.

И он рассказал ему, как надо произносить призыв.

- Благодарю тебя, - смиренно ответил второй дервиш.

Первый дервиш сел в лодку и отправился в обратный путь, радуясь, что совершил доброе дело. Ведь, кроме всего прочего, он слышал, что человек, правильно повторяющий священную формулу, может даже ходить по воде. Такого чуда он ни разу в своей жизни не видел, но почему-то верил, что оно вполне возможно. Некоторое время из тростниковой хижины не доносилось ни звука, но дервиш был уверен, что его усилия не пропали зря. И вдруг до него донеслось нерешительное «а йа» второго дервиша, который опять по-старому начинал произносить звуки призыва. Дервиш начал было размышлять над тем, до чего же все-таки упрямы люди, как закоснели они в своих заблуждениях, и вдруг замер от изумления: к нему прямо по воде, как посуху, бежал второй дервиш. Первый дервиш перестал грести и, как завороженный, не мог оторвать от него взгляда. Подбежав к лодке, второй дервиш сказал: «Брат, прости, что я задерживаю тебя, но не мог бы ты снова разъяснить мне, как должна по всем правилам произноситься формула? Я ничего не запомнил».

Примечание Идрис Шаха. В переводе мы можем передать лишь одно из многих значений этой сказки, потому что в арабских текстах обычно используются омонимы – слова, одинаковые по звучанию, но имеющие разный смысл. Такое свойство языка свидетельствует о том, что он достался нам от более древних культур и предназначен для того, чтобы глубже описывать

сознание, а также нечто, связанное с внешней моралью. Кроме того, что это сказание представлено в популярной литературе, находящейся в обращении на Востоке, оно встречается в дервишских манускриптах, иногда очень древнего происхождения.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОДИЛ ПО ВОДЕ

Один ограниченный дервиш из религиозно-аскетической школы прогуливался по берегу реки, размышляя над моральными и схоластическими проблемами, ибо в школе, к которой он принадлежал, суфийские учения применялись именно в таком духе. Сентиментальную религию дервиш принимал за поиски конечной истины. Вдруг чей-то громкий голос, донесшийся с реки, прервал его размышления. Он прислушался и услыхал дервишский призыв. «Этот человек занимается бесполезным занятием, - сказал он себе, - потому что неправильно произносит формулу. Вместо того, чтобы произносить «йа ха», он произносит «а йа ха». Подумав немного, дервиш решил, что, как более внимательный и прилежный ученик, он обязан научить этого несчастного, который, хотя и лишен возможности получать правильное указание от постоянного учителя, все же изо всех сил, по-видимому, старается привести себя в созвучие с силой этой фразы. Итак, он нанял лодку и поплыл к острову, с которого доносился голос. На острове в каменной хижине он увидел человека в дервишской одежде, время от времени громко повторявшего, все так же неправильно, посвятительную формулу.

- Мой друг, - обратился к нему первый дервиш, - ты неправильно произносишь священную фразу. Мой долг сказать

тебе об этом, ибо приобретает заслугу как тот, кто дает совет, так и тот, кто следует совету.

И он рассказал ему, как надо произносить призыв.

- Благодарю тебя, - смиренно ответил второй дервиш.

Первый дервиш сел в лодку и отправился в обратный путь, радуясь, что совершил доброе дело. Ведь, кроме всего прочего, он слышал, что человек, правильно повторяющий священную формулу, может даже ходить по воде. Такого чуда он ни разу в своей жизни не видел, но почему-то верил, что оно вполне возможно. Некоторое время из тростниковой хижины не доносилось ни звука, но дервиш был уверен, что его усилия не пропали зря. И вдруг до него донеслось нерешительное «а йа» второго дервиша, который опять по-старому начинал произносить звуки призыва. Дервиш начал было размышлять над тем, до чего же все-таки упрямы люди, как закоснели они в своих заблуждениях, и вдруг замер от изумления: к нему прямо по воде, как посуху, бежал второй дервиш. Первый дервиш перестал грести и, как завороженный, не мог оторвать от него взгляда. Подбежав к лодке, второй дервиш сказал: «Брат, прости, что я задерживаю тебя, но не мог бы ты снова разъяснить мне, как должна по всем правилам произноситься формула? Я ничего не запомнил».

Примечание Идрис Шаха. В переводе мы можем передать лишь одно из многих значений этой сказки, потому что в арабских текстах обычно используются омонимы – слова, одинаковые по звучанию, но имеющие разный смысл. Такое свойство языка свидетельствует о том, что он достался нам от более древних культур и предназначен для того, чтобы глубже описывать сознание, а также нечто, связанное с внешней моралью. Кроме того, что это сказание представлено в популярной литературе, находящейся в обращении на Востоке, оно встречается в дервишских манускриптах, иногда очень древнего происхождения.

32

МУРАВЕЙ И СТРЕКОЗА

Благоразумный и упорный муравей смотрел на цветочный нектар, как вдруг с высоты на цветок ринулась стрекоза, попробовала нектар и отлетела, потом подлетела и опять присосалась к цветку.

- И как только ты живешь без работы и без всякого плана? – сказал муравей. - Если у тебя нет ни реальной, ни относительной цели, каков же смысл твоей жизни и каким будет ее конец?

Стрекоза ответила:

- Я счастлива и больше всего люблю удовольствия. Это и есть моя жизнь и моя цель. Моя цель – не иметь никаких целей. Ты можешь строить для себя какие угодно планы, но ты не сможешь убедить меня в том, что я несчастлива. Тебе – твой план, а мне – мой.

Муравей ничего не ответил, но подумал: «То, что для меня очевидно, от нее скрыто. Она ведь не знает, каков удел муравьев. Я же знаю, каков удел стрекоз. Ей – ее план, мне – мой».

И муравей пополз своей дорогой, ибо сделал все, что было в его силах, чтобы предостеречь стрекозу. Прошло много времени, и их дороги опять сошлись. Муравей заполз в мясную лавку и, примостившись под чурбаном, на котором мясники рубили мясо, стал благоразумно ожидать своей доли. Вдруг в воздухе появилась стрекоза. Увидев красное мясо, она стала плавно снижаться на чурбан. Только она уселась, огромный топор мясника резко опустился на мясо и разрубил стрекозу надвое. Половинка ее тела скатилась вниз, прямо под ноги муравью. Подхватив добычу, муравей поволок ее в свое жилище, бормоча себе под нос:

- Твой план закончился, а мой продолжается. «Тебе – твой план» больше не существует, а «мне – мой» начинает новый цикл. Наслаждение казалось тебе важным, но оно мимолетно. Ты жила ради того, чтобы поесть и в конце концов самой быть съеденной. Когда я тебя предостерегал, ты решила, что я брюзга и отравляю тебе удовольствие.

Примечание Идрис Шаха. Почти такая же притча встречается в «Божественной книге» Аттара, хотя там она имеет несколько иное значение. В настоящем варианте сказание было рассказано одним бухарским дервишем возле гробницы эль-Шаха Баха ад-дина Накшбанди[21] семь столетий назад. Она взята из суфийской записной книжки, сохранившейся в Великой мечети Джалалабада.

Накшбанди:

Отказываться от чего-либо только потому, что другие неправильно используют это, может быть верхом глупости. Суфийскую истину невозможно свести к правилам и уставам, формулам и ритуалам, но частично она присутствует во всех этих вещах.

Если ищешь воочию, тогда Он будет скрытым. А если ищешь тайно, тогда Он будет явным. А если вместе ищешь, то, так как Он не имеет подобного, Он находится вне их (тайны и определенности).

Если ты любишь своего Бога, то знай, что твое сердце есть зеркало его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо. Твой царь находится во дворце твоего тела, и ты не удивляйся, если увидишь престол Бога в частице своего сердца.

---

21 *Накшбанди, Баха ад-дин* Мухаммед ибн Бурхан ад-дин Мухаммед ал-Бухари (1318-1389) – крупнейший представитель среднеазиатского суфизма XIV в. От его ремесла (накшбанд – чеканщик) происходит название суфийского братства *накшбандийа*, вместе с тем традиция братства не считает его основателем: он – пятый в цепи руководителей накшбандийа. Духовным основателем накшбандийа считается ходжа Йусуф аль-Хаспадани (ум. В 1140 г.).

Накшбанди родился в семье таджика-ремесленника в селении Касри Хиндуван, умер в родном селении. Его отец был ткачом и чеканщиком. Основную роль в судьбе Накшбанда сыграл дед, имевший прочные связи с суфиями, он и пробудил у внука интерес к мистике. Первым наставником Накшбанда был шейх Мухаммед Баба ас-Саммаси, который незадолго до смерти (ум. в 1340 г.) приказал Алишеру Саиду Кулалу (ум. в 1370 г.) взять Накшбанда к себе в ученики, ввести в общество дервишей *ходжаган* и обучить его правилам их мистического Пути. Согласно традиции братства, Накшбанд прошел духовную инициацию с помощью Абдал аль-Халика аль-Гиджувани, которого он увидел во сне и который направил его к Саиду Кулалу, но Накшбанд пришел к последнему уже мистиком, постигшим истину Пути без помощи руководителя. Почти всю жизнь Накшбанд прожил в Бухаре и окрестных селениях. Дважды совершал хадж.

Накшбанд являлся проповедником довольства малым и добровольной бедности (он зарабатывал на хлеб своим трудом, довольствовался старой циновкой и разбитым кувшином и считал грехом для суфия иметь слуг или рабов). После смерти Накшбанд был признан святым и ходатаем перед Богом, чудотворцем и покровителем Бухары. Накшбанд был канонизирован, и его культ получил широкое распространение как в Средней Азии, так и в сопредельных странах, а мавзолей над его могилой, воздвигнутый в 1544 г. Шибанидом Абд аль-Азиз-ханом, стал исключительно популярным местом паломничества: считалось, что трехкратное посещение его могилы заменяет хадж в Мекку и Медину.

Встав во главе общины, идущей по Пути *ходжаган*, Накшбанд заложил организационные основы будущего братства *накшбандийа*, которые окончательно оформились уже при его преемниках. Он возродил и продолжил традиции и взгляды Абд аль-Халика аль-Гидждувани. Учение Накшбанда распространилось и укрепило суннитский ислам среди кочевых и полуоседлых тюркских племен, прочно закрепившихся в его время в Средней Азии.

Накшбанд отвергал показную набожность и обрядность, уводящие в сторону истинного мистика: сорокадневные посты, бродяжничество, нищенство, публичные радения с музыкой, пением и танцами, громкий *зикр*. Он считал бесполезной *силсилат* аль-барака («цепь благодати»), передающую святость руководителю братства от его основателя, так как барака даруется любому мистику непосредственно Богом, отсюда его отрицание необходимости «видения» божества во время медитации. Духовная чистота, отказ от стяжательства, добровольная бедность, никаких связей с властями – его основные требования. Суфий должен строго следовать сунне Пророка, его сподвижников и выполнять все предписания шариата. Основа Пути Накшбанда – страстное влечение к Истине и тихий *зикр* («Выбей, вырежи в своем сердце поминание имени Божьего»). К восьми принципам аль-Гидждувани он добавил еще три (эти одиннадцать положений стали основными принципами братства *накшбандийа*):

1) *Вукуор-и замани* – временная остановка. Постоянный контроль за тем, как суфий проводит свое время: если праведно, пусть благодарит Бога, а если неправедно, то в соответствии с содеянным пусть просит прощения.

2) *Вукуф-и ададди* – остановка для исчисления. Контроль за тем, чтобы мысленно произносимый индивидуальный зикр отправлялся в строгом соответствии с установленным числом повторов и в согласии с предписанной формулой.

3) *Вукуф-и калби* – сердечная пауза. Представить себе мысленно образ сердца с выбитым в нем именем Бога, чтобы еще раз удостовериться, что в сердце нет ничего, кроме Бога.

Письменных трудов Накшбанд не оставил.

СКАЗАНИЕ О ЧАЕ

В древние времена рецепт приготовления чая был известен только в Китае. Слухи о чае распространились по всему свету, дошли до мудрецов и невежд, и каждый пытался как можно больше узнать о нем в соответствии с тем, каким он его себе представлял. Царь Инджа (что значит «здесь») снарядил в Китай посольство, которое получило от китайского императора немного чая для своего правителя. Но, увидев, что даже простые китайские крестьяне пьют чай, посланники Инджа решили не привозить своему царю столь грубый напиток; к тому же они были убеждены, что китайский император обманул их и вместо небесного напитка подсунул какую-нибудь дрянь. Между тем величайший философ из Анджа (что значит «там») собрал все, какие только мог, сведения о чае и пришел к выводу, что это некая субстанция, которая в самом деле существует, но редко встречается и принадлежит к порядку вещей, мало известных. Ибо ничего определенного о нем нельзя было сказать: трава это или вода, зеленый он или черный, горький или сладкий? В странах Кашиш и Бебинев люди на протяжении целых столетий испытывали все травы, какие им только попадались. Многие травы оказались ядовитыми, чем весьма разочаровали своих исследователей. А так как никто не завез в их земли семена чайных кустов, все их поиски были тщетными. Они также перепробовали всевозможные жидкости, но с тем же успехом. На территории Мазхаба («сектантство») при исполнении религиозных обрядов процессия жрецов перед толпой верующих провозила небольшой ларь, наполненный чаем. Но никому и в голову не приходило приготовить из него напиток. Они даже не знали, как это делается. Все были убеждены в том, что чай сам по себе обладает магическими свойствами. Однажды один мудрый человек сказал:

- Вы, невежды! Залейте его кипящей водой!

Но его тут же схватили и распяли, потому что согласно их вере такие действия могли бы разрушить свойства чая. Подобный совет мог дать только отъявленный еретик и враг религии. Незадолго до гибели мудрый человек раскрыл секрет приготовления чая небольшому кругу людей. Этим людям удалось сохранить немного чая, и они тайно приготовляли его и пили. Один человек, застав их за чаепитием, спросил:

- Что вы делаете?

Они ответили ему:

- Это лекарство, которым мы лечимся от одной болезни.

Итак, одни видели чайные кусты, но не обращали на них никакого внимания. Другим его предлагали испробовать, но они отказывались, полагая, что это напиток для простых людей. Третьи владели чаем, но вместо того, чтобы пить его, поклонялись ему. За пределами Китая лишь несколько человек пили чай, да и то в строгой тайне. Но вот пришел человек знания и сказал купцам, занимавшимся чайной торговлей, любителям чая и другим:

- Тот, кто испытал, - знает. Кто не испытал – не знает. Вместо того чтобы произносить пустые речи о небесном напитке, предлагайте его людям на ваших пирах. Те, кому чай понравится, попросят еще. Те, кому он не понравится, продемонстрируют, что недостойны сделаться его почитателями. Закройте же лавки красноречия и таинственности и откройте чайханы опыта.

Итак, от города к городу, от села к селу потекли по Шелковому Пути караваны с чаем. Купцы, чем бы они ни торговали – нефритом, драгоценными камнями или шелком, - останавливаясь на отдых, готовили чай, если умели, и предлагали его местным жителям – знали те о нем или нет. Так появились чайханы, которые строились на всем пути от Пекина до Бухары и Самарканда. И те, кто пробовали, - узнали.

Вначале, как всегда бывает, чаем заинтересовались только великие и проницательные мыслители, давно искавшие небесный напиток. Прежде их отношение к чаю сводилось к таким стереотипным фразам: «Но ведь это обыкновенная сушеная трава» или «Почему ты кипятишь воду, чужестранец? Ведь я прошу у тебя небесного напитка». А иные из них говорили: «Как мне знать, что это такое? Докажите, что это чай. Да и цвет вашей жидкости не золотой, а коричнево-желтый». Но когда истина сбросила с себя покров тайны и чай стал доступен всем, кто хотел его попробовать, роли людей поменялись, и те, кто высказывались теперь подобно этим мудрецам, оказались в дураках. Такая ситуация сохраняется и по сей день.

Примечание Идрис Шаха. Всевозможные напитки традиционно символизируют в литературе поиск высшего знания. Кофе, самый новый из общепринятых напитков, был открыт дервишским шейхом Абу аль-Хасаном Шадхили в Менке (Аравия). Хотя суфии и другие люди вполне ясно заявляют, что «магические напитки» (вино, вода жизни) являются аллегорией особого опыта, буквалисты склонны верить, что происхождение подобных мифов связано с открытием наркотических или опьяняющих свойств алкоголя. По мнению дервишей, подобные представления отражают неспособность поверхностных исследователей понять, что сами дервиши пользуются аналогиями. Это сказание взято из учения мастера Хамадани[22], учителя великого Пасава из Туркестана.

Аль-Хамадани:

Как у огня нет другой способности, кроме как жечь, так и у человека нет другого качества, чем свобода выбора; следовательно, поскольку он способен к выбору, человек совершает различные поступки: если захочет, то может не двигаться, захочет – может двигаться; захочет двигаться налево – двигается налево, захочет повернуть направо – перемещается вправо. Если захочет, перемещается прямо. Если захочет, то может покориться своей свободе, если нет – то нет.

Первая группа человечества объединяет тех, кто имеет человеческую форму, но не несет в себе содержания человека… Им присуще только одно невежество. Вторая группа имеет не только вид и форму человека, но и действительно человеческую сущность… Третью группу составляют те, кто постиг истинную сущность религии. Это деятельные защитники Всевышнего.

Слепой считает, что сама клетка есть птица, а зрячий – что клетка создана для птицы.

В наше время имеется три мнения относительно понятия действительности и истинности души и тела. Первое – человек состоит из формы, то есть тела, так как Бог сотворил человека из семени и глины. Так считают простые люди. Вторая группа людей – ученые, которые, опираясь на слова Корана «всех людей сотворил по одной форме, а лучший вид и форму придал душе», под словом «человек» понимают и тело, и душу как единое целое. Третья группа – особая, суть человека они видят в душе и считают, что он (человек) состоит из души. Тело же, говорят они, является носителем души. Форму (тело) они не считают сущностью человека… Тело является как бы верховым животным, а душа – всадником. Не может быть, чтобы верховое животное было одинаково по сути с всадником. Если кто-то сидит на коне, то он и конь – различные существа.

---

22 Айн аль-Кудата *аль-Хамадани* (1048/9-1138) – родился в местечке Бузенджир вблизи Камадана. В молодости изучал богословские науки в Багдаде, прославился как проповедник, но позднее обосновался в Мерве, встав на путь мистического подвижничества под руководством известного шейха Абу Али Фармади и сам позднее приобрел множество последователей.

Биографы аль-Хамадани свидетельствуют, что он за свою жизнь 10000 раз прочел Коран, помнил наизусть 700 сочинений, посвященных Божественному слову, беседовал с 213 шейхами. К тому же он совершил 37 пеших хождений в Мекку в целях паломничества к святым местам.

ЦАРЬ, РЕШИВШИЙ СТАТЬ ЩЕДРЫМ

Жил-был в Иране царь. Однажды он попросил дервиша рассказать какую-нибудь историю. Дервиш начал так:

- Ваше величество, я расскажу вам историю о Хатим Тае, аравийском царе, который был самым щедрым человеком от сотворения мира. И если вы сумеете стать таким же щедрым, как он, вы воистину прославитесь как величайший царь на свете.

- Рассказывай, - произнес царь, - но знай: если твоя история придется мне не по душе, ты поплатишься головой за то, что навлек тень сомнения на мою щедрость.

Царь сказал так потому, что при персидском дворе полагалось говорить монарху, что тот уже имеет все самые высшие качества, какие только можно приобрести в мире в прошлом, настоящем и будущем.

- Чтобы походить на Хатим Тая, - продолжал дервиш как ни в чем ни бывало (ибо дервишей не так-то просто устрашить), - нужно и в буквальном смысле, и по духу превзойти щедростью всех людей.

И дервиш рассказал такую историю.

Один завистливый царь, правивший соседним с Аравией царством, пожелал завладеть богатством, деревнями, оазисами, верблюдами и солдатами Хатим Тая. Он послал к Хатиму гонцов с таким посланием: «Ты должен добровольно сдаться мне, иначе я пойду на тебя войной и разорю все твое царство, а тебя самого захвачу в плен». Когда гонцы передали это предупреждение, советники Хатим Тая предложили ему готовиться к войне.

- Все твои подданые, и мужчины, и женщины, - все, кто способен держать в руках оружие, готовы сразиться с врагом и, если надо, сложить головы на поле брани за своего любимого царя, - сказали они.

Но Хатим, ко всеобщему удивлению, ответил так:

- Я не желаю больше возлагать на вас бремя своей власти и проливать ради себя вашу кровь. Лучше я уступлю ему престол, ибо не годится щедрому жертвовать ради себя хотя бы одной человеческой жизнью. Если вы по доброй воле сдадитесь на его милость, он удовлетворится тем, что сделает вас своими подданными и обложит умеренной данью, зато вы сохраните свои жизни и имущество. Но если вы окажете ему сопротивление, он в случае победы по законам войны будет вправе всех вас истребить или обратить в своих рабов.

Сказав это, Хатим Тай снял с себя свои царские одежды и, взяв с собой только крепкий посох, отправился в путь. Добравшись до близлежащих гор, он облюбовал себе там пещеру и погрузился в созерцание. Многие аравийцы прославляли бывшего правителя за его великую жертву, ибо для их спасения он не пожалел ни своих богатств, ни трона. Но многие, и в особенности те, кто жаждал славы на поле сражения, были весьма недовольны.

- Откуда мы знаем, что он не самый обыкновенный трус?! – восклицали они в сердцах.

Другие, не столь отважные, вторили им:

- Да, конечно, он спасал прежде всего свою собственную жизнь и покинул нас на произвол судьбы, ведь чего можно ждать от чужого царя, который, к тому же, столь вероломен и жесток, что не пощадил даже своих ближайших соседей?

Были и такие, которые, не зная, чему верить, просто молчали, ожидая, что время вынесет свой приговор. Между тем вероломный царь вторгся во владения Хатим Тая и, не встречая на своем пути сопротивления, захватил все его царство. Радуясь такой легкой победе, он не увеличил налогов, которые взимал в свое время Хатим Тай за то, что правил народом и защищал справедливость.

Итак, казалось бы, этот царь добился всего, что хотел: прибавил к своим владениям новое царство, удовлетворил свою алчность, - и все-таки он не находил покоя. Его шпионы то и дело докладывали ему, что в народе говорят, будто бы своей победой он обязан только щедрости Хатим Тая. И вот однажды, не в силах более сдерживать своего гнева, он воскликнул:

- Я не стану истинным хозяином этой страны до тех пор, пока не захвачу самого Хатим Тая. Пока он жив, мне не удастся завоевать сердца этих людей. Ведь они только для вида признают меня своим господином.

Тут же по всей стране был оглашен царский указ о том, что человек, который доставит во дворец Хатим Тая, получит в награду пять тысяч золотых. Хатим Тай в это время по-прежнему находился в своем укрытии и, конечно, ни о чем не подозревал. Как-то, сидя перед своей пещерой, он услыхал, будучи скрытым зарослями, разговор старого дровосека со своей женой.

- Дорогая, - говорил дровосек, - я намного старше тебя, и, если скоро умру, ты останешься одна с нашими маленькими детьми. Вот если бы нам удалось поймать Хатим Тая, за которого новый правитель обещает пять тысяч золотых, твое будущее и будущее наших детей было бы обеспечено.

- Как тебе не стыдно! – с негодованием ответила женщина, - да лучше мне с детьми умереть голодной смертью, чем запятнать себя кровью самого щедрого человека на свете, который ради нас пожертвовал всем, что имел.

- Я тебя прекрасно понимаю, но каждый человек думает прежде всего о своих интересах, а на мне лежит забота о семье. И потом, все больше людей с каждым днем склоняются к мысли, что Хатим просто струсил. Может быть, со временем они и будут искать всевозможные доводы для его оправдания, но сейчас...

- Только из-за жадности к деньгам ты решил, что Хатим – трус. Побольше таких умников, как ты, и окажется, что его жизнь и вовсе не имела никакого смысла.

Тут Хатим вышел из своего укрытия и, представ перед изумленными супругами, сказал, обращаясь к дровосеку:

- Я – Хатим Тай. Отведи меня к правителю и потребуй от него обещанную награду.

Его слова произвели на старого человека такое сильное впечатление, что он, устыдившись своего поведения, заплакал и сказал:

- Нет, о великий Хатим, я не могу этого сделать.

- Если ты меня не послушаешь, я сам явлюсь к царю и расскажу ему, что ты меня укрывал. Тогда тебя казнят за измену.

Между тем люди, разыскивающие в горах беглого царя, услыхали их спор и подошли к ним. Поняв, что перед ними не кто иной, как сам Хатим Тай, они схватили его и повели к правителю. Позади всех плелся несчастный дровосек. Представ перед царем, каждый из толпы, стараясь перекричать остальных, заявлял, что именно он первым схватил Хатима. Царь же, ничего не понимая, смотрел то на одного, то на другого, не зная, как поступить. Тогда Хатим попросил позволения говорить и сказал:

- О царь, если ты хочешь решить это дело по справедливости, то выслушай меня. Награды заслуживает только тот старик, а не эти люди. – И Хатим указал на дровосека, стоявшего в стороне. – Выдай ему обещанные пять тысяч и поступай со мной, как хочешь.

Тут дровосек вышел вперед и рассказал царю о том, как Хатим ради спасения его семьи предложил себя в жертву. Царь был так изумлен услышанным рассказом, что тут же вернул Хатиму его трон, а сам возвратился назад в свое царство и увел с собой армию.

Дервиш окончил рассказ и замолчал.

- Отличная история, дервиш! – воскликнул иранский царь, позабыв о своей угрозе. – Из такой истории можно извлечь пользу. Но для тебя она в любом случае бесполезна, ведь ты ничего не ждешь от этой жизни и ничем не владеешь. Другое дело я. Я царь – и я богат. Аравийские правители, питающиеся вареными ящерицами, не могут сравниться с персидскими, когда речь идет об истинной щедрости. Меня осенила счастливая мысль, но не будем тратить время на болтовню, к делу!

И царь тут же велел призвать к себе выдающихся архитекторов и строителей; когда же они предстали перед ним, коленопреклоненные, он велел им выстроить на широкой городской площади дворец с сорока окнами, чтобы в нем размещалась огромная казна для золотых монет. Спустя некоторое время такой дворец был выстроен. Царь приказал заполнить размещавшуюся в нем казну золотыми монетами. Со всей страны в столицу согнали множество людей, верблюдов и слонов, которые в течение нескольких месяцев перевозили золото из старой казны в новую. Наконец, когда работы были окончены, глашатаи объявили царский указ: «Слушайте все! По воле царя царей, фонтана щедрости, выстроен дворец с сорока окнами. С этого дня Его Величество через эти окна собственноручно будет раздавать золото всем нуждающимся. Спешите все ко дворцу!»

Итак, ко дворцу, конечно же, потекли бесчисленные толпы народа. Изо дня в день царь появлялся в одном из сорока окон и одаривал каждого просителя золотой монетой. И вот однажды, раздавая милостыню, царь обратил внимание на одного дервиша, который каждый день подходил к окну, получал свою золотую монету и уходил. Поначалу монарх решил, что дервиш берет золото для какого-нибудь бедняка, который не в состоянии придти за милостыней сам. Затем, увидев его снова, он подумал: «Может быть, он следует дервишскому принципу тайной щедрости и одаривает золотом других». И так каждый день, завидев дервиша, он придумывал ему какое-нибудь оправдание. Но когда дервиш пришел в сорок первый раз, терпению царя пришел конец. Схватив его за руку, монарх в страшном гневе закричал:

- Наглое ничтожество! Сорок дней ты ходишь сюда, но еще ни разу не поклонился мне, даже не произнес ни одного благодарственного слова. Хоть бы улыбка однажды озарила твое постное лицо. Ты, что же, копишь эти деньги или даешь их в рост? Ты только позоришь высокую репутацию заплатанного одеяния!

Только царь умолк, дервиш достал из рукава сорок золотых монет, которые он получил за сорок дней, и, швырнув их на землю, сказал:

- Знай, о царь Ирана, что щедрость только тогда воистину щедрость, когда проявляющий ее соблюдает три условия. Первое условие – давать, не думая о своей щедрости. Второе условие – быть терпеливым. И третье – не питать в душе подозрений.

Этот царь так никогда и не стал по-настоящему щедрым. Щедрость для него была связана с его собственными представлениями о «щедрости», и он стремился к ней только потому, что хотел прославиться среди людей.

Примечание Идрис Шаха. Эта традиционная история, известная читателям из классического произведения на урду «Истории четырех дервишей», кратко иллюстрирует весьма важные суфийские учения. Соперничество без основных качеств, подкрепляющих это соперничество, ни к чему не приводит. Щедрость не может быть развита в человеке до тех пор, пока другие добродетели так же не будут развиты. Некоторые люди не могут учиться даже после того, как перед ними обнажили учение. Последнее продемонстрировано в сказании первым и вторым дервишами.

ЛЕЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КРОВЬЮ

Мауляну Баха ад-дина Накшбанди спросили однажды: «Как объяснить сообщающиеся во многих историях случаи, когда великие учителя одним взглядом или каким-либо иным косвенным воздействием одухотворяли невежественных людей или детей, находящихся с ними в контакте?» В ответ Баха ад-дин рассказал следующую притчу, заметив при этом, что притчи тоже представляют собой метод косвенного одухотворения. Итак, вот история, рассказанная Накшбанди.

*Во времена великой Византийской империи один из византийских императоров заболел какой-то странной болезнью, и никто из его докторов не знал от нее лекарства. Во все страны были разосланы гонцы, которые должны были оповестить великих мудрецов и искусных лекарей о болезни византийского государя и подробно описать им симптомы этой болезни. Один посланец прибыл в школу аль-Газали*23*, ибо слава этого величайшего восточного мудреца докатилась до Византии. Выслушав посланцев, аль-Газали попросил одного из своих учеников отправиться в Контантинополь и осмотреть императора. Когда этот человек, а звали его аль-Ариф, прибыл к византийскому двору, его приняли со всевозможными почестями и тут же ввели в царские покои. Шейх аль-Ариф первым делом спросил у придворного врача, какие лекарства уже применяли и какие намереваются применять. Затем он осмотрел больного. Кончив осмотр, аль-Ариф сказал, что необходимо созвать всех придворных и тогда он сможет назвать средство, которое излечит императора. Все приближенные собрались в тронном зале, и суфий обратился к ним:*

- Его Императорскому Величеству лучше всего использовать веру.

- Его Величество нельзя упрекнуть в недостатке веры, но вера нисколько не помогает ему исцелиться, - возразил духовник императора.

- В таком случае, - продолжал суфий, - я вынужден заявить, что на свете есть только одно средство для спасения императора, но оно такое страшное, что я даже не решаюсь его назвать.

Тут все придворные принялись его упрашивать, сулить богатство, угрожать и льстить, и наконец он сказал:

- Император излечится, если искупается в крови нескольких сотен детей не старше семи лет.

Когда страх и смятение, вызванные этими словами, несколько улеглись, государственные советники решили, что это средство нужно попробовать. Некоторые, правда, сказали, что никто не имеет права брать на себя ответственность за такую жестокость, подсказанную, к тому же, чужеземцем сомнительного происхождения. Большинство, однако, придерживалось того мнения, что все средства хороши, когда речь идет о спасении великого императора, которого все уважали и чуть ли не обожествляли. Когда об этом рассказали императору, он наотрез отказался. Но его принялись упрашивать:

- Ваше Величество, вы не имеете права отказываться, ведь ваша смерть – большая потеря для империи, чем смерть всех ваших подданных, не говоря уж о детях.

В конце концов им удалось его убедить. Тут же по всей стране были разосланы указы о том, что все византийские дети не старше семи лет к определенному сроку должны быть присланы в Константинополь, чтобы быть там принесенными в жертву ради здоровья императора. Матери обреченных детей проклинали правителя, чудовищного злодея, который ради своего спасения решил погубить их дорогие чада. Некоторые женщины, однако, молили Бога ниспослать здоровье императору до страшного дня казни. Между тем с каждым днем император все сильнее чувствовал, что он ни в коем случае не должен допустить такого ужасного злодеяния, как убийство маленьких детей. Угрызения совести приносили ему страшные муки, не оставлявшие его ни днем, ни ночью. Наконец он не выдержал и велел объявить:

- Я лучше умру сам, чем допущу смерть невинных созданий.

Только он произнес эти слова, как его болезнь стала ослабевать, и вскоре он совершенно выздоровел. Ограниченно мыслящие люди тут же решили, что император вознагражден за свой добрый поступок. Другие, подобные им, объяснили его выздоровление тем, что матери обреченных детей молили об утешении и о том, чтобы Бог смилостивился над императором. Когда суфия аль-Арифа спросили о причине исцеления государя, он сказал:

- Поскольку у него не было веры, он нуждался в чем-то, равном ей по силе. Таким образом, исцеление пришло к нему благодаря его сосредоточенности, соединенной с желанием матерей, которые возносили горячие молитвы о выздоровлении императора до страшного дня казни.

Скептики же говорили:

- По божественному провидению император исцелился молитвами святого духовенства до того, как кровожадный рецепт сарацина был воплощен в жизнь, ибо разве не очевидно, что этот чужеземец хотел уничтожить наших детей, чтобы они не могли истребить его народ, когда станут взрослыми?

Когда этот случай передали аль-Газали, он сказал:

- Чтобы добиться в чем-то результата, необходимо применить метод, разработанный специально для того, чтобы действовать в назначенное время и вести к достижению определенного результата.

Подобно тому как суфийский лекарь должен приспосабливать свои методы к людям, окружающим его, так и дервишский духовный учитель может пробудить скрытые познания ребенка или невежественного человека даже в области изучения истины, и он это делает, применяя известные ему методы, созданные специально для этой цели. Это последнее объяснение принадлежит нашему мастеру Баха ад-дину.

Примечание Идрис Шаха. Ходжа Баха ад-дин стал главой ордена Мастеров («Хаджаган») в Центральной Азии в XIV веке. Его прозвище Накшбанд, означающее «художник», стало названием школы. Баха ад-дин из Бухары преобразовал учение мастеров, приспособив практику к повседневным условиям и собрав традиции из первоисточников. Семь лет он был придворным, семь лет – пастухом и еще семь лет работал на строительстве дорог, прежде чем стал обучающим мастером. Одним из первых его учителей был Баба ас-Саммаси. Пилигримы стекались в учебный центр Баха ад-дина «с другого конца Китая». Члены ордена, распространившегося на территории Турции и Индии и даже в Европе и Африке, не носили каких-либо отличительных одежд, и о них известно еще меньше, чем о любом другом ордене. Баха ад-дин был известен как эль-Шах. Некоторые величайшие персидские классики были накшбандами. Основные книги накшбандов – это «Учение эль-Шаха», «Тайны накшбандийского пути», «Капли из источника жизни». Эти произведения существуют только в рукописях. Мауляна («Наш господин») Баха ад-дин родился в двух милях от Бухары и похоронен недалеко оттуда, в местности Каср-и-Ариф («Крепость познавших»). Эта история, рассказанная им в ответ на вопрос, взята из произведения «Учение эль-Шаха»; книга эта имеет также другое название – «Беседы нашего мастера».

Накшбанди:

Когда человек занят своим делом, он отнюдь не всегда разъясняет свое поведение случайным прохожим, какой бы огромный интерес они, по их собственному мнению, ни испытывали к этому делу. Когда протекает действие, главное – чтобы оно развивалось правильно. В таком случае внешняя оценка имеет второстепенное значение.

Признак очищения глубин сердца раба Божьего от всего, кроме Бога, что он может истолковать ошибки верующих как добрые дела.

Различные нормы поведения у мудрых следует рассматривать как следствие различий индивидуальностей, а не качества.

Человек, которому нужна информация, всегда полагает, что ему нужна мудрость. Даже если он действительно является человеком информации, то будет считать, что ему нужна мудрость. Если человек является человеком мудрости, только тогда он становится свободным от необходимости в информации.

Никогда не поддавайтесь порыву учить, каким бы сильным он ни был. Указание учить не ощущается как порыв.

Будьте готовы осознать, что все убеждения, обусловленные окружающей вас средой, были чем-то незначительным, даже если они были когда-то очень полезны для вас. Они могут стать бесполезными и оказаться на самом деле ловушками.

Никогда не позволяйте себе каждую вещь оценивать способом, не относящимся к тому же самому времени. Одно должно соответствовать другому.

Люди, которых называют учеными, лишь подменяют ученых. Настоящих ученых мало, а подделывающихся под них великое множество. Как результат, именно их стали называть учеными. В странах, где нет лошадей, лошадьми называют ослов.

Наш путь к Нему {Богу} – взаимное общение, но не отшельничество, в отшельничестве – слава, а в славе – погибель. Добрые же дела обнаруживаются только в собрании людей, общество же людей заключается во взаимном содружестве, основанном на условии не делать друг другу того, что воспрещено.

---

23 *Аль-Газали*, Абу Хамид Мухаммед ибн Мухаммед аль-Туси (1058-1111) – крупнейший теолог и философ. Родился в г. Тусе (Хорасан), в Нишапуре был учеником аль-Джувайни вплоть до смерти последнего в 1085 г. Затем находился при сельджукском визире Низам аль-Мулке, который назначил его в 1091 г. преподавателем в основанной им в Багдаде мадраса Низамийа. В 1095 г., после исмаилитами Низам аль-Мулка, аль-Газали покидает Багдад под предлогом совершения хаджа и, проведя 11 лет в Дамаске, Тусе и некоторых других городах, в 1106 г. по приглашению сына Низам аль-Мулка, Фахрал-Мулка, начинает преподавать в Мадраса Низамийа в Нишапуре. Незадолго до своей кончины возвращается в Тус.

Аль-Газали делил людей по уровню их познавательных способностей на две категории: «широкую публику», «массу» и «избранных». К первой категории он относил верующих, которые следуют религиозной традиции. По мнению аль-Газали, им нельзя толковать священные тексты в символико-аллегорической форме. Ко второй категории он причислял (часто в завуалированной форме) прежде всего философов, стремящихся постичь истину с помощью доказательств, основанных на достоверных посылках. К «избранным» он относил суфиев, которые приходят к моническому взгляду на бытие, но не на основе логических доказательств, а с помощью интуиции.

ПЛОТИНА

Жила-была вдова с пятью маленькими сыновьями. Ей принадлежал небольшой клочок земли, орошаемый арыком. Скудного урожая с этого надела им едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Но вот однажды жестокий тиран, владелец соседних земель, не посчитавшись с их законным правом пользоваться водой арыка, перекрыл арык плотиной и обрек семью на полную нищету.

Старший сын не раз пытался сломать плотину, но безуспешно: ему одному это было не под силу, а его братья были совсем еще детьми. И хотя мальчик понимал, что богачу ничего не стоит заново восстановить плотину, детская гордость не позволяла ему отказаться от этих отчаянных и бесплодных попыток. Однажды в видении он увидел своего покойного отца, который дал ему наставления, укрепившие надежду в его сердце. Вскоре после этого тиран, взбешенный независимым поведением «маленького упрямца», оклеветал его на всю округу и восстановил против него всех соседей.

Пришлось мальчику покинуть родной дом и отправиться в далекий город. Там он нанялся слугой к одному купцу и проработал у него в течение многих лет. Почти весь свой заработок старший брат отсылал домой через путешествующих купцов. Чтобы у этих людей не возникало неприятного чувства, что он навязывается им со своими поручениями – да и для них самих было небезопасно помогать семье, находящейся в опале, - он просил их передавать деньги его братьям как плату за мелкие услуги, которые они могут оказать путешественникам. Спустя много лет пришло время старшему брату возвратиться в родные края. Годы так изменили его, что, когда он подошел к дому и назвал себя братьям, только один из них узнал его, но и он не был в этом уверен вполне.

- У нашего старшего брата волосы были черные, - сказал самый младший.

- Но ведь я постарел, - ответил старший брат.

- И по вашей речи, и по одежде сразу видно, что вы – из купцов, - сказал другой брат, - а в нашей семье никогда не было купцов.

Тогда старший брат рассказал им свою историю, но не смог рассеять их сомнения.

- Я помню, как ухаживал за вами, когда вы были еще совсем детьми, и как вас манила стремительно бегущая вода, остановленная плотиной, - стал вспоминать пришелец.

- Мы не помним этого, - сказали братья, ибо их детские годы почти полностью стерлись из их памяти.

- Но ведь я посылал вам деньги, на которые вы и жили с тех пор, как пересох наш арык.

- Мы не знаем никаких денег. Мы получали только то, что зарабатывали, оказывая различные услуги путешественникам.

- Опиши нашу мать, - предложил один из братьев, все еще желая получить какие-то доказательства.

Старший брат стал описывать мать, но, так как она умерла очень давно и братья плохо ее помнили, в его рассказе они увидели множество неточностей.

- Но даже если ты наш брат, чего ты хочешь от нас? – спросили они.

- Тот тиран умер, - сказал старший брат, - его солдаты разбрелись по свету искать новых хозяев, поэтому нам сейчас самое время объединиться и общими усилиями оживить эту землю.

- Я не помню никакого тирана, - заявил самый младший из братьев.

- Земля была всегда такой, как сейчас, - сказал другой.

- И почему это мы должны делать то, что ты нам велишь?! – воскликнул третий.

- Мне бы хотелось тебе помочь, - сказал четвертый, - но я не понимаю, о чем ты говоришь.

- Кроме того, - заговорил первый брат снова, - мне не нужна вода. Я собираю хворост и разжигаю по ночам костры. Приезжие купцы останавливаются погреться у них, просят меня о различных услугах и платят мне за это.

- Если пустить сюда воду, - сказал второй, - она зальет прудик, в котором я развожу декоративных карпов. Приезжие купцы останавливаются полюбоваться ими и одаривают меня от своей щедрости.

- Я сам не против того, чтобы пустить воду, но не уверен, сможет ли она оживить эту землю, - сказал третий брат.

Четвертый брат промолчал.

- Отбросьте все ваши сомнения и скорее примемся за работу.

- Нет уж, мы лучше обождем, пока придут купцы.

- Купцы больше не придут, ведь это я их присылал сюда.

Но братья не верили старшему брату и продолжали с ним спорить. А было это как раз зимой, когда купцы не проезжали через их края, так как все дороги, ведущие к ним, были завалены снегом. И прежде чем весна вошла в свои права и по Шелковому Пути вновь потянулись торговые караваны, новый тиран, который был безжалостнее первого, вторгся в их земли. Так как этот разбойник был еще не совсем уверен в своих силах, он искал для захвата заброшенные земли. Никому не принадлежащий канал, перегороженный плотиной, разбудил в его сердце алчные надежды, и он присоединил его к своим владениям и даже задумал в ближайшем будущем, как только укрепит свою власть, обратить братьев в своих рабов. Пока же ему приходилось с ними считаться, потому что они все были сильными людьми, не исключая и самого старшего. А братья по-прежнему спорят, и теперь вряд ли что-нибудь помешает тирану осуществить свой коварный план.

Примечание Идрис Шаха. Авторство этой знаменитой истории, используемой на пути Мастеров («Тарика-и-Хаджаган»), прослеживается к Абу Али Мухаммеду, сыну аль-Касима аль-Рудбари. История иллюстрирует загадочное происхождение суфийского учения, которое приходит из одного места, хотя кажется, что оно приходит совсем из другого. Это объясняется тем, что человеческий ум, подобно братьям из сказки, не способен постигнуть «истинный источник». Рудбари вел «линию преемственности учения» от Шибли[24] и Абу Йазида ал-Бистами.

Шибли:

Внешнее в слушании – соблазн, внутреннее – назидание. Тому, кто познал направление, позволено слушать произносимое, а кто не познал, тот поддается соблазну и повергает себя в пучину бед.

Существует три вида смерти: смерть ради этого мира, смерть ради мира загробного и смерть на Пути Господа. Тот, кто умирает с любовью к этому миру, есть лицемер. Тот, кто умирает с любовью к миру загробному, является благочестивым. Но тот, кто умирает с любовью к Господу, есть суфий.

Страх – это когда ты боишься, что Аллах не вернет тебя самому себе.

Надеяться – значит просить Аллаха не отделять тебя от Него.

Служение есть освобожденное состояние сердца.

---

24 *Аш-Шибли*, Абу Бакр Дулаф ибн Джафар (861-946) – багдадский суфий, ближайший сподвижник и ученик аль-Джунайда и аль-Халладжа. Родился в Самарре. В возрасте 40 лет принял суфизм в собрании известного багдадского суфия Хайра ан-Нассаджа. Поначалу симпатии аш-Шибли склонялись к крайнему суфизму, который проповедовал аль-Халладж. Однако преследования, а затем жестокая казнь аль-Халладжа заставили его изменить свои взгляды и занять осторожную позицию, свойственную ал-Джунайду и его окружению. Есть сведения, что аш-Шибли обвинил аль-Халладжа в разглашении тайн, которые должны быть достоянием избранных. После казни аль-Халладжа поведение аш-Шибли стало крайне необычным. Его эксцентрические поступки: сжигание дорогих одежд и благовоний, самоистязание,

повышенная эмоциональность – привели к тому, что его сочли сумасшедшим, поэтому багдадские власти, активно боровшиеся в это время с инакомыслием и «непозволительными новшествами», не принимали его всерьез. Аш-Шибли спасло, видимо, также его знатное происхождение.

В экстатических высказываниях и аллегорических намеках аш-Шибли, записанных в основном в конце его жизни, в завуалированной форме говорилось о страданиях и радостях Божественной любви, о необходимости отказа от мирской жизни ради высшей цели – сближения с Божеством, о самоконтроле и о самонаблюдении, которые должен практиковать истинный суфий. Наиболее известными его учениками были Али аль-Хусри и Абу-л-Касим ан-Насрабази. Сюжеты из биографии аш-Шибли, его высказывания и стихи можно встретить во всех авторитетных суфийских трактатах. Своей широкой известностью он обязан парадоксальности мышления, незаурядности поведения, причастности к судьбам великих людей и знаменательным событиям в истории суфизма.

Его могила в Багдаде сохранилась и почитается по сей день.

ТРИ ДЕРВИША

Давным-давно жили три дервиша – Як, Ду и Си. Первый дервиш пришел с севера, второй – с запада, третий – с юга. У этих людей была общая цель: они стремились к глубокой истине и искали Путь. Первый, Як Баба, сидел и размышлял, пока у него не начала болеть голова. Второй, Ду Ага, стоял на голове, пока у него не отнялись ноги. Третий, Си Каландар, читал книги, пока у него не пошла носом кровь. Наконец они решили объединить свои усилия. Дервиши удалились в уединенное место и стали сообща выполнять свои упражнения, надеясь таким путем сконцентрировать необходимое количество усилий, чтобы вызвать появление Истины, которую они называли глубокой истиной. Сорок дней и сорок ночей искатели упорно добивались своей цели, и вот на сорок первый день словно из-под земли в вихре белого дыма перед ними возникла голова очень древнего старца.

- Вы таинственный Кхидр, страх людей? – воскликнул первый дервиш.

- Да нет же, это Кутуб, столп мира, - возразил второй дервиш.

- Вы оба заблуждаетесь, - вмешался третий, - я убежден, что это никто иной, как Абдель, Измененный.

- Я ни тот, ни другой, ни третий, - могучим глухим голосом проговорил дух. – Но я тот, кого вы можете представить. Сейчас вы, кажется, стремитесь к одной цели, которую вы называете глубокой истиной?

- Да, о мастер, - хором ответили дервиши.

- Приходилось ли вам слышать когда-нибудь изречение: «Путей столько же, сколько человеческих сердец»? – спросила голова и, не дожидаясь ответа, продолжала: - Во всяком случае вот ваши пути: первый дервиш должен отправиться в страну глупцов; второй дервиш должен разыскать волшебное зеркало, а третий пусть обратится за помощью к Джинну Водоворота.

Сказав так, видение исчезло. Оставшись снова втроем, дервиши принялись обсуждать случившееся, и не только потому, что хотели собрать как можно больше информации обо всем этом, прежде чем отправиться в дорогу, но также и потому, что, хотя они следовали различными путями, каждый до сих пор верил только в один путь – в свой собственный, конечно. А теперь их ситуация была несколько иной, ибо никто из них

не мог бы с уверенностью сказать, что его путь был правильным, пусть даже этот несовершенный путь отчасти способствовал появлению таинственного духа, имени которого дервиши так и не узнали.

Первым покинул келью Як Баба. Вместо того чтобы допытываться у каждого встречного, как он всегда делал, не живет ли где поблизости какой-нибудь ученый человек, Як Баба теперь расспрашивал о стране глупцов. Наконец, спустя много месяцев, он повстречал человека, который объяснил ему, где находится эта страна, и Як Баба направился туда. Как только он вошел в пределы Страны Глупцов, он увидел женщину, тащившую на себе дверь. Дервиш приблизился к ней и спросил:

- Женщина, что ты собираешься делать с этой дверью?

И женщина ответила ему:

- Сегодня утром мой муж, отправляясь на работу, сказал мне: «Жена, в нашем доме много ценных вещей; смотри, чтобы никто не вошел в эту дверь». Когда я уходила, я взяла дверь с собой, так что уже никто через нее не войдет. А теперь позволь мне оставить тебя.

С этими словами женщина отвернулась, чтобы идти своей дорогой, но Як Баба остановил ее и сказал:

- Хочешь, я расскажу тебе нечто такое, что избавит тебя от необходимости повсюду таскать за собой эту тяжесть?

- Конечно, нет, - воскликнула женщина, - а если ты уж непременно хочешь помочь мне, то подскажи лучше, как сделать, чтобы дверь была не такой тяжелой.

- Нет, этого я тебе сказать не могу, - ответил дервиш и пошел дальше.

Пройдя еще немного, он увидел на обочине дороги толпу крестьян, которые, прижимаясь от страха друг к другу, таращились на огромный арбуз, выросший на поле.

- Подобное чудище мы встречаем впервые, - объяснили они дервишу, - оно, разумеется, вырастет еще больше и всех нас сожрет. Но мы не решаемся даже приблизиться к нему.

- Хотите, я кое-что расскажу вам о нем? – спросил дервиш.

- Не будь глупцом, - закричали крестьяне, - убей его, если можешь, и мы тебя вознаградим. Но не думай рассказывать нам сказки, мы не желаем тебя слушать!

Тогда Як Баба вытащил из кармана нож, подошел к арбузу и, отрезав ломоть, принялся уплетать его. Это зрелище повергло людей в неописуемый ужас. С криками и воплями они кинули дервишу пригоршню монет и стали умолять его:

- Сжалься над нами, славный повелитель монстров, уходи и не губи нас, как ты погубил только что это чудовище!

Таким образом, Як Баба стал постепенно понимать, что для того, чтобы жить среди глупцов, надо научиться думать и поступать, как они. Спустя несколько лет ему удалось сделать нескольких дураков разумными, и в награду за это он был однажды удостоен глубокого знания. А так как он стал святым в стране глупцов, обитатели этой страны сохранили о нем память только как о «герое, который разрубил Зеленое Чудовище и выпил его кровь». Они пытались сделать то же самое, чтобы заработать глубокое знание, но у них, разумеется, ничего не вышло.

Теперь возвратимся к началу рассказа и посмотрим, что случилось со вторым дервишем, Ду Агой, который отправился на поиски волшебного зеркала. Если раньше Ду Ага повсюду разузнавал о новых мудрецах или новых упражнениях и позах, то теперь, кого бы дервиш ни встретил на своем пути, он каждого спрашивал о волшебном зеркале. Он получал множество ответов, которые только вводили его в заблуждение, пока наконец не выяснил, где нужно искать это зеркало: оно было подвешено в одном колодце на тончайшем

волоске и было сделано из человеческих мыслей. Но так как мыслей оказалось недостаточно, все зеркало представляло собой небольшой кусочек. Ду Ага перехитрил демона, охранявшего колодец, и, достав зеркало, всмотрелся в него и попросил глубокого знания. В тот же миг он получил его. Дервиш обосновался в этом месте и прожил долгую и счастливую жизнь, обучая людей мудрости. Но так как его ученики после его смерти не поддерживали определенной концентрации мыслей, необходимой для постоянного обновления зеркала, оно вскоре исчезло. Все же по сей день некоторые люди глядят ежедневно в свое зеркало, полагая, что это и есть магическое зеркало Ду Аги.

Ну а что касается третьего дервиша, Си Каландара, то он, расставшись со своими товарищами, повсюду разыскивал Джинна Водоворота. Этот джинн был известен под многими другими именами, но Каландар не знал об этом. В течение нескольких лет он не раз оказывался поблизости от джинна, но проходил мимо, потому что люди, к которым он обращался, либо не знали о существовании такого джинна, либо никак не предполагали, что он – Джинн Водоворота. И вот, спустя много лет, Си Каландар вошел как-то в одно селение.

- О люди, - обратился он к толпе поселян, - не слышал ли кто-нибудь из вас о Джинне Водоворота?

- Мы никогда не слышали о джинне, - ответил ему кто-то из толпы, - но эта деревня называется Водоворот.

Каландар повалился на землю и закричал:

- Я не уйду отсюда до тех пор, пока Джинн Водоворота не покажется мне!

Джинн, прятавшийся поблизости, выскочил из своего укрытия и, закружившись смерчем, заревел:

- Мы не любим, когда чужестранцы приходят в наше селение, о дервиш. Итак, я здесь, чего ты хочешь?

- Я ищу глубокое знание, - ответил Си Каландар, - и мне сказали, что только ты можешь помочь мне обрести его.

И дервиш рассказал, при каких обстоятельствах он узнал о существовании джинна.

- Да, я в самом деле могу тебе помочь, - прогремел джинн. – Ты уже много сделал сам, и теперь тебе осталось только произнести такую-то фразу, пропеть такую-то мелодию, совершить такие-то действия и воздерживаться от других. Тогда глубокое знание станет твоим.

Сказав так, джинн дал дервишу подробные наставления и скрылся. Многие годы потратил Си Каландар на то, чтобы научиться правильно выполнять данные ему обряды и упражнения. Его усердие и сосредоточенность снискали ему репутацию достойного и посвященного человека. Люди, наблюдая за ним, заражались его примером и начинали ему во всем подражать. Однажды дервиш достиг глубокого знания. Его подражатели к этому времени образовали целую общину, пытаясь достичь того же. Они никогда не пришли к знанию, потому что начали изучать путь Си Каландара с конца.

Впоследствии, когда бы последователи этих трех дервишей ни встречались, между ними разгорался ожесточенный спор. Одни говорили:

- Вот наше зеркало. Если вы согласны глядеть в него столько времени, сколько потребуется, вы когда-нибудь добьетесь глубокого знания.

- Принесите в жертву арбуз, - возражали им другие. – Это приведет вас к цели, как привело некогда Як Бабу.

- Ерунда, - смеялись над ними третьи, - есть только один путь – это быть настойчивым в изучении и выполнении определенных упражнений, молитв и добрых дел.

Три дервиша, достигнув в конце концов глубокого знания, обнаружили, что не могут помочь своим последователям, подобно тому, как пловец, уносимый стремительным потоком реки, видит на берегу человека, которого преследует леопард, и не может прийти к нему на помощь.

Примечание Идрис Шаха. Приключения этих людей – их имена означают в переводе «первый», «второй», «третий» - толкуются иногда как сатира на традиционную религию. Рассказ представляет собой изложение знаменитой обучающей истории «Приключения трех». Ее авторство приписывается Мураду Шами, руководителю ордена Мурадийа. Он умер в 1720 году. Дервиши, рассказывающие эту сказку, заявляют, что она несет в себе скрытый смысл, более важный, чем ее поверхностное значение.

ЧЕТЫРЕ ВОЛШЕБНЫХ ПРЕДМЕТА

Встретились как-то четыре святых дервиша второго ранга и решили обойти всю землю в поисках четырех предметов, которые помогут им послужить человечеству. Посвятившие многие годы изучению всевозможных наук, дервиши пришли к выводу, что смогут послужить людям наилучшим образом именно в таком сотрудничестве. Они условились снова встретиться через тридцать лет и разошлись в разные стороны.

И вот в назначенный день дервиши снова собрались вместе. Первый дервиш принес с далекого Севера волшебный посох: тот, кто садится на этот посох, может перенестись в любую часть света по желанию. Второй дервиш принес с далекого Запада волшебную чалму. Надев ее, человек мог принять любую внешность, превратиться в любую тварь. Третий, путешествовавший на далеком Востоке, раздобыл волшебное зеркало, в котором можно было увидеть любой уголок земли. Четвертый дервиш, возвратившийся с далекого Юга, принес волшебную чашу, которая излечивала любой недуг.

Итак, обладая этими сокровищами, дервиши заглянули в зеркало, чтобы узнать, где находится Источник жизни; затем на посохе подлетели к нему и напились живой воды. Они хотели стать долгожителями, чтобы найти лучшее применение своим волшебным предметам. Теперь, чтобы узнать, кто более всего нуждается в их помощи, дервиши стали творить молитву. В зеркале отразился человек, лежащий на смертном одре. Он жил в далекой стране, на расстоянии многих дней пути, но дервиши, оседлав посох, в одно мгновение очутились у его дома.

- Мы знаменитые лекари, - сказали они привратнику. – Зная, что твой хозяин болен, мы пришли, чтобы исцелить его. Впусти нас.

Слуга передал их слова господину, и тот велел немедленно провести их к себе. Но едва дервиши приблизились к больному, он побледнел и стал терять сознание. Дервишей тут же вывели из комнаты, и один из слуг объяснил, что этот человек ненавидит дервишей и всю жизнь был их врагом. Тогда дервиши, одевая по очереди волшебную чалму, изменили свои обличья, чтобы не смущать больного, и снова пришли к нему, но уже как другие люди. Они дали ему пригубить какого-то снадобья из волшебной чаши, и болезнь его как рукой сняло. Никогда прежде он не чувствовал себя настолько здоровым. Счастье его невозможно было описать, и, будучи человеком богатым, он в награду за свое исцеление подарил дервишам один из своих домов. Дервиши поселились в этом доме. Каждое утро они отправлялись в разные стороны и в течение дня помогали людям своими волшебными предметами.

Но вот однажды, когда в доме находился только один дервиш – владелец чашки, к нему ворвались царские стражники, схватили его и увели. А произошло так потому, что дочь царя заболела какой-то странной

болезнью и правитель, прослышав о владельце чашки как о великом лекаре, велел срочно доставить его во дворец. Дервиша подвели к ложу царевны. Он взял лекарство, которым ее уже пытались лечить, вылил в свою чашу и поднес к ее губам. Но так как он был лишен возможности посоветоваться с волшебным зеркалом о том, какое лекарство необходимо царевне, чаша не помогла. Царевне не стало лучше, и разгневанный царь приказал распять дервиша на стене. Дервиш стал молить царя об отсрочке, объясняя, что он должен посоветоваться со своими товарищами, но царь был нетерпелив и полагал, что дервиш хитрит и только хочет выиграть время.

Между тем трое других дервишей, возвратившись домой и не застав там своего товарища, взглянули в зеркало и увидели, что ему угрожает смерть. Не теряя времени, дервиши сели на посох и полетели к нему на помощь. Они подоспели как раз вовремя и вызволили его, но помочь царской дочери уже не смогли, потому что лишились своей чаши. Дервиши посмотрели в волшебное зеркало и увидели свою чашу на дне самого глубокого океана в мире, куда ее забросили по приказу царя. И даже с помощью своих волшебных предметов им понадобилось целое тысячелетие, чтобы вернуть ее.

С тех пор, наученные горьким опытом, дервиши стали работать в глубокой тайне, искусно скрывая свои чудесные методы под самыми различными покровами, и потому все, что они ни делали для людей, выглядело простым и легко объяснимым.

Примечание Идрис Шаха. Эта легенда напоминает многие восточные устные предания о волшебных предметах. Некоторые видят в ней скрытый намек на утверждение, что Иисус не умер на кресте. По мнению других, в ней указывается на четыре методики основных восточных дервишских школ и на влияние этих методик в Индии и Хорасане под эгидой накшбандов. Более распространенное суфийское объяснение состоит в том, что «дервишская работа» включает в себя четыре элемента, которые необходимо применять одновременно и тайно.

СНЫ И КУСОК ХЛЕБА

Три человека, отправившиеся в долгое и изнурительное путешествие, встретились на большой дороге и решили странствовать вместе. Они объединили свои припасы и по-дружески делили невзгоды и удачи, лишения и радости пути. Но вот наступил день, когда от всей их провизии остались кусочек хлеба и глоток воды во фляге. Между путниками разгорелся спор, кому из них троих должны достаться хлеб и вода. Никто не желал уступить другим своей доли, и они решили было разделить все поровну, но это им не удалось. Так они спорили, пока не стало смеркаться, и тогда один из них предложил:

- Давайте ляжем все спать, и кому из нас приснится ночью самый чудесный сон, тому и быть судьей над нами.

Его товарищи согласились с ним, и они тут же улеглись и заснули. Наутро, с восходом солнца, друзья проснулись.
Первый стал рассказывать:

- Приснилось мне, что я был перенесен в столь совершенный мир, что описать его великолепие бессилен язык; меня словно объял безмятежный покой. Там я встретил мудреца, который сказал мне: «Эта еда должна достаться тебе, ибо твоя прошлая и будущая жизнь наполнена подвигами, достойными восхищения».

- Как странно, - сказал другой путник, - ведь когда я заснул, то я в самом деле увидел свое прошлое и будущее, и в будущем я встретил всезнающего человека, который сказал: «Ты заслуживаешь этот хлеб, ибо терпеливее своих товарищей и ученее их. Согласно твоему предначертанию, ты будешь обучен и поведешь за собой людей».

Третий путешественник сказал:

- Во сне я ничего не видел, ничего не слышал, ни с кем не разговаривал. Но какая-то непреодолимая сила заставила меня подняться, отыскать хлеб и воду и разом проглотить все это, что я тут же и сделал.

Примечание Идрис Шаха. Эта одна из многих притч, приписываемых Шах Мухаммеду Гавс Шаттари, умершему в 1563 году. Он написал знаменитый трактат «Пять жемчужин», в котором способ достижения человеком более высоких состояний описан в терминах магии и колдовства, в соответствии с древними моделями. Шаттари был великим мастером и пользовался огромным уважением индийского императора. Несмотря на то, что многие провозглашали его святым, духовенство рассматривало некоторые его работы, как противоречащие Святому Писанию, и добивалось его казни. В конце концов с него было снято обвинение в ереси на том основании, что к высказываниям, сделанным в особом состоянии, не могут быть применены обычные схоластические категории. Его гробница находится в Гвалиоре – важнейшем месте суфийского паломничества. Фабула этого рассказа в средние века была использована в монашеских христианских сказках.

ХЛЕБ И ДРАГОЦЕННОСТИ

Один монарх решил однажды отдать часть своего богатства в виде милостыни. В то же время ему очень хотелось знать, что случится с его дарами. Итак, он призвал к себе одного пекаря, которому доверял, велел ему испечь две буханки хлеба, причем в одну нужно было запечь некоторое количество драгоценных камней, а другую испечь только из воды и муки. Затем пекарь должен был выбрать из своих покупателей двух человек – самого добродетельного и самого грешного и отдать им эти буханки.

На следующее утро в пекарню зашли двое. Один из них, облаченный в дервишский халат, казался образцом добродетели, хотя на самом деле был обыкновенным ханжой. Другой, без единого слова положивший на прилавок свои деньги, внешностью походил на одного человека, которого пекарь издавна не любил. Хлеб с драгоценностями пекарь отдал дервишу, а обыкновенную буханку – другому посетителю. Взяв свою буханку, лжедервиш почувствовал, что она тяжелее обычной. Он взвесил ее на ладони, потом слегка помял и, нащупав драгоценные камни, решил, что это комочки плохо размешанной муки. Тогда он взглянул на пекаря, но, увидев его суровое лицо, понял, что с ним лучше не связываться, и обратился к другому покупателю:

- Давай обменяемся буханками, мне кажется, ты голоден, а моя буханка больше твоей.

Этот человек, со смирением принимавший все, что ему посылала судьба, охотно отдал свой хлеб и взял хлеб дервиша. Царь наблюдал за ними из внутреннего помещения и был весьма изумлен всем этим, но так и не понял, кто же из них двоих добродетельнее. Покупатели, обменявшись буханками, ушли, и царь решил, что высшей воле было угодно уберечь дервиша от мирского богатства. Он не знал, как еще истолковать то, что произошло. А истинно добродетельный человек, который обменялся буханками, нашел сокровища и употребил их на доброе дело.

- Я сделал то, что мне было велено, - сказал пекарь.

- Судьба не в нашей власти, - отвечал царь.

- Как умно я поступил! – радовался лжедервиш.

Примечание Идрис Шаха. Эта история рассказывается в Герате, в восточном Афганистане, где расположена гробница великого суфийского учителя Хаджи Абдаллаха аль-Ансари[25], умершего в 1089 году. Первый уровень ее смысла таков: человеку может быть предложено нечто ценное для его будущего, но он может не воспользоваться этой возможностью.

Аль-Ансари:

Кто сделает эти десять качеств своим обычаем, устроит свое дело и в этой и в будущей жизни: с Богом – искренность, с людьми – справедливость, с душой – насилие, с дервишами – ласку, с великими – служение, с малыми – сострадание, с друзьями – увещевание, с врагами – кротость, с невеждами – молчание, со сведущими – смирение.

Каждое суфийское переживание отличается глубиной и качественным разнообразием. Только обычные люди считают, что слово однозначно, и видят в том или ином переживании лишь малое количество одинаково эффективных и целостных смысловых оттенков. Хотя посторонние люди признают сложность и многогранность бытия, они часто забывают об этом, когда сталкиваются с суфийскими притчами. В лучшем случае они могут понять, что это аллегория, но к ней они будут подходить слишком односторонне.

---

25 *Аль-Ансари* аль-Харави, Абу Исмаил Абдаллах ибн Мухаммед (1006-1089) – известный суфий-ханбалит, родом из Герата. Отец его был суфием и сам познакомил сына с началами мистицизма. В девятилетнем возрасте аль-Ансари начал обучаться *хадисам*. В 1026 г. в целях продолжения обучения аль-Ансари аль-Харави отправился в Нишапур, затем в Тус и Бистам. В 1031 г. он ненадолго остановился в Багдаде, где посещал занятия видных ханбалитов. Вскоре после этого он встретился со знаменитым персидским суфием Абу-л-Хасаном ал-Хараками. Встреча с этим малообразованным восьмидесятилетним старцем, последователем традиции Абу Йазида аль-Бистами, сыграла решающую роль в его жизни и духовном развитии. Затем он вернулся в Герат, где стал заниматься обучением и вел активную полемику против мутазилитов и ашаритов.

С захватом в 1041 г. Восточного Ирана сельджуками для аль-Ансари аль-Харави начался период гонений – над ним нависла угроза расправы, трижды его ссылали. Последние двадцать лет его жизни, хотя преследования окончательно не прекратились, прошли более спокойно – он пользуется признанием, слава его выходит далеко за пределы Герата, халиф аль-Каим посылает ему почетные одежды. В конце жизни он потерял зрение и умер в родном городе, удостоенный титула «шейх аль-ислам».

Согласно аль-Ансари аль-Харави, суфизм только углубляет понимание Корана и сунны и является их продолжением. Исходя из убеждения, что вера не нуждается в доказательствах разума, которые только разрушают ее, ал-Ансари ал-Харави считал спекулятивное богословие «предосудительным новшеством» и боролся с ним всю свою жизнь. В вопросах психотехники он выступал против крайностей Пути, большое значение придавал любви к Богу и призывал учеников постоянно и строго контролировать свои мистические переживания. Биографы единодушно восхваляют его необычайное благочестие и широту познаний во всех областях религиозных наук.

Тематика сочинений аль-Ансари аль-Харави, написанных на арабском и персидском языках, отражает его разносторонние интересы.

41

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ДОГМЫ

Однажды великий султан Махмуд, гуляя по улицам Газны – своей столицы, увидел бедного носильщика, который, изнемогая от усталости и чуть не падая с ног, тащил на спине огромный камень. Сострадая несчастному, султан в порыве благородных чувств воскликнул:

- Брось камень, носильщик!

И это прозвучало как царский приказ. Носильщик тут же сбросил с себя камень, и он упал посередине дороги. Никто не осмелился сдвинуть его в сторону, и с тех пор в течение нескольких лет камень так и оставался лежать на прежнем месте, доставляя пешеходам множество неудобств. Наконец горожане обратились к правителю, умоляя его новым приказом позволить им убрать камень с дороги. Однако Махмуд, руководствующийся мудростью государственного уровня, ответил так:

- То, что было сделано однажды по высочайшему повелению, нельзя отменить другим повелением, ибо люди не должны думать, что царские указы продиктованы случайной прихотью. Камень останется на прежнем месте.

Итак, камень продолжал лежать там, где он однажды был брошен, и даже после смерти Махмуда из уважения к авторитету царских указов его не тронули. Эта история всем была хорошо известна, и каждый человек, в соответствии со своими способностями и пониманием, видел в ней одно из трех значений. Противники монархии считали, что этот случай лишний раз доказывает, до какой глупости может дойти авторитет, пытающийся утвердить себя. Люди, преклоняющиеся перед силой, относящиеся с великим почтением ко всем указам – даже самым нелепым, - понятно, не особенно утруждали себя размышлением и в этом случае. Те же, кто понимал, какими соображениями руководствовался царь в действительности, не обращали внимания на то, что на этот счет думают невнимательные. Ибо, приказав носильщику бросить камень в таком месте, где он всем будет мешать, а затем во всеуслышание объяснив, почему камень должен остаться на прежнем месте, Махмуд показал людям, способным понять его, что они должны подчиняться преходящей власти, но в то же время осознавать, что те, кто руководят, опираясь на неизменные догмы, не способны принести людям большой пользы. Те, кто усвоил этот урок, увеличили ряды искателей истины, а многие и пришли к истине таким путем.

Примечание Идрис Шаха. Эта история, но только без тонкого толкования, которое дано здесь, встречается в знаменитом классическом произведении Али Хусейна аль-Ваиз аль-Кашифи «Рашахат айн ал-хайат». Настоящий вариант рассказа составляет часть учения суфийского шейха Дауда из Кандагара, умершего в 1965 году. Он прекрасно изображает тот факт, что отношение людей к событиям зависит от уровня их понимания; пониманием обусловлены их суждения о чем бы то ни было. Косвенный метод обучения, использованный султаном Махмудом, представляет собой классический суфийский прием, который выражен в следующей фразе: «Говори со стеной так, чтобы тебя могла услышать дверь».

РЫБАК И ДЖИНН

Однажды один рыбак выловил в море медный сосуд, запечатанный свинцовой печатью. Это был какой-то странный кувшин – необычной формы, и рыбак почему-то решил, что в нем спрятаны бесценные сокровища. К тому же ему не везло в этот день с уловом, а кувшин, даже не окажись в нем сокровищ, можно было продать меднику. На пробке этого небольшого сосуда был начертан символ, неизвестный рыбаку, - печать Соломона, царя и мастера. А внутри него томился грозный и могущественный джинн. Сам Соломон заключил его в медную темницу и бросил на дно моря, дабы избавить людей от его козней. Этот мятежный гений должен был пребывать в заключении до тех пор, пока не появится человек, который сумеет покорить его и возвратить на путь служения человечеству. Рыбак, конечно, ничего этого не знал. В его руках находился предмет, который он собирался исследовать и который мог оказаться ему полезным. Покрытый изумительно тонким узором, кувшин сверкал и переливался на солнце. «Конечно, в нем таятся редчайшие драгоценности», - заранее радовался рыбак.

Забыв изречение: «Человек может пользоваться только тем, чем он умеет пользоваться», рыбак вытащил пробку и, торопясь увидеть содержимое сосуда, опрокинул его вверх дном и встряхнул. В кувшине не было ничего. Он поставил его перед собой на землю и тут вдруг заметил, что из горлышка выползает тонкая струйка дыма. Вот она стала завиваться, расти и, спустя мгновение, страшным черным столбом взметнулась к небу и превратилась в огромное и ужасное существо, которое гулким громоподобным голосом заревело:

- Я – повелитель джиннов, обладатель чудесных сил. Я восстал против Соломона и по его приказу был заточен в этот сосуд. А теперь я уничтожу тебя.

Рыбак в ужасе повалился на колени.

- Неужели ты убьешь своего избавителя?! – воскликнул он.

- Сейчас ты в этом убедишься, - прогремел джинн. – Я – порождение злого начала, и хотя я несколько тысячелетий томился в этой темнице, моя сущность духа-разрушителя ничуть не изменилась.

Только теперь человек понял, как жестоко он ошибся, понадеявшись извлечь выгоду из неожиданного улова и при этом даже не подумав о том, что за неосторожность можно поплатиться жизнью. Он уж было совсем приготовился к смерти, но внезапно его взгляд упал на Соломонову печать на пробке, и его осенило.

- Ты никак не мог выйти из этого кувшина, - сказал он джинну, - разве ты можешь поместиться в нем?

- Как? – взревело чудовище, - ты не веришь мне, повелителю джиннов?!

С этими словами дух снова превратился в тоненькую струйку дыма и исчез в сосуде. Быстро схватив пробку, рыбак крепко-накрепко запечатал отверстие и забросил кувшин в море.

Прошло много лет, и вот однажды другой рыбак, внук первого, закинул свой невод в этом же месте и вытащил тот же самый сосуд. Он поставил кувшин на песок и уже собирался его откупорить, но остановился в нерешительности, потому что вспомнил совет, который получил от своего отца, а тот от своего, и совет этот гласил: «Человек может использовать только то, что знает, как использовать». Между тем дух, разбуженный толчками, подал голос из своей медной тюрьмы:

- Сын Адама, кто бы ты ни был, распечатай кувшин и освободи меня, я – повелитель джиннов, обладатель чудесных сил.

Помня завещанный ему совет, юноша осторожно отнес кувшин в пещеру, а сам отправился на вершину горы к мудрецу. Он обо всем рассказал мудрому человеку и спросил, как ему поступить. Мудрец ответил:

- Отец дал тебе правильное наставление, и ты сам должен убедиться в его правильности, но прежде тебе необходимо знать, как за это взяться.

- Так что же мне делать? – спросил юноша.

- Ты, вероятно, уже знаешь, что бы тебе хотелось сделать?

- Единственное, чего я хочу, - это освободить джинна и получить от него волшебное знание или много золота и изумрудов, - словом, все, что может дать джинн.

- А подумал ли ты, что джинн, оказавшись на свободе, может не дать тебе всего этого или дать, а потом отнять, - ведь у тебя нет средств сохранить его дары, не говоря уже о том, что ты не знаешь, какие опасности подстерегают тебя, когда ты станешь владельцем несметных богатств, ибо «человек может использовать только то, что он знает, как использовать».

- В таком случае, что вы мне посоветуете?

- Придумай, как заставить джинна проявить свои силы. Испытай его могущество, но прежде найди способ обезопасить себя. Ищи знание, а не богатство, потому что богатство без знания бесполезно, и в нем причина всех наших несчастий.

Итак, молодой человек отправился обратно к пещере, где он оставил кувшин, по дороге размышляя над словами мудреца. И поскольку юноша был сообразительным, он быстро разработал собственный план. Подняв кувшин, он встряхнул его, и в то же мгновение раздался ужасающий, хотя и приглушенный металлом голос джинна.

- Во имя Соломона могущественного, мир да будет над ним, освободи меня, сын Адама!

- Я не верю, что ты тот, за кого себя выдаешь. Может ли быть, чтобы ты был обладателем столь великого могущества, на которое притязаешь?

- Ты не веришь мне?! Разве ты не знаешь, что я не умею лгать?

- Я этого не знаю.

- Но как же мне убедить тебя?

- Можешь ли ты проявить свои силы сквозь стенки сосуда?

- Могу, но с помощью этих сил мне не выбраться на волю.

- Вот и прекрасно. Тогда сделай так, чтобы я узнал истину о том, о чем я сейчас думаю.

В тот же миг рыбак узнал, откуда произошло изречение, которое он получил по наследству от деда. Он словно бы перенесся в прошлое и увидел все, что произошло между его дедом и джинном, а также осознал, как передать другим людям способ, которым они могли бы получить от джинна такое же знание. Еще он понял, что ничего больше он получить от джинна не сможет. И тогда он поступил так же, как его дед, - отнес кувшин с джинном к морю и забросил его подальше.

С тех пор рыбак не возвращался больше к своему прежнему ремеслу и всю свою жизнь разъяснял людям опасность попыток пользоваться тем, чем человек пользоваться не умеет. Но так как немногим людям попадаются кувшины с джиннами, его последователи, не зная ни одного мудреца, который мог бы предостеречь их в подобных случаях, извратили то, что они называли его «учением», и без конца повторяли историю своего основателя. Спустя какое-то время память о нем превратилась в религию, и последователи рыбака стали выставлять в богатых храмах, выстроенных специально для этой цели, самые обыкновенные медные сосуды. Глубоко почитая рыбака, они старались во всем ему подражать. Кувшин и сейчас, спустя много столетий, по-прежнему остается для этих людей святым символом и сокровенной

тайной. Они пытаются любить друг друга, потому что любят древнего рыбака. И они собираются по определенным дням, и облачаются в прекрасные одежды, и совершают тщательно разработанный ритуал в месте, где он некогда обосновался и устроил свое скромное жилище. К святому месту толпами стекаются ревностные почитатели. Неизвестные им ученики того же мудреца живы по сей день; живы и истинные последователи рыбака. А на дне моря лежит медный кувшин со спящим джинном.

Примечание Идрис Шаха. Эта история в одном из вариантов хорошо знакома читателям арабских сказок «Тысячи и одной ночи». Здесь она представлена в том виде, в котором ее используют суфии. Интересно отметить, что «Знание, полученное от джинна», говорят, было источником могущества жившего в средние века в Неаполе чародея Вергилия, а также Герберта, который стал Папой римским Сильвестром II в 999 году.

ВРЕМЯ, МЕСТО И ЛЮДИ

Некогда жил-был царь. Однажды он позвал к себе дервиша и сказал ему:

- От начала времен человеческих и по сей день дервишский путь, передаваемый из поколения в поколение непрерывно сменяющими друг друга мастерами, служит вечным источником света, который лежит в основе таких великих ценностей, что даже мое царствование является не более чем слабым их отражением.

- Да, это так, - ответил дервиш.

- А раз так, - продолжал царь, - то если я настолько просвещен, что знаю это, и страстно желаю обучиться всем тем истинам, которые ты в своей мудрости можешь сделать доступными, - учи меня.

- Это просьба или приказ? – спросил дервиш.

- Как тебе будет угодно, - сказал монарх. – Единственное, чего я хочу, - это учиться у тебя; не все ли равно, будешь ли ты учить меня, выполняя просьбу или подчиняясь приказу?

И он стал ждать, что ответит дервиш. Опустив голову на грудь, дервиш погрузился в глубокое раздумье. В этой медитативной позе он пробыл довольно долго и наконец, промолвил:

- Вы должны ждать благоприятного момента для передачи.

После этого дервиш продолжал являться каждое утро ко двору, готовый служить правителю. Шло время. Изо дня в день вершились государственные дела, периоды беззаботного счастья для жителей царства сменялись периодами тяжелых испытаний и неудач, царские советники оценивали события и принимали решения, колесо небес вращалось. Всякий раз, заметив фигуру дервиша в халате из заплат, царь думал: «Каждый день он приходит сюда, но упорно не желает возвращаться к нашему разговору об учении. Правда, он принимает участие во многих делах двора: разговаривает, смеется, ест и, по-видимому, спит. Может быть, он ждет какого-то знака?» Но как государь ни старался, он не мог разгадать этой тайны.

И вот однажды подходящая волна незримого набежала на берег возможности. Среди присутствующих в тронном зале завязалась беседа и кто-то сказал:

- Дауд из Сахиля – величайший на свете певец.

Обычно никогда не проявлявший интереса к подобным заявлениям, царь внезапно загорелся страстным желанием услышать этого певца.

- Приведите его немедленно ко мне, - приказал он.

Придворный церемониймейстер пришел к певцу и объявил ему, что его требует к себе сам государь. Дауд – царь среди певцов – ответил:

- Ваш правитель мало разбирается в том, что необходимо для пения. Если он желает просто посмотреть на меня, я приду. Но если он хочет услышать мое мнение, он должен, как и все люди, ждать, пока у меня не появится настроение петь. Я превзошел других певцов только потому, что знаю, когда следует петь и когда не следует. Зная этот секрет, любой осел может стать великим певцом.

Эти слова были переданы царю. Гнев и вместе с тем желание сейчас же, немедленно, во что бы то ни стало услышать певца, одолели его и он воскликнул:

- Неужели никто из вас не сможет заставить этого певца спеть для меня?! Если он поет только тогда, когда у него появляется настроение петь, то я желаю его слушать, когда у меня есть настроение для этого.

Тут дервиш вышел вперед и сказал:

- О павлин века, пойдем со мной к этому певцу.

Придворные стали многозначительно переглядываться. Некоторые из них тут же решили, что дервиш затевает какую-то хитрую игру и хочет воспользоваться случаем заставить певца петь. Если ему это удастся, думали они, царь, несомненно, наградит его. Но сказать что-либо никто не решался, боясь, что придется принять вызов дервиша. Между тем царь без единого слова поднялся с трона, велел принести себе нищенское рубище и, облачившись в него, последовал за дервишем. Оказавшись у дома певца, они постучались. Из-за двери раздался голос Дауда:

- Я не пою сегодня. Идите своей дорогой и оставьте меня в покое.

Тогда дервиш сел на землю и запел. Он пел любимую песню Дауда и пропел ее всю, от начала до конца. Царь, который не очень-то разбирался в пении, был очарован мелодичным голосом дервиша и пришел в восторг от песни. А дервиш нарочно пел чуть-чуть фальшиво, чтобы мастеру пения непременно захотелось поправить его, но царь этого, конечно, не почувствовал.

- Пожалуйста, прошу тебя, спой еще раз, я никогда не слышал столь прекрасной мелодии.

Но в этот момент запел сам Дауд. С первых же звуков царь и дервиш застыли в изумлении, внемля сладкозвучному пению «Соловья Сахили». Когда Дауд окончил пение, царь послал ему щедрый подарок. Затем он обратился к дервишу:

- О человек мудрости! Я восхищен тем, как ловко ты заставил Соловья спеть для нас, и я хочу назначить тебя советником при дворе.

Но дервиш ответил так:

- Ваше Величество, вы можете услышать песню, которую желаете, только в том случае, если есть певец, если присутствуете вы и присутствует человек, который создает условия, побуждающие певца петь. В этом отношении великие певцы и монархи подобны дервишам и их ученикам. Время, место, люди и метод.

Примечание Идрис Шаха. Самые острые разногласия между суфиями и обычными схоластами вызывает суфийская теория, гласящая, что идеи суфиев могут изучаться только в соответствии с особыми принципами, один из которых: время, место, люди. Многие суфийские истории, подобно этой, иллюстрируют тот факт, что суфии всего лишь претендуют на такое же право создавать свои условия, как

это делают ученые. Настоящее сказание взято из «Поучений» Саида Имама Али-шаха, который умер в 1860 году. Его гробница находится в Гардаспуре, в Индии.

ПРИТЧА О ТРЕХ СТЕПЕНЯХ

Жизнь отдельного индивидуума и жизнь человеческих сообществ в целом представляет собой нечто отличное от того, чем она кажется. В действительности она следует образцу, очевидному для одних и скрытому от других. Более того, развиваясь во времени, она следует даже не одному образцу, а нескольким. Люди, однако, знают обычно лишь какую-нибудь часть одной из моделей, и на этой основе они пытаются воссоздать целое. Они неизменно находят лишь то, что ожидают, а не то, что существует на самом деле.

Рассмотрим для примера три вещи: пшеницу в поле, воду в источнике и соль в шахте. Таково естественное состояние человека. Он представляет собой существо, с одной стороны, цельное и завершенное, с другой – обладающее способностями и возможностью для дальнейшего прогресса. Каждый из трех вышеназванных элементов (пшеница, вода, соль) представляет собой одну из трех субстанций в состоянии потенциальности. Они могут остаться такими, какие есть, или же, при известных обстоятельствах, а если говорить о человеке – то при наличии усилий, могут измениться. Такова первая степень – природное состояние. Вторая степень выступает как стадия, на которой происходит нечто большее. Пшеницу, посредством определенного усилия и знания, собирают и превращают в муку. Воду берут из источника и запасают для дальнейшего употребления. Соль добывают из шахты и очищают. Эта степень отличается от первой активностью: предыдущая стадия содержала в себе только возможность к изменению. Во второй степени имеющееся знание применяется на практике. В третью степень можно вступить только после того, как три составных элемента в соответствующих количествах и в точной пропорции объединятся в определенном месте и в определенное время: соль, вода и мука соединяются и превращаются в тесто. С добавлением в тесто дрожжей в нашу смесь внесен жизненный элемент; тогда для выпечки хлеба используют печь. Этот процесс настолько же зависит от «вдохновения», насколько и от собранного знания. Все вещи ведут себя согласно своей собственной ситуации, а эта ситуация соответствует степени, в которой они в данный момент пребывают. Если цель – испечь хлеб, зачем говорить о производстве соли?

Примечание Идрис Шаха. Эта история, известная от сармунских суфиев, поясняет учение Газали о том, что невежественный человек не может составить себе правильного представления о науке ученых. И точно так же ученый-схоласт не может понять знания просветленных. Кроме того, она подчеркивает дервишское убеждение, что традиционная религия, а также метафизические или философские школы продолжают «толочь воду в ступе» и не могут развиться дальше, потому что для этого необходимо присутствие людей высшего понимания, которые являются большой редкостью.

Аль-Газали:

Покаяние представляет собой значение, составленное следующими тремя по порядку аспектами: знанием, состоянием и действием. Знание – первое, состояние – второе, действие – третье. Первое обусловливает второе, второе обусловливает третье.

Терпение состоит из макамов («стоянок» на Пути) веры, а все макамы веры содержат три части: знания, состояния и действия. Знания – это посылки, они порождают состояния, а состояния порождают действия. Знания – как деревья, состояния – как ветви, а действия – как плоды.

Намерение, воление, стремление суть выражения, имеющие один смысл. Это состояние, качество сердца, находящееся в окружении двух вещей: знания и действия. Знание предшествует ему, так как является его корнем и условием.

ПОЛЕЗНЫЙ И БЕСПОЛЕЗНЫЙ

Однажды один царь сказал своему советнику:

- Правильное мышление опирается на исследование альтернатив. Скажи мне, что лучше: увеличить знание моих подданных или дать им больше еды? И то, и другое будет для них полезным.

Суфий ответил:

- Ваше величество, нет смысла давать знание тем, кто не способен его воспринять, точно так же, как давать пищу тем, кто не может понять ваших побуждений. Поэтому неправильно говорить, что «то и другое будет для них полезным». Если они не смогут переварить пищу, или если они подумают, что вы даете ее им только для того, чтобы подкупить их, или что они могли бы получить больше, - вы не добьетесь своей цели. Если они не смогут понять того, что вы даете им знание, или не смогут узнать, действительно ли это – знание, или нет; или если они даже не поймут, почему вы даете его им, - знание окажется для них бесполезным. Поэтому ответить на ваш вопрос сразу нельзя, его нужно разбирать по частям. Прежде всего примите во внимание такое соображение: «Самый полезный человек – бесполезен, самый никчемный – ценен».

- Я тебя не понимаю, приведи пример, - сказал царь.

Тогда суфий позвал главу афганских дервишей, и тот явился во дворец.

- Если бы ты мог действовать в соответствии со своим разумением, что бы ты хотел, чтобы кто-нибудь сделал в Кабуле? – спросил он руководителя дервишей.

Глава дервишей, знавший внутреннюю связь событий, ответил:

- Здесь, в Кабуле, есть торговец, который мог бы, если бы он знал об этом, осчастливить себя, принести пользу всему государству и послужить Пути; и для этого он должен всего лишь дать фунт вишен одному нуждающемуся человеку.

Весьма взволнованный услышанным – ибо суфии обычно не открывают таких вещей – царь воскликнул:

- Приведите этого торговца, и мы его заставим это сделать.

Но суфий жестами остановил его.

- Нет, - сказал суфий. – Он должен сделать это по доброй воле, и никак иначе.

Итак, переодевшись в обычные одежды, чтобы не смутить торговца и не повлиять на его решение, царь и суфии отправились на базар. Без тюрбана и халата, глава суфиев теперь ничем не выделялся среди других горожан.

- Я возьму на себя роль посредника, - прошептал он своим спутникам, когда они подходили к прилавку с фруктами.

И вот суфий приблизился к торговцу и, поприветствовав его, сказал:

- Я знаю одного бедного человека. Не пожертвуешь ли ты ему фунт вишен?

Торговец громко захохотал:

- Видывал я всяких хитрецов, но впервые встречаю человека, который вымаливает вишни как подаяние.

- Теперь вы понимаете, что я имел в виду? – обратился советник к царю. – Самому полезному человеку только что на наших глазах сделали самое полезное предложение; но оно оказалось совершенно бесполезным для того, кто мог бы воспользоваться этим предложением.

- Но что означает «самый никчемный человек полезен»?

Оба дервиша поклонились ему и попросили следовать за ними. Подойдя к реке Кабул, суфии вдруг схватили царя и бросили его в воду. Царь не умел плавать, поэтому, наглотавшись воды, он стал тонуть. Но тут на помощь ему бросился известный всему городу юродивый по прозвищу Кака Диван – Безумный Дядя, как раз в этот момент случайно оказавшийся рядом. Он подхватил царя и вытащил его на берег. Другие горожане – более сильные и здравомыслящие люди, тоже видели, как царь беспомощно барахтался в воде, но даже не сдвинулись с места. Когда царь пришел в себя, оба дервиша в один голос сказали:

- Самый никчемный человек оказался полезен.

Вот так царь возвратился к своему старому традиционному обычаю: помогать в меру своих возможностей тем, кого он признавал наиболее заслуживающим этой помощи, - шла ли речь об образовании или о чем бы то ни было другом.

Примечание Идрис Шаха. Суфий Абдул-Хамид Хан из Кандагара, который умер в 1962 году, был мастером афганской чеканки и знатоком дервишской древности. Это одна из многих обучающих историй, приписываемых ему. Случай, о котором сообщается здесь, говорят, произошел с умершим в 1933 году последним Надир-Шахом Афганистана. Среди его придворных действительно были суфии. Правда, такие же события и в той же последовательности описаны в старинном сказании, но этот царь, по всей видимости, его не знал.

ПТИЦА И ЯЙЦО

Жила-была птица, которая не умела летать. Подобно бескрылым созданиям, она ходила по земле – хотя и знала, что некоторые птицы летают. Однажды в ее гнездо случайно попало яйцо летающей птицы, и она высидела его вместе со своими яйцами. Вылупившийся птенец стал расти и развиваться, но присущая ему способность летать никак не проявлялась. Иногда он спрашивал свою приемную мать:

- Когда же я полечу?

И птица, привязанная к земле, отвечала:

- Чтобы взлететь, ты должен быть настойчив в своем стремлении, как все птицы.

Она ведь не умела преподать оперившемуся птенцу урок полета; она даже не знала, как вытолкнуть его из гнезда, чтобы он мог убедиться в своих силах. Странно, но птенец не замечал этого; чувство благодарности к приемной матери не позволяло ему осознать свое положение.

«Если бы не она, - рассуждал он сам с собой, - я до сих пор оставался бы в яйце».

А иногда он говорил себе так: «Тот, кому я обязан своим появлением на свет, конечно, научит меня летать. Это только вопрос времени или, возможно, все зависит от моих собственных усилий; а может быть, для этого надо обладать какой-то высшей мудростью – других причин не существует. В один прекрасный день птица, которая привела меня к моему теперешнему состоянию, поднимет меня на следующую ступень».

Примечание Идрис Шаха. Эта сказка в том или ином виде появляется в различных вариантах «Аварифал-Наариф» - произведения Сухраварди[26], написанного в XII веке. Сказка несет в себе много значений. Говорят, что ученик может истолковать ее интуитивно, соответственно тому уровню сознания, которого он достиг. На обычном, поверхностном уровне она, несомненно, представляет собой историю поучительного характера, иллюстрирующую, помимо всего прочего, саму подоплеку современной цивилизации. В связи с этим в ней необходимо выделить две идеи. Первая идея: предположение, что одно обязательно вытекает из другого, может оказаться абсурдным и помешать дальнейшему прогрессу. Вторая: если человек может справиться с какой-нибудь одной задачей, это еще не значит, что он может справиться и с другой тоже.

---

26 *Ас-Сухраварди*, Шихаб ад-дин Йахиа аль-Мактул (ок. 1155-1191) – персидский философ-мистик, создатель учения о «восточном озарении». Родился в г. Сухраварус на северо-западе Ирана. Обучался в г. Мераге у шейха Мадж ад-дина аль-Джили. Его соучеником был знаменитый богослов и философ Фахр ад-дин ар-Рази. Некоторое время ас-Сухраварди жил в Исфахане, где близко познакомился с творческим наследием Ибн Сины и его последователей. Здесь по просьбе друзей он написал на персидском языке свой первый трактат «*Бустан аль-кулуб*». В дальнейшем ас-Сухраварди много странствовал, встречался с видными богословами и суфиями своего времени. В Халебе он стал близким другом айюбидского правителя ал-Малика аз-Захира, сына Салах ад-дина. Эта дружба вызвала зависть местных богословов-законоведов, которые поспешили обвинить ас-Сухраварди в вольнодумстве, прошиитской пропаганде и прочих «заблуждениях». Салах ад-дин приказал сыну казнить любимца. После долгих препирательств с отцом и проволочек аз-Захир вынужден был выполнить приказ: ас-Сухраварди был заколот (или задушен) в халебской цитадели. Согласно другой версии, он отказался принимать пищу и умер голодной смертью.

В учении ас-Сухраварди чувствуется сильное влияние положений зороастризма. Ас-Сухраварди широко применял его символику и ангелологию. Для обозначения световых эманаций различного уровня, игравших в его учении решающую роль, ас-Сухраварди пользовался образами, взятыми из Авесты.

Сам ас-Сухраварди считал себя духовным наследником «хранителем божественного Логоса» (*аль-калима*), к которым он относил в первую очередь «прародителя мудрецов» Гермеса, давшего начало двум ветвям мудрости: «восточной» и «западной». К «восточной» он относил героев Авесты – царей-мудрецов Гайомарта, Феридуна и Кай-Хусру, а также Заратустру. Их продолжателями на почве ислама, по мнению ас-Сухраварди, были суфии – проповедники мистического экстаза: аль-Бистами (ум. в 874 г.), аль-Халладж (ум. в 922 г.), и аль-Хараками (ум. в 1033/4 г.). «Западную», или «греческую», ветвь представляли Асклепий, Эмпедокл, Пифагор, Платон и мусульманские мистики Зу-н-Нун аль-Мисри (ум. в 860/1 г.) и Сахл ат-Тустари (ум. в 896 г.). Ас-Сухраварди претендовал на то, что в его учении соединились как «западная», так и «восточная» мудрость.

Полемизируя с Ибн Синой и другими сторонниками рационального познания, ас-Сухраварди отстаивал преимущества мистической интуиции и божественного откровения. В то же время он отнюдь не отрицал значения философских наук, которые рассматривал как необходимую ступень на пути к достижению «восточного озарения».

В основе творчества ас-Сухраварди лежала убежденность в том, что во все времена в мире пребывала некая высшая мудрость, единая для всех религий и народов, носителями которой были посвященные, коим она дарована свыше.

Перу ас-Сухраварди принадлежат около 20 сочинений на арабском и персидском языках. Основные положения его учения содержатся в трактатах *ат-Талвихат, аль-Мукавамат, аль-Матарих ва-л-мутарахат, Киссат аль-чурба ал-гарбийа* и др. Последователи ас-Сухраварди существуют в богословских кругах Ирана и поныне.

ТРИ СОВЕТА

Человек однажды поймал птичку.

- В неволе я тебе не пригожусь, - сказала ему птичка, - отпусти меня, и я дам тебе три ценных совета.

Первый совет птичка пообещала дать в руке, второй – когда она взлетит на ветку, и третий – на вершине холма. Человек согласился и спросил, каков ее первый совет.

- Если ты чего-то лишился, пусть даже ты ценил это не меньше жизни, не жалей об этом.

Человек отпустил птичку, и она, взлетев на ветку, сказала свой второй совет:

- Никогда не верь тому, что противоречит здравому смыслу и не имеет доказательств.

Затем она полетела на вершину холма и закричала оттуда:

- О несчастный! Я проглотила два огромных бриллианта. Если бы ты убил меня, они были бы твоими.

В отчаянии человек схватился за голову.

- Дай мне хотя бы свой третий совет, - сказал он, придя в себя.

- Какой же ты глупец! – воскликнула птичка. - Ты просишь у меня третьего совета, даже не подумав над первым и вторым. Я сказала тебе, чтобы ты не сожалел о потерянном и не верил бессмыслицам, а ты только что поступил наоборот. Ты поверил нелепости и пожалел о том, чего лишился! Подумай сам, как же во мне, такой маленькой, могут поместиться два огромных бриллианта. Ты глуп, поэтому ты должен оставаться в границах, которые предназначены для обычных людей.

Примечание Идрис Шаха. В дервишских кругах этой сказке придается огромное значение, ибо считается, что она «повышает чувствительность» ума ученика, подготавливая его к переживаниям, которые невозможно вызвать никакими обычными средствами. Ее постоянно используют суфии, и она встречается в классическом произведении Руми «Месневи», а также приводится в «Божественной книге» Аттара. Оба они жили в XIII столетии.

ГОРНАЯ ДОРОГА

Некий интеллектуал, ученый с вышколенным умом, приехал однажды в одно селение. Ему хотелось, в виде упражнения и развлечения, узнать, насколько различными могут быть мнения жителей этой местности об одном и том же предмете. Войдя в караван-сарай, он спросил сидевших там людей, кто в их селении самый правдивый человек и кто самый отпетый лжец. Все единодушно признали самым большим лжецом селянина Казаба, а самым правдивым человеком Растгу. Ученый посетил того и другого, каждому из них задавая один и тот же вопрос:

- Какой дорогой лучше всего добраться до следующей деревни?

Растга Правдивый посоветовал идти горной дорогой. Казаб Лжец указал тоже на горную дорогу. Это, конечно, весьма озадачило исследователя. Тогда он обратился с этим вопросом к другим жителям селения. Одни сказали, что лучше всего добираться по реке. Другие, что через долину. Третьи также советовали идти через горы. Итак, он пошел горной дорогой, но теперь к основной цели его путешествия прибавилась еще одна – во что бы то ни стало узнать, почему совпали ответы самого правдивого и самого лживого. Добравшись до следующего селения, ученый остановился на постоялом дворе и рассказал свою историю, закончив ее такими словами:

- Конечно, основную логическую ошибку я допустил в том, что попросил невежественных людей указать правдивого и лжеца. Я прекрасно добрался сюда горной дорогой.

Один мудрый человек из тех, кто слышал его рассказ, сказал:

- Следует признать, что логически мыслящим людям присуща слепота. Поэтому им приходится обращаться за помощью к другим. Но данный случай объясняется не только этим. Дело вот в чем: самый легкий путь сюда – река, поэтому лжец и посоветовал идти горной дорогой. Правдивый же человек был не только правдив – он заметил, что у вас есть осел, на котором вы сможете легко преодолеть горный хребет. Лжец же оказался невнимательным; поэтому он не подумал о том, что у вас нет лодки – иначе он советовал бы вам добраться по реке.

Примечание Идрис Шаха. Обычно людям кажется невозможным поверить в способности и благословенность суфиев. Но такие люди не имеют никакого представления об истинной вере. Они слепо верят во всевозможные басни – по привычке или потому, что услышали их от авторитетов. «Истинная вера не имеет к этому отношения. Только те могут приобрести подлинную веру, кто пережил нечто. И когда они уже пережили... рассказы о способностях и благословенности лишаются для них всякой ценности». Эти слова, сказанные Саид-шахом из ордена Кадирийа (умер в 1854 году), иногда предпосылаются сказанию «Горная дорога».

ЗМЕЯ И ПАВЛИН

Однажды юноша по имени Ади, прозванный вычислителем, потому что он изучал математику, решил покинуть Бухару и отправиться на поиски великого знания. Его учитель посоветовал ему идти на юг и сказал при этом:

- Узнай значение павлина и змеи.

Над этими словами и размышлял юный Ади в дороге. Путь его лежал в Ирак через Хорасан. Достигнув конца дороги, он в самом деле увидел змею и павлина, которые о чем-то беседовали. Ади приблизился к ним и спросил, о чем они говорят.

- Мы сравниваем наши достоинства, - ответили они.

- Продолжайте, прошу вас, - сказал Ади, - это как раз то, что меня чрезвычайно интересует.

- Я думаю, что я гораздо важнее змеи, - начал павлин. – Я олицетворяю вдохновение, устремленность к небесам, к вечной красоте, другими словами – высшее знание. Мое предназначение – напомнить человеку о его собственных, известных ему качествах.

- Я, - прошипела змея, - олицетворяю собой то же самое. Подобно человеку, я привязана к земле. Этим я напоминаю человеку его самого. Я такая же гибкая, как он, потому что ползаю по земле извиваясь. Человек об этом часто забывает. По преданию я – страж подземных сокровищ.

- Но ты вызываешь отвращение! – воскликнул павлин. – Ты лукава, скрытна, ядовита.

- Ты перечисляешь мои человеческие черты, - ответила змея, - между тем как я хочу указать на мое назначение, которое только что описала. Но взгляни на себя самого. Ты тщеславен, отвратительно толст и у тебя противный голос; ноги твои непомерно велики, а перья слишком длинны.

Тут Ади вмешался в беседу:

- Наблюдая ваш спор, я понял, что ни один из вас не прав полностью. И все же вы можете ясно увидеть, если отбросите ваши личные предубеждения, что вместе вы являетесь поучительным примером для человечества.

И Ади объяснил им, в чем их назначение, а они его молчаливо слушали.

- Человек привязан к земле, как змея, и у него есть возможность подняться ввысь, подобно птице. Но, имея в себе что-то от жадной змеи, он остается эгоистичным даже в этом высоком стремлении и оказывается похожим на надутого гордостью павлина. В павлине мы видим большие возможности человека, которые так и не смогли развиться правильно. Сверкающая чешуя змеи говорит о возможности красоты, в павлине же эта возможность проявляется в бьющей в глаза яркости хвоста.

Только Ади это произнес, как услыхал внутри себя голос, сказавший ему:

- Но и это еще не все. Два существа, которые ты видишь перед собой, наделены жизнью. Жизнь эта в целом определяется их свойствами. Они спорят друг с другом, потому что каждый из них привязан к своему собственному образу жизни, полагая, что самим своим существованием он осуществляет нечто истинное. Однако змея, охраняя сокровища, не может ими воспользоваться. Павлин, поражая красотой, сам напоминает сокровища, но это нисколько не способствует его изменению. Хотя они сами не способны извлечь какую-либо пользу из того, чем они обладают, их пример служит назиданием тем, кто может видеть и слышать.

Примечание Идрис Шаха. Изучаемый востоковедами таинственный культ змеи и павлина в Ираке основан на учении шейха Ади, сына Мусафира, жившего в XII веке. Этот рассказ, сохранившийся в предании, демонстрирует, как дервишские мастера формируют свои «школы» на основе различных символов, которые они выбирают для иллюстрации своих доктрин. На арабском «павлин» означает также «украшение», тогда как «змея» по написанию сходно со словами «организм» и «жизнь». Таким образом, символизм таинственного культа ангела-павлина указывает на традиционную суфийскую доктрину «внутреннего и внешнего». Этот культ по сей день существует на Среднем Востоке и имеет последователей в Британии и США (не связанных с иранскими последователями).

РАЙСКАЯ ВОДА

Бедуин Харис и его жена Нафиса кочевали от стоянки к стоянке, разбивая свою потрепанную палатку в тех местах, где им попадались хотя бы несколько финиковых деревьев, колючий кустарник для их верблюда или родничок солоноватой воды. Так они жили в течение многих лет. Все дни Хариса были похожи один на другой, и редко что-нибудь нарушало их привычное течение; он ловил обитающих в пустыне зверьков ради их шкурок и плел веревки из пальмовых волокон для продажи встречным караванам. Но вот однажды Харис нашел в песках новый источник. Он зачерпнул в ладони немного воды и попробовал ее. Вода настолько отличалась от обычной, которую он привык находить в пустыне, что показалась ему райской. Нам эта вода показалась бы отвратительной и соленой, но бедуин был от нее в восторге.

«Эту воду, - сказал он себе, - я должен отнести тому, кто оценит ее по достоинству».

И Харис тут же поспешил в Багдад ко двору Гарун аль-Рашида, наполнив водой два бурдюка – один для себя, другой для халифа. Днем и ночью он гнал без устали своего верблюда, останавливаясь лишь затем, чтобы подкрепиться сухими финиками. Очутившись в Багдаде, бедуин направился прямо к дворцу повелителя. Стражники у ворот выслушали его и только потому, что так было заведено при дворе халифа, провели его в тронный зал.

- О повелитель правоверных, - обратился Харис к халифу, - я, нищий бедуин, хорошо знаю все источники в пустыне, хотя и мало что смыслю в чем-нибудь другом. Я нашел источник райской воды и подумал, что вода его достойна такого великого мужа, как ты. Не откажись же принять мое подношение.

С этими словами он передал Гаруну аль-Рашиду бурдюк с водой. Гарун Справедливый попробовал воду и, поняв в чем дело – ибо он хорошо знал свой народ, - приказал страже увести Хариса и не отпускать его до тех пор, пока он не вынесет решение. Затем халиф вызвал к себе начальника дворцовой стражи и сказал ему:

- То, что для нас пустяк, для него – все. Выведи этого бедуина под покровом ночи из дворца, чтобы он не увидел могучей реки Тигр, и не отходи от него ни на шаг, пока вы не доберетесь до его стоянки. Он ни в коем случае не должен испробовать сладкой речной воды. Когда вы окажетесь на месте, поблагодари его от моего имени и передай ему в подарок от меня тысячу золотых. Скажи ему, что он назначается хранителем источника райской воды и во имя повелителя правоверных может снабжать этой водой каждого путешественника.

Примечание Идрис Шаха. Это сказание известно также и под другим названием: «Рассказ о двух мирах». Его автором считается Абу аль-Атахийа из племени Аниза, современник Гарун аль-Рашида. Он основал дервишское братство Масихара («Бражники»), название которого увековечено в западных языках словом «маскарад». Последователей аль-Атахийи можно найти в Испании, Франции и других странах. Аль-Атахийю называют «отцом арабской священной поэзии». Он умер в 828 году.

Абу аль-Атахийа:

Наше время – мгновенье. Шатается дом.

Вся вселенная перевернулась вверх дном.

Трепещи и греховные мысли гони.

На земле наступают последние дни.

Небосвод рассыпается. Рушится твердь.

Распадается жизнь. Воцаряется смерть.

Ты высоко вознесся, враждуя с судьбой,

Но судьба твоя тенью стоит за тобой.

Ты душой к невозможному рвешься, спеша,

Но лишь смертные муки познает душа.

51

ВСАДНИК И ЗМЕЯ

Есть поговорка: «жестокость» человека знания лучше «доброты» глупца. Я, Салим Абдали, свидетельствую, что это истинная правда как на высших уровнях существования, так и на низших. Доказательством этого может послужить история о всаднике и змее, оставленная потомству великим мудрецом.

Некий всадник, проезжая однажды по дороге, издали увидел, как маленькая ядовитая змея вползла в раскрытый рот спящего на земле человека. Всадник понял, что если несчастному позволить спать дальше, то яд наверняка убьет его. Подхлестнув своего коня, он в одно мгновение оказался возле спящего и что есть силы стал стегать его кнутом, пока тот не вскочил на ноги с вытаращенными от страха глазами. Не давая ему времени опомниться, всадник погнал его к дереву, под которым валялось множество гнилых яблок, и заставил его их есть, потом ударами кнута пригнал его к реке и приказал пить воду большими глотками. Человек то и дело пытался удрать от мучителя.

- Что я тебе сделал, о враг рода человеческого?! – стонал несчастный, захлебываясь водой. – За что ты издеваешься надо мной?!

Но всадник был неумолим. До самых сумерек он истязал человека, и в конце концов тот, теряя сознание, упал на землю, его стало рвать, и вместе с гнильем и водой он выплюнул змею. Только тогда спасенный понял, какая ему угрожала опасность, и стал просить у своего избавителя прощения.

В таком же положении находимся и мы. Читая этот рассказ, не принимай буквального за аллегорию и не ищи аллегории в том, что должно быть понятно буквально. Тот, кто наделен знанием, несет на себе ответственность. Не имеющий знания живет только своими предположениями.

Спасенный человек сказал всаднику:

- Если бы ты сразу объяснил мне, в чем дело, я принял бы твое лечение с большой охотой.

Всадник ответил:

- Если бы я рассказал тебе все с самого начала, ты бы мне все равно не поверил, или тебя сковал бы страх, или ты убежал бы, или, наконец, снова заснул, ища забвения, и тогда было бы уже слишком поздно.

Сказав это, таинственный всадник пришпорил коня и ускакал прочь.

Примечание Идрис Шаха. Салим Абдали, живший с 1700 по 1765 год, навлек на суфиев со стороны интеллектуалов множество яростных нападок, заявив, что суфийский мастер может знать, какая опасность угрожает человеку, и в случае необходимости применить быстрые и иногда парадоксальные меры для его спасения. Это утверждение привело в дикое бешенство тех, кто не понимал, что он имеет в виду. Историю «Всадник и змея» Абдали заимствовал у Руми. Даже сегодня многим людям придется не по душе идея рассказа. Тем не менее, эту идею в той или иной форме принимают все суфии. В комментарии к рассказу Хайдар Гул сказал только следующее: «существует предел, который человечеству вредно переступать, завеса, скрывающая истину, чтобы не повредить тем, чей ум закрыт».

ИСА И НЕВЕРУЮЩИЕ

Мастер Джалал ад-дин Руми и другие рассказывают, что однажды Иса, сын Марии, шел по пустыне невдалеке от Иерусалима с несколькими людьми, в которых еще сильна была жадность. Они умоляли Ису назвать тайное слово, воскрещающее мертвых.

- Если я сообщу вам эту тайну, - отвечал им Иса, - вы неправильно воспользуетесь ею.

Люди же настаивали на своем.

- Мы подготовлены к такому знанию, - сказали они, - и вполне заслуживаем его. Кроме того, оно укрепит нашу веру.

- Вы сами не знаете, о чем просите, - возразил Иса, но все же открыл им великое Слово.

Немного позже, вновь оказавшись в пустыне, эти люди увидели на земле кучу побелевших от времени костей.

- Давайте попробуем могущество Слова, - сказали они друг другу, и хором произнесли Его.

Только они Его произнесли, как вдруг кости соединились в скелет, который стал обрастать мясом, мясо покрылось шерстью, и вот перед ними предстал дикий хищный зверь. Ожившее чудовище набросилось на них и разорвало их на куски.

Имеющие разум поймут. Люди менее развитые, сумеют развиться, изучая эту историю.

Примечание Идрис Шаха. Иса, о котором здесь идет речь, - это Иисус, сын Марии. Рассказ этот появляется в творчестве Руми и, кроме того, часто повторяется в устных дервишских преданиях об Иисусе. Этих преданий существует великое множество. Традиция относит к своим знаменитым «продолжателям» также одного из первых, кто носил титул «суфий» на Западе – Джабира, сына аль-Хайана, латинского Гебера, считающегося также родоначальником христианской алхимии. Он умер приблизительно в 790 году. Первоначально Джабир был сабием (сабизм – культ небесных светил). Согласно западным авторам, ему принадлежат важные химические открытия.

В ПАРФЮМЕРНОМ РЯДУ

Мусорщик, проходя через парфюмерный ряд, вдруг потерял сознание и упал на мостовую. Изо всех лавок к нему бросились люди и принялись опрыскивать его ароматной водой, чтобы привести в чувство. Но ему от этого становилось еще хуже. К счастью, мимо проходил человек, который раньше тоже был мусорщиком. Он тут же понял, в чем дело, и поднес к носу пострадавшего что-то дурно пахнущее. Мусорщик тут же пришел в себя и радостно воскликнул:

- Вот истинное благовоние!

Ты должен подготовиться к переходу туда, где многие привычные вещи покинут тебя. Если ты сохранишь свою привязанность к знакомым вещам, ты будешь несчастен, подобно этому мусорщику.

Примечание Идрис Шаха. Аль-Газали приводит эту притчу в своей работе «Алхимия счастья» (XI век), желая подчеркнуть суфийское учение о том, что очень немногое из знакомого мира связано с «другим измерением».

Аль-Газали:

Намерения являются основой действий. Для действия необходимо намерение, чтобы оно было благом, намерение же само по себе останется благом, даже если действие не совершится из-за преграды.

Я заметил, что знание бывает двух видов: обретенное посредством учения и данное природой. Знание, обретаемое учением, бесполезно, если нет знания, данного природой, так же, как солнце бесполезно глазу, лишенному света.

ПРИТЧА О ЖАДНЫХ СЫНОВЬЯХ

Жил когда-то трудолюбивый и щедрый крестьянин, у которого были ленивые и жадные сыновья. Перед смертью он собрал своих сыновей и сказал им, что, если они будут копать на таком-то и таком-то поле, они найдут зарытые там сокровища. Только крестьянин умер, его сыновья пошли на поле и стали усердно и внимательно перекапывать его вдоль и поперек, но никаких сокровищ так и не обнаружили. Не найдя в земле ни единой монеты, они решили, что отец, по-видимому, по своей щедрости раздал все золото, но забыл об этом, - и прекратили поиски. Но внезапно их осенило: раз уж земля вскопана, на ней ведь можно что-то посадить. Братья засеяли поле пшеницей и спустя несколько месяцев собрали богатый урожай. Продав пшеницу, они целый год жили в достатке. Однако, когда урожай был собран, у них снова появилась мысль о большом богатстве, которое они могли проглядеть, и братья заново перекопали поле – но с тем же успехом. Так за несколько лет эти люди привыкли к труду и научились различать времена года, о чем прежде не имели никакого представления. Тут-то они и поняли, почему их отец применил к ним такой метод воспитания, и стали честными и зажиточными крестьянами. Вскоре они обнаружили, что обладают достаточным богатством и совсем перестали думать о скрытых сокровищах.

Так же обстоят дела и с изучением науки о человеческой судьбе и смысле жизни: учитель, сталкивающийся с нетерпеливостью, смятением и жадностью учеников, должен побудить их совершать действия, которые, как он знает, помогут им развиться, но истинный смысл и цель этих действий самим ученикам часто остается неизвестной из-за их незрелости.

Примечание Идрис Шаха. Эта история, подчеркивающая, что в человеке могут развиваться какие-то определенные способности, хотя он сам пытается развить совершенно другое, чрезвычайно широко известна. Ее популярность можно объяснить предпосылаемой ей обычно преамбулой: «Те, кто повторяют этот рассказ, приобретут больше, чем могут предположить». История эта публиковалась францисканцем Роджером Бэконом (у которого можно найти ссылки на суфийскую философию; он преподавал в Оксфорде, откуда был удален по приказу Папы) и химиком XVII столетия Беэрхааве. Настоящая версия рассказа приписывается суфию Хасану из Басры[27], жившему около 12 столетий назад.

Аль-Хасан аль-Басри:

Терпение того человека имеет силу, кто принимает свою участь. Тогда терпение его – для Истины, а не для защиты плоти от ада, и праведность его для Истины, а не для того, чтобы попасть в рай, и это знак чистосердечия.

Знания человеку подобают благородные, деяния совершенные, и в этом надобно чистосердечие, а покорность подобает полная, и в этом надобно терпение. Когда первое, второе и третье обретено, не знаю, что после того могут с ним сделать.

Если кто-то позовет меня пить вино, я отнесусь к нему лучше, чем к тому, кто зовет стремиться к мирскому.

Если хочешь увидеть, каким будет этот мир после твоей смерти, посмотри, каким он стал после смерти других.

Знающий разрушает этот мир, чтобы на его развалинах возводить тот мир, а не разрушает тот мир и на развалинах его возводит этот.

---

27 *Аль-Хасан аль-Басри*, Абу Саид ибн Аби-л-Хаган Йасар – крупнейший богослов раннего ислама (642-728). Родился в Медине, с 657 г. жил в Басре, там же и умер. В 663-665 гг. участвовал в военном походе на территории нынешнего Афганистана. Группировавшийся вокруг него теологический кружок был центром интеллектуальной жизни Басры и всего Омейядского государства, а авторитет самого аль-Хасана аль-Басри был столь высок, что к своим учителям его причисляли и традиционалисты, и рационалисты, и суфии. В вопросе свободы воли он утверждал ответственность человека за совершаемые им в посюстороннем мире деяния.

Сохранившиеся высказывания аль-Хасана аль-Басри свидетельствуют не только о его благочестии, но и о рационалистическом подходе к трактовке некоторых *хадисов* и объяснению отдельных деталей мусульманской обрядности, а также о критическом отношении к *факихам*.

СУЩНОСТЬ УЧЕНИЧЕСТВА

Ибрахим аль-Каззаз рассказывал, что в юности он очень хотел присоединиться к обучающему мастеру. Он разыскал мудреца и попросился к нему в ученики.

- Ты еще не готов, - сказал учитель.

Но молодой человек настаивал.

- Что ж, хорошо, - согласился мудрец, - я научу тебя кое-чему. Сейчас я отправляюсь в паломничество в Мекку. Если хочешь, пойдем вместе.

Ученик был в восторге. Итак, они собрались в дорогу. Но перед тем как тронуться в путь, мудрец сказал:

- Отныне мы с тобой спутники, и потому один из нас должен руководить, а другой – повиноваться. Какая роль тебе по душе?

- Руководите мной, - ответил юноша.

- Пусть будет по-твоему, если ты знаешь, как повиноваться.

Путь их лежал через Хиджанскую пустыню. С наступлением темноты они расположились на ночлег. Вдруг полил сильный дождь. Мастер поднялся, достал кусок ткани и, натянув ее в руках, стал им укрывать юношу от дождя.

- Но ведь это входит в мои обязанности, - запротестовал Ибрахим.

- Я приказываю позволить мне укрывать тебя, - прервал его мудрец.

Утром ученик сказал:

- Если вы не возражаете, сегодня я буду руководить.

Мастер согласился.

- Пойду соберу немного хвороста для костра, - сказал молодой человек.

- Ты не должен этого делать. Я сам принесу хворост, - сказал мудрец.

- Я приказываю вам остаться здесь, пока я буду собирать хворост.

Но мудрец возразил:

- Подобные занятия не для тебя, ибо принципы ученичества не согласуются с тем, чтобы подчиненный позволил руководителю обслуживать себя.

Вот так каждый раз мастер демонстрировал молодому человеку, что такое ученичество. Они расстались у ворот Святого Города. Встретившись с мудрецом позднее, юноша пристыженно потупил взор.

- То, что ты узнал тогда, - сказал старец, - открыло тебе до некоторой степени сущность ученичества.

Примечание Идрис Шаха. Ибрахим аль-Каззаз так определяет суфийский путь:

«Позволь тому, что делается для тебя, быть сделанным. Делай для себя то, что ты должен сделать сам».

Эта история в драматизированной форме подчеркивает, что действительные взаимоотношения между учителем и учеником весьма отличаются от того, что думает о них будущий ученик. Каззаз был одним из великих мастеров древности, и это путешествие приводится в книге Худжвири[28] «Раскрытие скрытого за

завесой», которая представляет собой самый ранний из дошедших до нас трактатов по суфизму на персидском языке.

---

28 *Аль-Худжвири*, Абу-л-Хасан Али ибн Усман аль-Газнави аль-Джуллаби (ум. между 1072 м 1076/7 гг.) – автор первого в литературе на персидском языке труда по суфизму, в котором систематически изложены его история и сущность, мировоззрение и практика суфиев. Родом из Худжвира (квартал в г. Газни), из семьи, члены которой были известны благочестием и подвижничеством, суннит, аль-Худжвири стал убежденным сторонником «трезвого» мистического пути школы аль-Джунайда. Среди его учителей – знаток Корана и преданий суфий Абу-л-Фадл Мухаммед ибн Ал-Хасан аль-Хутталали и шейх Абу-л-Аббас Ахмад ибн Мухаммед аш-Шаккани. Значительную часть жизни аль-Худжвири провел в странствиях, объездив мусульманский мир от Ферганы до Хузистана и от Индии до Сирии. Свою жизнь он завершил в Лахоре, где и написал единственное дошедшее до нас (из десяти написанных) сочинение «*Кашор аль-махджуб ли-абрар аль-кулуб*». Дата завершения труда неизвестна, но скорее всего он был написан ал-Худжвири в последние годы жизни как ответ на просьбу некоего Абу Саида к аль-Худжвири изложить «в точности путь суфиев и сущность их подвигов» и объяснить «их вероучения и речения».

Аль-Худжвири поставил перед собой задачу представить систему положений суфизма во всей полноте, методично излагая и анализируя его доктрины. Касаясь того или иного вопроса, он, как правило, приводит суждения более ранних авторов и только в конце высказывает личную точку зрения. Свои доводы он широко иллюстрирует примерами из собственной практики.

«*Кашф аль-махджуб*» оказал громадное влияние на последующую суфийскую персоязычную литературу. Ссылки на него мы находим и у Аттара (*Тазкират аль-аулийа*), и у Джами (*Нафахат аль-унс*), и у других авторов.

ПОСВЯЩЕНИЕ МАЛИКА ДИНАРА

После многолетнего изучения философских доктрин Малик Динар наконец почувствовал, что теперь пора ему отправляться на поиски знания.

«Я иду искать Скрытого Учителя, - сказал он сам себе, - который, как говорят, находится в моем совершенном «я»».

Захватив с собой немного фиников, Малик вышел из дому и отправился в путь. Вскоре он увидел впереди себя дервиша, устало бредущего по пыльной дороге. Ускорив шаг, он поравнялся со стариком, и некоторое время они шли рядом, не говоря друг другу ни слова. Первым нарушил молчание дервиш.

- Кто ты и куда направляешься? – спросил он.

- Меня зовут Динар, - ответил Малик. – Я иду искать Скрытого Учителя.

- А я – эль-Малик эль-Фатих, и я пойду с тобой, - сказал дервиш.

- Можешь ли ты помочь мне разыскать Учителя? – спросил Динар.

- Могу ли я помочь тебе, можешь ли ты помочь мне? – спросил Фатих в нарочито грубой манере дервишей, как они обычно говорят; затем он продолжал: - Скрытый Учитель, говорят, пребывает в самом человеке; находит его человек или нет, зависит от того, как он применяет свой опыт. А это есть нечто такое, что только частично может быть передано другому человеку.

Вскоре они подошли к дереву, которое раскачивалось и скрипело. Дервиш остановился, с минуту помолчал, а затем сказал:

- Дерево говорит: что-то причиняет мне боль, остановитесь и избавьте меня от страданий.

- Я тороплюсь, - сказал Динар, - и вообще, как может дерево говорить?

И они отправились дальше. Когда они отошли от дерева на несколько миль, дервиш сказал:

- Когда мы стояли возле дерева, мне почудился запах меда. Может быть, в его дупле гнездо диких пчел?

- Тогда нам нужно скорее вернуться назад, - воскликнул Динар, - если нам посчастливится найти мед, мы немного оставим себе, а остальное продадим по дороге.

- Пусть будет по-твоему, - ответил дервиш, и они повернули назад.

Но, возвратившись к дереву, Динар и дервиш увидели, что другие путешественники опередили их и достали из дупла очень много меда.

- Какую нужду мы терпели, - сказали эти люди Динару и Фатиху, - а этого меда хватит, чтобы накормить целый город. Мы, бедные странники, можем теперь стать купцами; отныне мы ни в чем не будем нуждаться.

Динар и дервиш продолжили свой путь. Через некоторое время они подошли к огромной муравьиной куче, от которой доносилось приглушенное гудение. Дервиш прижался ухом к земле, вслушиваясь во что-то, затем поднялся и сказал:

- Эти муравьи строят колонию. Своим гудением они молят о помощи. Они говорят на муравьином языке: «Помогите нам. Мы натолкнулись на странную преграду, мешающую нам рыть дальше. Помогите ее убрать». Ну что, поможем им или тебе некогда?

- Брат, нам нет дела до муравьев и их преграды, - сказал Малик. – Лично я должен искать своего Учителя.

- Как знаешь, - ответил дервиш, - но они еще говорят, что все вещи взаимосвязаны, и этот случай может иметь некоторое отношение к нам.

Но Динар не обратил внимания на замечание старика и устремился вперед. Вечером, когда они остановились на ночлег, Динар обнаружил, что потерял свой нож.

- Наверное, я обронил его у муравейника, - сказал он.

На следующее утро путники повернули в обратный путь. Ножа они так и не нашли, но, подойдя к муравейнику, увидели несколько людей в перепачканных одеждах, которые сидели прямо на земле перед грудой золотых монет.

- Это, - объяснили они Динару, - клад. Мы его только что выкопали. Мы шли по дороге, как вдруг нас окликнул какой-то старый, совсем дряхлый дервиш. «Ройте здесь, - сказал он, - и вы найдете то, что для одних преграда, а для других золото».

Динар проклинал себя за нетерпение.

- Если бы мы задержались здесь прошлой ночью, о дервиш, ты и я сделались бы богачами, - сетовал он.

- Этот дервиш, - сказал вдруг один из счастливцев, показывая на Фатиха, - очень похож на того старца, который остановил нас.

- Все дервиши похожи друг на друга, - ответил Фатих, и они с Динаром пошли дальше.

Спустя несколько дней путники подошли к реке. Они уселись на берегу, поджидая перевозчика и любуясь живописной местностью. Вдруг из воды вынырнула огромная рыба и уставилась на них.

- Рыба обращается к нам, - промолвил дервиш. – Она говорит: «Я проглотила камень. Выловите меня и дайте мне целебной травы, тогда я его выплюну и не буду больше мучиться. О, странники, проявите ко мне сострадание!»

Тут к берегу пристала лодка с перевозчиком, и нетерпеливый Динар втолкнул в нее Фатиха. Перебравшись на другой берег, они заплатили лодочнику медную монету и направились на ночлег в чайхану, которую специально для странников построил когда-то на берегу один добрый человек. Утром, неспеша потягивая чай, Динар и дервиш увидели, как в чайхану вошел знакомый им лодочник.

- Вчерашний вечер оказался для меня счастливым, - объявил он с порога. – Странники принесли мне удачу.

Поцеловав руку почтенному дервишу, он попросил его благословения.

- Ты заслужил все это, сын мой, - сказал Фатих.

Лодочник рассказал, что этой ночью он разбогател, и вот как это случилось. С наступлением темноты он, как обычно, хотел закончить работу и отправиться домой, но заметил на другом берегу двух путников и решил задержаться, чтобы перевезти их. Сделал он это не ради денег, ибо увидел, что путники бедно одеты, а ради «бараки»29, милости, которой удостаиваются те, кто помогает странникам. И вот когда он, переправив их через реку, стал привязывать лодку к причалу, из воды выбросилась рыба и, забив хвостом по земле, попыталась ухватить ртом листок с прибрежного куста. Лодочник сорвал листок и положил ей в рот. Рыба тут же выплюнула камень и плюхнулась в воду. Камень оказался огромным сверкающим алмазом неисчислимой стоимости.

- Ты сущий дьявол, - воскликнул пораженный Динар, повернувшись к Фатиху. – Ты заранее знал обо всех трех сокровищах благодаря какому-то внутреннему восприятию, но не сказал об этом мне. Разве настоящее сотрудничество в этом? И прежде я терпел множество неудач, но без тебя я никогда бы не узнал, что скрывается в дереве, муравейнике и рыбе!

Только он произнес это, как вдруг словно бы могучий порыв ворвался в его душу, и Малик Динар осознал, что истина противоположна тому, что он сказал. Фатих, чье имя означает Победоносный Царь, слегка коснулся плеча Динара и улыбнулся.

- Сейчас, брат, - промолвил он, - ты поймешь, что можно учиться через опыт. Я тот, кто послан тебе Скрытым Учителем.

Когда Малик Динар наконец осмелился поднять глаза, он увидел своего учителя, идущего по дороге с небольшой группой путешественников, которые обсуждали трудности предстоящего пути.

Примечание Идрис Шаха. Сегодня имя Малика Динара упоминают среди имен наиболее выдающихся дервишей, его называют Спутником, Образцом, Достигшим. Малик Динар30 – один из ранних классических мастеров. Победоносный Царь в этой истории олицетворяет «высшую функцию ума», называемую Руми «человеческим духом»; эту функцию человек должен воспитывать в себе, чтобы достичь просветления. В настоящем варианте сказание принадлежит эмиру аль-Арифину.

---

29 *Барака* – святость, добродетель как духовная сила; духовная энергия наставника (см. комм. 21).

30 *Малик* (ибн Динар) (VIII в.) – один из первых суфиев Басры, ученик Рабийи.

ГЛУПЕЦ И ВЕРБЛЮД

Глупец однажды увидел верблюда и спросил его:

- *Почему у тебя такое уродливое горбатое тело?*

- Мнение создается из оценки, - ответил верблюд. – Ты трактуешь ошибочно то, что создало меня таким. Сознаешь ли ты это? Не считай мой горб недостатком. Лучше иди-ка отсюда подобру-поздорову. Я создан таким по определенной причине и для определенной цели. Лук должен быть согнутым, тетива – прямой. А ты, дурак! Ослиное восприятие – от ослиной натуры.

Примечание Идрис Шаха. Хаким Санаи31, просветленный мудрец из Газны, много писал о ненадежности субъективных мнений и обусловленных оценок. Одно из его высказываний гласит: «В кривом зеркале твоего ума ангел может показаться тебе дьяволом». Приведенная притча взята из его произведения «Окруженный стеной сад истины», которое написано около 1130 года.

---

31 *Санайи*, Хаким Газневи (1048-1131 или 1141) – ирано-таджикский поэт-гуманист и суфийский шейх. Был обвинен духовенством в ереси и умер во время разбора дела.

ТРИ ДРАГОЦЕННЫХ КОЛЬЦА

Жил некогда мудрый и богатый человек и был у него сын. Однажды он сказал своему сыну:

- Сын мой, вот я даю тебе драгоценное кольцо. Храни его как знак того, что ты мой наследник, и передай своему потомству. Это очень редкое и красивое кольцо, и с его помощью можно открыть дверь в сокровищницу.

Через несколько лет у этого человека родился еще один сын. Когда он немного подрос, мудрец дал ему другое кольцо с таким же напутствием. Так же он поступил и с третьим, последним своим сыном.

Пришло время, и старец умер; его сыновья выросли и стали доказывать друг другу свое превосходство, ибо каждый полагал, что кольцо, которое он получил от отца, несомненно, свидетельствует о его избранности. Ни один из них, однако, не мог объяснить, почему он считает свое кольцо самым ценным.

У братьев появились свои последователи, отстаивающие ценность и красоту одного из трех колец. Но странная вещь, «дверь в сокровищницу» по-прежнему оставалась скрытой для обладателей «ключей» и их

сподвижников. Все они были слишком поглощены проблемой первенства, обсуждением красоты и достоинств своих колец. Лишь немногие пытались найти дверь в сокровищницу старца.

А дело в том, что кольца обладали волшебными свойствами. Хотя они были ключами, ими нельзя было открыть дверь в сокровищницу в буквальном смысле, но достаточно было просто взглянуть на них, позабыв раздоры и не привязываясь ни к одному из их качеств, чтобы это случилось. Те, кто догадывались сделать это, могли указать, где находится сокровищница, и, удерживая в своей памяти контуры кольца, проникнуть в нее. И сами сокровища также обладали чудесными свойствами – они были неисчерпаемыми.

Между тем поклонники колец, каждый на свой лад, повторяют то, что говорил их общий предок, о достоинствах своего кольца. Первая община решила, что она уже нашла сокровища. Вторая община считает историю о сокровищах аллегорией. По мнению третьей общины, дверь в сокровищницу откроется в далеком будущем, о котором они имеют весьма смутные представления.

Примечание Идрис Шаха. Эту сказку, в которой многие видят намек на три религии – иудаизм, христианство и ислам, в несколько измененном варианте можно встретить в «Джеста Романорум» и в «Декамероне» Бокаччо. В настоящем варианте она, как сообщают, была рассказана одним из суфийских мастеров ордена Сухравардийа в ответ на вопрос о достоинствах различных религий. Некоторые комментаторы полагают, что она послужила источником для «Сказки о бочке» Свифта. История также известна из трактата «Тайные науки для властелинов».

ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО БЫЛА НЕОБЪЯСНИМАЯ ЖИЗНЬ

Жил когда-то человек по имени Моджуд. Жил он в небольшом городке, работал мелким служащим, и было похоже на то, что он так и кончит свои дни инспектором мер и весов. Однажды Моджуд прогуливался по парку среди древних развалин неподалеку от своего дома, и вдруг перед ним в сверкающих зеленых одеждах появился Хызр, таинственный путеводитель суфиев.

- Человек с блестящими перспективами, оставь свою работу и жди меня через три дня на берегу реки, - сказал Хызр и исчез.

Чувствуя неизъяснимую тревогу, Моджуд отправился к своему начальнику и попросил освободить его от должности. Весть об этом вмиг облетела жителей городка. В уличных разговорах только и слышно было: «Бедняга Моджуд! Он, наверное, лишился рассудка». Но так как на его место было много претендентов, его вскоре забыли. В условный день Моджуд встретил Хызра и тот сказал ему:

- Разорви на себе одежду и прыгай в воду. Возможно, тебя кто-нибудь спасет.

Моджуд сделал так, как ему было сказано, хотя и чувствовал, что сходит с ума. Он умел плавать и потому не утонул, но его долго несло течением, пока какой-то рыбак не втащил его в свою лодку, приговаривая:

- Чудак! Здесь сильное течение. Зачем ты полез в реку?!

- Я и сам не знаю, - ответил Моджуд.

- Да ты спятил! – воскликнул рыбак. – Ну ладно, вон на берегу мой шалаш, я отвезу тебя туда, а там посмотрим, что с тобой делать.

И рыбак направил лодку к берегу. Узнав, что Моджуд образованный человек, рыбак оставил его у себя. Он кормил Моджуда, а Моджуд учил его читать и писать и помогал ему в работе. Так прошло несколько месяцев. Однажды вечером, когда Моджуд уже улегся спать, перед ним появился Хызр и сказал:

- Вставай немедленно и уходи от этого рыбака. Ты найдешь себе пропитание и в другом месте.

Моджуд тут же поднялся с постели и вышел из лачуги, одетый, как обычно одевались рыбаки. Полночи проплутав в темноте, он выбрался наконец на дорогу и зашагал вперед. На рассвете Моджуд нагнал крестьянина, неторопливо трусившего на осле, и пошел рядом с ним.

- Ты, наверно, ищешь работу? – обратился к нему крестьянин. – Если хочешь, идем со мной. Я иду на базар, и на обратном пути мне понадобится носильщик.

Моджуд нанялся к крестьянину на работу. Он проработал у него около двух лет и за это время приобрел много новых познаний, но все они относились только к сельским работам и ни к чему более. Как-то в полдень Моджуд, увязывая в тюки шерсть, снова увидел перед собой Хызра, который сказал:

- Оставь эту работу, возьми свои сбережения, ступай в город Мосул и открой там торговлю кожей.

Моджуд так и сделал. В Мосуле он стал известен как торговец кожей. Три года он был купцом, и за это время Хызр ни разу не приходил к нему. Скопив немного денег, Моджуд уже стал подумывать о покупке дома, как вдруг однажды перед ним опять предстал Хызр.

- Отдай мне свои деньги, - приказал он, - и отправляйся в далекий Самарканд. Там ты должен стать бакалейщиком.

Итак, Моджуд отправился в путь и спустя некоторое время обосновался в Самарканде. Вскоре в его жизни стали проявляться все признаки просветленного человека. Он излечивал больных, помогал своим компаньонам и во время работы, и в свободное время, и все глубже и глубже проникал в тайны духа. Священники, философы и многие другие посещали его и спрашивали:

- Кто ваш учитель?

- Трудно сказать, - отвечал Моджуд.

- С чего вы начали вашу карьеру? – спрашивали его ученики.

- Я был мелким чиновником.

- И вы оставили эту должность, чтобы посвятить себя аскетизму?

- Нет. Просто оставил.

Они не понимали его. Некоторые хотели описать жизнь этого удивительного бакалейщика и спрашивали Моджуда:

- Какие приключения вы испытали в своей жизни?

- Я бросился в реку, стал рыбаком, затем однажды ночью покинул рыбацкую хижину и некоторое время проработал у крестьянина. Как-то раз, когда я упаковывал шерсть, со мной произошло изменение, и я отправился в Мосул, где открыл торговлю кожей. Там я скопил немного денег, но затем отдал их и отправился в Самарканд. И вот сейчас я бакалейщик.

- Но все эти непонятные события никак не объясняют ваших удивительных способностей и поступков.

- Да, это так, - отвечал Моджуд.

И тогда биографы сочинили о Моджуде захватывающую историю, потому что все святые должны иметь свои жития, а житие должно отвечать интересам публики, а не реальности жизни. Говорить же о Хызре не разрешается никому, а потому созданное ими житие весьма далеко от правды. Вот описание реальной жизни одного из величайших суфиев.

Примечание Идрис Шаха. Шейх Али Фармади (умер в 1076 году) считал это предание важным для иллюстрации суфийского убеждения, что «невидимый мир» во всякое время и в самых различных местах переплетается с обычной реальностью. Необъяснимое, говорил он, фактически обязано своим существованием этому чудесному переплетению. Но люди не признают участия того «мира» в их мире, потому что твердо верят, что знают истинные причины событий. На самом же деле они этого не знают. Только когда они могут удержать в своем уме возможность другого измерения, иногда врывающегося в ход обычных событий, это высшее измерение становится доступным для них. Настоящий вариант сказания взят из рукописи Лала Анвар («Сказание об измененных»). Рукопись датируется XVII веком.

НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ ВРЕМЯ

Жил когда-то в Багдаде богатый купец. Дом его был надежен, он владел большими и малыми поместьями, корабли его с ценными товарами ходили в Индию. Унаследованные от отца богатства он приумножил своими усилиями, приложенными в должном месте в благоприятное время, а также благодаря мудрым советам и руководству Западного Царя, как называли в то время султана Кордовы.

Но вдруг счастье изменило ему. Дома и земли были захвачены жестоким правителем, корабли, застигнутые тайфуном, затонули, на его семью обрушились несчастья. Даже близкие друзья, казалось, перестали понимать купца, несмотря на то что их общим стремлением были совершенные социальные отношения.

И тогда купец решил отправиться в Испанию, чтобы просить помощи у своего прежнего покровителя. Путь его пролегал через западную пустыню. Бедствия подстерегали его в дороге одно за другим. Осел его издох, сам он был схвачен разбойниками и продан в рабство. С большим трудом удалось купцу вырваться на свободу. Обожженное солнцем лицо беглеца напоминало выдубленную кожу. Грубые жители деревень, через которые он проходил, гнали его прочь от своих дверей. И только бродячие дервиши делились с ним скудной пищей и давали тряпье, чтобы прикрыть наготу. Иногда ему удавалось добыть немного свежей воды, но чаще приходилось довольствоваться солоноватой, мало пригодной для питья.

Наконец он достиг дворца Западного Царя. Но и здесь его ждали неудачи. Стража пинками отгоняла от ворот оборванца, придворные не захотели с ним разговаривать. Пришлось бедняге наняться на какую-то грязную работу во дворце. Скопив немного денег, он купил себе приличную одежду, явился к главному церемониймейстеру и попросил допустить его к царю. Когда-то купец был близок к монарху, пользовался его благосклонностью, и об этом счастливом времени у него сохранились самые живые воспоминания. Но так как нищета и унижения наложили свой отпечаток на манеры купца, церемониймейстеру стало ясно, что никак нельзя ввести этого человека в высокое присутствие, пока он не получит нескольких необходимых уроков светского обхождения и не научится владеть собой.

Наконец, уже спустя три года с тех пор, как он покинул Багдад, купец вошел в тронный зал султана Кордовы. Царь сразу его узнал, усадил на почетное место рядом с собой и попросил его рассказать о своей жизни.

- Ваше Величество, - сказал купец, - в последние годы судьба была ко мне крайне жестока. Я лишился имущества, был изгнан из наследственных владений, потерял свои корабли и был окончательно разорен. Три года я пробивался к вам. В течение этого времени я переносил все невзгоды, какие только могут выпасть на долю человека, - умирал от голода и жажды в пустыне, страдал от одиночества, был в плену у разбойников, жил среди людей, языка которых не понимал. Теперь я перед Вами и отдаюсь на волю Вашей царской милости.

Когда купец умолк, царь обернулся к церемониймейстеру:

- Дай ему сто овец и назначь придворным пастухом. Пусть он пасет их вон на том холме, и да сопутствует ему в этом удача.

Купец был слегка разочарован тем, что щедрость монарха оказалась меньшей, чем он надеялся, но, не подав виду, поблагодарил султана в соответствии с этикетом и удалился. Когда он привел стадо на бедное пастбище, которое указал царь, овцы заболели чумой и все до одной полегли. Неудачливый пастух возвратился во дворец.

- Ну, как твои овцы? – спросил царь.

- Как только я привел их на пастбище, все стадо погибло.

Царь подозвал церемониймейстера и сказал:

- Дай этому человеку 50 овец, и пусть он заботится о них, пока не получит следующего распоряжения!

Испытывающий горечь и стыд пастух погнал свое новое стадо на пастбище. Животные начали мирно щипать траву, как вдруг из леса выскочили волки. Испуганное стадо бросилось к крутому обрыву и погибло в пропасти. В великой печали купец пришел к царю и поведал ему еще об одной неудаче.

- Ну что ж, - сказал царь, - теперь возьми двадцать пять овец.

Потеряв всякую надежду, в отчаянии, что все у него идет из рук вон плохо, купец снова привел стадо на пастбище. Вскоре каждая овца принесла по два ягненка, потом еще по два, и стадо его стало увеличиваться. Последний приплод был особенно удачным, ягнята родились крупными, с красивой шерстью и вкусным мясом. Купец понял, что ему выгодно продавать часть своих овец и покупать по низкой цене маленьких и худосочных; он их выкармливал, пока они не становились сильными и здоровыми, как овцы его стада.

Через три года он возвратился ко двору в богатой одежде, чтобы рассказать о своих успехах. Его тут же провели к царю.

- Тебе удалось стать хорошим пастырем? – спросил царь.

- В самом деле, Ваше Величество, каким-то непостижимым образом ко мне вернулась удача. Я смело могу сказать, что теперь мои дела идут благополучно, хотя особой любви к занятию пастуха я все еще не испытываю.

- Отлично, - сказал царь, - а теперь прими от нас в дар королевство Севилью. Пусть все знают: отныне ты – король Севильи.

И с этими словами монарх коснулся его плеча своим жезлом. Не сдержавшись, купец в изумлении воскликнул:

- Но почему вы не сделали меня царем сразу, когда я пришел к вам? Неужели вы испытывали мое терпение, и так уже достаточно испытанное судьбой?

Царь засмеялся:

- Дозволь сказать тебе, что, если бы ты получил трон Севильи в тот день, когда повел на холм сто овец, от этого царства не осталось бы камня на камне.

Примечание Идрис Шаха. Абд аль-Кадир из Джилана родился в 1077 году на южном побережье Каспийского моря. Могущественный орден Кадирийа назван его именем. Считается, что он еще в детстве обладал чудесными силами. Кадир обучался в Багдаде и много работал над тем, чтобы создать общедоступное образование. Шахабад-дин Сухраварди, один из величайших суфийских писателей, автор работы «Дары глубокого знания», был его учеником. Существует множество рассказов об удивительных делах этих двух людей. Среди учеников Абд аль-Кадира помимо мусульман было немало иудеев и христиан. Умер он в 1166 году. Когда он умирал, в его комнате появился таинственный араб, принесший послание, в котором было написано: «Это письмо от любящего к возлюбленному. Каждый человек и каждое животное должны испытать смерть». Гробница Кадира находится в Багдаде. Так как Абд аль-Кадир почитается в народе как святой, множество его житий пользуются по сей день широкой популярностью на Востоке. Эта литература изобилует описанием чудес и весьма необычными идеями. «Хайат-и-Хаэрат» («Жизнь Присутствия»), являющаяся одной из таких книг, начинается так: «У него была неотразимая внешность. Ежедневно только одному ученику разрешалось задать ему вопрос. Один из вопросов был: «Не могли бы вы наделить нас такой силой, чтобы мы усовершенствовали земной мир и улучшили судьбу людей этого мира?» Он нахмурился и сказал: «Я сделаю больше. Я дам эту силу вашим потомкам, так как сейчас такое усовершенствование не может быть достигнуто в достаточно широких масштабах: в настоящее время для этого нет средств. Таким образом, и вы будете вознаграждены, и они получат награду благодаря вашим стремлениям и своим усилиям». Подобное отношение к хронологии изображено и в нашем рассказе «Неблагоприятное время».

61

МАРУФ-БАШМАЧНИК

Жил некогда в городе Каире башмачник Маруф со своей женой Фатимой. Эта ведьма – сущая ведьма! – так издевалась над ним, воздавая ему за добро, что стала казаться бедному башмачнику исчадием ада и воплощением самого упрямства. Однажды, доведенный до крайнего отчаяния ее жестокостью, Маруф убежал в старый разрушенный монастырь за городом и взмолился:

- Господи, пошли мне избавление, помоги мне подальше уйти от нее и обрести желанный покой и надежду.

Он провел в молитве несколько часов, и тут произошло чудо: из стены вышло существо огромного роста и страшной внешности, которое, несомненно, было Абделем, «измененным» - человеком, развившим в себе особые способности, намного превосходящие способности обычных людей.

- Я Абдель Макан, служитель этого места, - проговорило видение. – Чего ты хочешь?

Маруф поведал о своем горе, и тогда Измененный посадил его к себе на плечи, и они полетели по воздуху с невероятной быстротой; очнувшись через несколько часов, Маруф увидел, что уже рассвело. Он находился в прекрасном и богатом городе на самой границе с Китаем. Какой-то горожанин остановил его, бесцельно слоняющегося по улицам, и спросил, кто он и откуда. Маруф начал рассказывать свою историю, и, когда дошел до чудесного перелета по воздуху, толпа зевак, окружавшая его, стала над ним потешаться и бросать в него камнями и палками, обзывая его сумасшедшим и мошенником. Чернь насмехалась и издевалась над несчастным башмачником, как вдруг какой-то купец, проезжавший мимо верхом на коне, крикнул:

- Эй вы, стыдитесь! Чужеземец наш гость, а вы попираете священные законы гостеприимства и мучаете его вместо того, чтобы оказать ему достойный прием.

Толпа расступилась, и купец, подъехав к съежившемуся от страха Маруфу, спешился и стал успокаивать его.

Купца звали Али. Он привел башмачника к себе в дом и рассказал ему, как он сам выбрался из нищеты и стал богатым в этом странном городе Ихтияре. Купцы здесь, похоже, еще более доверчивы, чем остальные жители и готовы любому человеку поверить на слово. Так, бедняку они не станут помогать улучшить свою жизнь, потому что полагают, что бедность предопределена человеку судьбой, но стоит кому-нибудь заявить, что он богат, как все они, нисколько не сомневаясь в его словах, тут же окружают его почетом, одаривают подарками и охотно дают в долг сколько угодно. Узнав об этом, Али обошел нескольких богатейших купцов города, каждому из них объясняя, что он проезжий купец и что его караван еще не прибыл, поэтому он нуждается в деньгах. Собрав таким образом много денег, он пустил их в оборот, занимаясь торговлей на большом базаре, и вскоре не только рассчитался со всеми долгами, но и сделался богачом. Али посоветовал так же поступить и Маруфу.

И вот, разодетый своим новым другом в великолепные одежды, Маруф стал обходить богатых купцов и занимать у них деньги. Но, в отличие от Али, он, будучи от природы человеком необыкновенной щедрости, тут же все деньги раздал нищим. Прошел месяц, его караван все не приходил, но Маруф и не думал заниматься торговлей. Щедрость его увеличивалась с каждым днем, ибо богатые люди, видя, что он расходует все их деньги на милостыню, соперничали друг с другом в благотворительности, и каждый старался дать ему больше других. Они думали, что их деньги все равно возвратятся к ним, когда придет караван этого удивительного богача, и к тому же втайне надеялись разделить с ним небесное благословение, которое неотступно следует за щедростью.

Но прошло еще немного времени, и купцов одолело беспокойство. Страшное сомнение закралось в их души. Посовещавшись, они явились к правителю города и рассказали ему о своих опасениях. Царь тут же послал за Маруфом. Чтобы узнать истину, он захотел сам испытать его. У царя был редкий драгоценный камень, который он решил преподнести Маруфу в подарок и посмотреть, сумеет ли тот оценить его или нет. Если Маруф оценит подарок и тем покажет, что ему привычно иметь дело с сокровищами, тогда царь, будучи весьма жадным человеком, намерен был отдать ему в жены свою дочь. Но если Маруф не оценит камень, то он подлинно мошенник, и тогда царь заключит его в тюрьму.

Итак, Маруф был приведен во дворец. Ему поднесли драгоценный камень, и царь промолвил:

- Прими от нас это в дар, добрый Маруф, и скажи, почему ты не возвращаешь купцам их деньги?

- Потому что мой караван еще не прибыл, Ваше Величество, - ответил Маруф, - а этот драгоценный камень лучше оставьте себе. Он ничего не стоит в сравнении с теми бесценными сокровищами, которые везет мой караван.

При этих словах алчные надежды похитили ум царя, и он отпустил Маруфа. Купцам царь велел передать, чтобы они успокоились и терпеливо ожидали прибытия каравана. То, что царь услыхал от Маруфа, не давало ему покоя, и он окончательно решил отдать ему в жены свою дочь. Правда, главный визирь, как мог, отговаривал своего повелителя, доказывая ему, что Маруф явный лжец, но царь, вспомнив, что визирь уже несколько лет сам домогается руки царевны, увидел во всех его предостережениях только проявление ревности и потому не обращал на них никакого внимания. Маруф, когда ему сообщили, что царь желает сделать его своим зятем, сказал визирю:

- Передай Его Величеству, что до тех пор, пока не придет мой караван с бесценными сокровищами, я не смогу достойным образом устроить жизнь царевны и поэтому прошу его позволения отложить свадьбу.

Монарх был в восторге от такого ответа, несомненно свидетельствующего о скромности и честности Маруфа. Он тут же раскрыл перед ним свою сокровищницу и предложил взять из нее все, что ему понадобится для того, чтобы достойно одарить царевну и вести с нею жизнь, подобающую царскому зятю.

В самом скором времени Маруф с царевной отпраздновали свадьбу, богаче которой не видел свет. Жемчуга и золото пригоршнями рассыпались среди присутствующих; даже те, кто не попал на пир, но только слышал о нем, получили щедрые подарки. Это чудесное празднество длилось сорок дней и ночей, и его великолепие и пышность не поддаются описанию. Когда Маруф наконец остался наедине со своей женой, он сказал ей:

- Я уже так много взял у твоего отца, что меня мучает стыд.

Ибо ему было совестно, и он хотел как-то оправдаться. Но она ему ответила:

- Не беспокойся и не обременяй своего сердца; когда прибудет твой караван, все уладится.

Между тем визирь продолжал предостерегать царя и высказывать ему свои подозрения о Маруфе, так что, поддавшись наконец его уговорам, правитель попросил свою дочь вызвать как-нибудь Маруфа на откровенность и выведать всю правду о нем. И вот однажды ночью, лежа с Маруфом в постели, царевна ласками склонила его сердце к себе и попросила его открыть ей тайную причину столь долгого отсутствия каравана. Маруф как раз в этот день уверял своего друга Али, что он на самом деле владелец каравана бесценных сокровищ, но ей он решил сознаться.

- Нет у меня никакого каравана, - сказал он, - но хотя визирь прав, у него нет иных побуждений, кроме зависти. Твой отец тоже только из-за своей алчности сделал меня своим зятем. Но почему ты дала свое согласие на брак?

- Ты мой муж, и я никогда не опозорю тебя, - ответила царевна. – Возьми 50 тысяч золотых и поскорее уходи из нашей страны. Как только ты окажешься в безопасности, дай мне знать, и я тут же последую за тобой. А теперь не медля поспеши в путь и ни о чем не беспокойся, я сама все улажу.

Одевшись в одежду слуги, Маруф под покровом ночи вывел из конюшни своего коня и отправился в путь. А царевна Думия, когда царь и визирь на следующее утро позвали ее к себе, сказала им так:

- Любимый батюшка и ты, драгоценный визирь, едва только я приступила с вопросами к своему мужу, как вдруг произошло весьма странное событие...

- Какое событие?! – воскликнули разом царь и визирь.

- Десять мамлюков в великолепнейших одеждах подошли к окнам нашего дворца и, вызвав Маруфа, передали ему послание от начальника его каравана. В этом послании начальник сообщил, что многочисленная банда атаковала караван и 50 стражников из пяти сотен погибли в этой схватке, бедуинам же удалось отбить двести верблюдов с ценными товарами.

- И что ответил Маруф?

- Он только сказал, что 200 вьюков и 50 жизней для него сущий пустяк. И с этими словами он вскочил на коня и поскакал с мамлюками навстречу каравану, чтобы поскорее привести его сюда.

Таким образом царевна думала выиграть время. Маруф, между тем, несся что есть мочи на своем скакуне куда глаза глядят. Спустя какое-то время он увидел в стороне от дороги крестьянина, который перепахивал свой клочок земли. Маруф осадил коня и приветствовал его. Крестьянин ответил на приветствие и по доброте душевной тут же сказал:

- О великий слуга царского величества, будь сегодня моим гостем. Я сейчас принесу немного еды, раздели ее со мной.

С этими словами он поспешно удалился, а Маруф, весьма тронутый его добротой, решил продолжить работу крестьянина, пока он не вернется, в благодарность за его гостеприимство. Не успел он провести и одной борозды, как плуг наткнулся на камень. Маруф оттащил его в сторону и увидел ступени, ведущие в подземелье. Спустившись по ним вниз, он, к своему изумлению, очутился в огромном зале, полном

сокровищ. Случайно его взгляд упал на прозрачную хрустальную шкатулку, в которой лежало кольцо. Он достал кольцо и потер: в тот же миг перед ним возникло странное существо, громовым голосом воскливнувшее:

- Я здесь, мой господин!

Дух, явившийся на зов кольца, звался Отцом Счастья. Он был одним из могущественных повелителей джиннов. А сокровища принадлежали древнему царю Шаддаду, сыну Айда. И вот теперь Отец Счастья стал слугой Маруфа. По приказу Маруфа все сокровища были подняты наверх и погружены на верблюдов и мулов, сотворенных волшебным могуществом джинна. Таким же чудесным образом были сотворены, но только уже другими джиннами, которые служили Отцу Счастья, дорогие ткани всех сортов, и караван был готов пуститься в путь.

К этому времени вернулся крестьянин, принесший ячменную похлебку с бобами. Увидев Маруфа среди такого богатства, он вообразил, что перед ним сам царь, и повалился ему в ноги. Маруф щедро одарил его золотом и пообещал еще большую награду в будущем. Итак, караван двинулся в путь. Джинны, принявшие обличье стражников, рабов и животных, были посланы вперед. А Маруф, желая почтить гостеприимство крестьянина, поел его бобов с ячменной похлебкой и поскакал вслед за караваном. Когда процессия достигла царского дворца, царь несказанно обрадовался и стал упрекать визиря за то, что тот смел подозревать Маруфа в обмане. Царевна же, услыхав о прибытии каравана с несметными сокровищами, не знала теперь, что и думать. В конце концов она решила, что Маруф испытывал ее верность. Али, друг Маруфа, полагал, что все это устроила царевна, чтобы спасти жизнь и честь своего супруга. Все купцы, дававшие Маруфу деньги в долг и удивлявшиеся его щедрости, были еще больше изумлены обилию золота, драгоценных камней и других подарков, которыми он стал осыпать бедных и нуждающихся. Только визирь никак не мог успокоиться.

- Ни один купец никогда еще не бросал так своих денег на ветер, - твердил он царю.

И визирь решил во что бы то ни стало разузнать правду. Однажды он пригласил Маруфа в сад и, услаждая его слух музыкой, стал угощать тонкими винами, то и дело подливая ему, пока тот совершенно не опьянел. Поддавшись винным парам, Маруф рассказал визирю всю свою историю, ничего не утаив. Визирь без труда снял с его пальца волшебное кольцо и, вызвав джинна, приказал ему отнести Маруфа в отдаленную пустыню и бросить его там. Джинн с готовностью схватил башмачника, ругая его за то, что он выболтал столь драгоценную тайну, и отнес его в Хидраутскую пустыню. Затем визирь приказал забросить туда же и царя, своего господина; сам же он теперь стал правителем и даже пытался обесчестить царевну. Но царевна, когда он посетил ее, хитростью овладела кольцом и потерла его. Тут же перед ней появился джинн, готовый выполнять ее приказания. Она велела заковать визиря в цепи и доставить обратно во дворец Маруфа и ее отца. Как только это было выполнено джинном, вероломного визиря предали казни, и Маруф стал первым визирем.

Теперь они зажили в счастье и согласии. После смерти царя Маруф унаследовал его трон. К этому времени царевна родила ему сына. Кольцо теперь хранилось у нее. Но вскоре она тяжело заболела и, умирая, передала Маруфу кольцо, наказав ему бережно хранить его и заботиться об их сыне. Прошло немного времени, и вот однажды, когда царь Маруф спал в своей опочивальне, он почувствовал сквозь сон, как кто-то тянет его за руку. Проснувшись и открыв глаза, Маруф увидел перед собой безобразную женщину, в которой узнал свою первую жену Фатиму. Фатима рассказала ему свою историю: после его исчезновения она стала нищей и вынуждена была тяжелым трудом зарабатывать себе на жизнь. Фатима терпела бесконечные унижения и страдания. Однажды ночью она лежала в своей постели и плакала от отчаяния, не смыкая глаз, как вдруг к ней явился джинн, который рассказал ей обо всем, что произошло с ее мужем Маруфом после того, как он убежал от нее. Фатима стала просить джинна доставить ее в Ихтияр к Маруфу, и тогда, подхватив ее, он взвился в воздух и с изумительной быстротой перенес ее прямо к постели Маруфа. Теперь Фатима горько раскаивалась в своем прежнем поведении и умоляла Маруфа снова взять ее в жены. Он согласился, но предупредил ее, что теперь он царь и обладатель волшебного кольца, которому служит великий джинн, Отец Счастья. Она смиренно поблагодарила его.

Итак, Фатима стала королевой и поселилась во дворце Маруфа, но она невзлюбила маленького царевича, сына Маруфа. Маруф имел обыкновение на ночь снимать с пальца кольцо. Фатима же, узнав об этом, однажды ночью прокралась в его спальню, выкрала кольцо и только собралась его потереть, чтобы вызвать джинна, как маленький царевич, наблюдавший за ней, выхватил свой короткий меч и поразил ведьму насмерть. Так коварная Фатима нашла свою смерть на пороге величайшего могущества. А Маруф разыскал того доброго пахаря, который невольно помог его спасению, и сделал его своим первым визирем. Затем он женился на его дочери и ничто более не омрачало их счастья и покоя.

Примечание Идрис Шаха. Эта сказка, подобно другим дервишским сказаниям, входит в сборник «Тысяча и одной ночи». Она весьма отличается от большинства суфийских аллегорий, и ее невозможно найти в поэтической форме. Опять-таки – и в этом состоит еще одно ее отличие от большинства суфийских литературных произведений, за исключением цикла о мулле Насреддине, - она иногда разыгрывается в чайханах как драма. Сказка не несет в себе морали, привычной для людей Запада, но подчеркивает особые причинно-следственные отношения, являющиеся характерными для суфийских сказаний.

ТОРГОВЛЯ МУДРОСТЬЮ

Человек по имени Сейфульмулюк половину своей жизни провел в поисках истины. Он прочитал все, какие только мог найти, книги древних мудрецов, побывал в известных и неизвестных странах, повсюду встречаясь с духовными учителями и беседуя с ними о достижении истины. Дни он проводил в работе, а ночи – в размышлениях о великих тайнах. Однажды Сейфульмулюк услыхал еще об одном учителе, великом поэте Ансари из города Герата, и отправился к нему. Подойдя к дому мудреца, он, немало удивившись, прочел на двери надпись: «Здесь продается знание».

«Это, должно быть, ошибка или, возможно, намеренная нелепость, рассчитанная на то, чтобы отпугнуть праздных искателей. Я никогда не слышал, чтобы знание можно было продать или купить», - подумал Сейфульмулюк и вошел в дом.

Во внутреннем дворике он увидел самого Ансари, согбенного старика, занятого записыванием поэмы.

- Ты пришел, чтобы купить знание? – спросил мудрец, прерывая работу. Сейфульмулюк кивнул.

Тогда Ансари спросил, сколько у него с собой денег, и странник вытащил все, что у него было, - около ста серебряных монет.

- За эти деньги ты можешь получить три совета, - сказал старец.

- Так вы в самом деле продаете знание? Но зачем вам деньги, если вы смиренный и посвятивший себя знанию человек?

- Мы живем в земном мире, и нам приходится считаться с его материальными условиями. Мое знание возлагает на меня новые великие обязанности. То, что я обладаю особым знанием, которого не имеют другие люди, обязывает меня тратить деньги, помимо других ценностей, для того, чтобы быть полезным там, где нет необходимости в добром слове или проявлении бараки. –И, взяв серебро, старец продолжал: - Слушай внимательно. Первый совет таков: «Небольшое облачко предупреждает об опасности».

- Но разве это знание?! – воскликнул Сейфульмулюк. – Ваш совет ничего не говорит мне о природе конечной истины или о месте человека в мире.

- Если ты собираешься перебивать меня, то забирай свои деньги и уходи. Что пользы знать о месте человека в мире, если этот человек мертв?

Сейфульмулюк замолчал и приготовился выслушать следующий совет.

- Если ты встретишь птицу, кота и собаку в одном месте, - сказал мудрец, - стань их хозяином и смотри за ними до конца.

«Весьма странный совет; может быть, в нем скрыт какой-то метафизический смысл, который откроется мне, если я буду достаточно долго над ним размышлять», - подумал Сейфульмулюк, но вслух не выразил своих мыслей.

- Третий совет гласит: «Когда ты встретишься с чем-то, не имеющим, казалось бы, к тебе никакого отношения, останься верным предыдущему совету, - тогда и только тогда дверь перед тобой раскроется. Войди в эту дверь».

Сейфульмулюк хотел остаться у этого загадочного мудреца и стать его учеником, но Ансари довольно грубо выпроводил его. Итак, он снова отправился в путь и пошел в Кашмир, где некоторое время обучался у одного учителя. Из Кашмира Сейфульмулюк отправился в Среднюю Азию. Войдя в Бухару, он попал на городской базар в самый разгар торговли. Какой-то человек, только что купивший кота, птицу и собаку, направлялся с ними к выходу.

«Если бы я раньше покинул Кашмир, - подумал Сейфульмулюк, - я мог бы купить этих животных. Моя судьба связана, несомненно, с ними». Но затем его одолели сомнения, так как, хотя он и увидел птицу, кота и собаку, ему ведь еще не встретилось маленькое облачко. Все, казалось, было не так, как надо. Однако от полного замешательства его спасло изречение одного древнего мудреца, которое он обнаружил как-то в своих дневниках, - и как только он забыл о нем?! – «События следуют одно за другим. Люди полагают, что события всегда должны происходить в одной последовательности, но нередко бывает так, что они происходят в совершенно иной последовательности». Тут он подумал, что, хотя животные были куплены на базаре, Ансари ведь не говорил ему обязательно купить их здесь. При этом, увидев нужных ему животных, Сейфульмулюк даже не подумал о том, что совет слово в слово гласил: «Если встретишь птицу, кота и собаку в одном месте, стань их хозяином и следи за ними до конца». Только и всего.

Итак, он отправился на поиски того человека, который купил животных, и после многих расспросов наконец разыскал его. Кот, птица и собака все еще были «в одном месте». Ашикик Худа, как звали их хозяина, рассказал Сейфульмулюку, что купил животных, потому что хотел избавить их от мучений, ибо они уже много недель томились в клетке на базаре в ожидании покупателя. Узнав, что Сейфульмулюк хотел купить птицу, кота и собаку, Ашикик Худа с легким сердцем согласился продать их ему.

Странствовать вместе с ними Сейфульмулюк уже не мог и потому осел в Бухаре, нанявшись работать в шерстопрядильную мастерскую. Возвращаясь вечером с работы, Сейфульмулюк приносил для кота, птицы и собаки пищу, которую покупал на свой дневной заработок.

Так прошло три года. Он уже стал мастером-прядильщиком, пользовался всеобщим уважением, но по-прежнему жил со своими питомцами. Однажды, гуляя за городом, Сейфульмулюк заметил на горизонте маленькое облачко. Оно выглядело так необычно, что в его уме внезапно пронеслись слова первого совета: «Небольшое облачко предупреждает об опасности». Он тут же прибежал домой, взял своих животных и, ни секунды не медля, направился на запад.

Он пришел в Исфаган без гроша в кармане, а спустя несколько дней узнал, что то странное облачко было пылью, которую подняла приближавшаяся к городу орда завоевателей. Захватчики ворвались в Бухару и истребили всех ее жителей. Тогда-то Сейфульмулюк вспомнил слова Ансари: «Что пользы знать о месте человека в мире, если этот человек мертв?»

Жители Исфагана не любили чужестранцев, презирали прядильщиков и питали отвращение к животным. Будучи изгнанным отовсюду, Сейфульмулюк был доведен до крайней нужды. Однажды, бросившись на

землю в полном отчаянии, он взмолился: «Охранители традиции, о святые, изменные! Помогите мне, потому что моих сил уже недостаточно, чтобы добыть пропитание, и мои животные страдают от голода и жажды».

И вот когда он так лежал, изнуренный голодом, решив полностью покориться судьбе, в каком-то странном состоянии между сном и бодрствованием, его посетило видение, такое ясное и отчетливое, словно это происходило с ним наяву. Ему казалось, что он стоит у ручья под деревом, рядом с валуном странной формы и смотрит на золотое кольцо с драгоценным камнем, который переливается зелеными огнями, яркими, как само солнце. Вдруг он услышал голос:

- Это кольцо – венец веков, сапфир истины, кольцо самого царя Соломона, сына Давида, да будет над ним мир и да сохранятся его тайны.

Затем кольцо закатилось в расщелину под камнем, и Сейфульмулюк очнулся.

Было уже утро. Отдохнув за ночь и уже не так остро ощущая голод, он поднялся и пошел бродить по окрестностям Исфагана. Полный каких-то смутных предчувствий, находясь все еще под властью своего ночного переживания, он вдруг обнаружил себя в том самом месте, которое пригрезилось ему ночью: он стоял под деревом у ручья, а рядом возвышался тот самый валун. Под ним оказалась щель, и, когда Сейфульмулюк пошарил в ней палкой, из-под камня выкатилось уже знакомое ему кольцо. Отмывая кольцо в ручье от грязи, Сейфульмулюк воскликнул:

- Если это кольцо великого Соломона, да будет на нем благословение, даруй мне, о дух кольца, избавление от моих мучений.

В то же мгновение земля под его ногами дрогнула, и голос, подобный урагану, прогремел в воздухе:

- Через века, добрый Сейфульмулюк, мы приветствуем тебя. Ты стал наследником могущества Соломона, сына Давида, мир да будет над ним, повелителя джиннов и людей. Я слуга этого кольца. Приказывай, мастер Сейфульмулюк, мой господин.

- Доставь сюда моих животных и пищу для них, - тут же приказал Сейфульмулюк, не забыв добавить: - во имя Великого Аллаха и во имя Соломона, нашего мастера, повелителя джиннов и людей, да прославится он!

Только он это произнес, кот, птица и собака оказались рядом, а перед ними лежала их любимая пища. Сейфульмулюк потер кольцо.

- Приказывай, о обладатель кольца, - громовым раскатистым голосом отозвался дух, - и любое твое желание будет исполнено, если только оно должно быть исполнено.

- Во имя Соломона, мир да будет над ним, скажи мне, это и есть конец? Ибо я должен заботиться об этих моих товарищах до конца, так велел мой мастер ходжа Ансари из Герата.

- Нет, - ответил дух, - это еще не конец.

Сейфульмулюк решил обосноваться в этом месте. Джинн выстроил для него домик с сараем для животных и каждый день приносил им пищу и все необходимое для жизни. Жители окрестностей, видя, что Саид Баба, отец Саид, как они его называли, никогда не покидает своего жилища, поражались святости человека, «который обходится без пищи и живет с прирученными животными». Когда Саид Баба не был занят изучением своих путевых записей и размышлениями о своей жизни, он наблюдал за котом, собакой и птицей, изучая их повадки. Они вели себя по-разному, соответственно своей природе. Хорошие качества он поощрял в них, дурные порицал и часто рассказывал им о великом ходже Ансари и трех советах. Время от времени его навещали святые странники, проходившие мимо. Многие из них пытались вступить с ним в беседу о духовном или сообщить ему о своих собственных индивидуальных путях. Но Саид Баба отказывался их слушать и всегда в таких случаях говорил:

- Мне необходимо выполнять свое задание, которое дал мне учитель.

Каково же было его изумление, когда однажды кот заговорил с ним на понятном ему языке.

- Мастер, - сказал кот, - у тебя есть задание, и ты должен его выполнять. Но неужели тебя не удивляет, что время, которое ты называешь «концом», все не приходит?

- В действительности я не удивляюсь этому, - сказал Саид Баба, - ведь я понимаю, что на выполнение этого задания может уйти добрая сотня лет.

- Вот здесь ты и ошибаешься, - заговорила вдруг птица, - потому что не учишься тому, чему ты мог бы учиться у путников, проходящих по этой дороге. Ты еще не осознал, что, хотя эти люди внешне отличаются друг от друга, точно так же, как и мы, животные, кажемся тебе разными, все они приходят к тебе из одного источника учения: сам ходжа Ансари посылает их, чтобы проверить, развил ли ты в себе достаточную проницательность, чтобы последовать за ними.

- Если это так, - сказал Саид Баба, - чему я нисколько не верю, объясните мне, как это может быть, чтобы обыкновенный кот и маленький воробей увидели то, чего не увидел я, обладатель чудесных даров?

- Все очень просто, - ответили они хором, - ты настолько привык смотреть на вещи только с одной стороны, что твои недостатки очевидны даже самому обычному уму.

Эти слова взволновали Саид Бабу.

- Но тогда, - сказал он, - выходит, что я давным-давно уже мог бы найти дверь, о которой говорится в третьем совете, если бы соответствующим образом был настроен?

- Конечно, - вступила в разговор собака. – Дверь уже много раз открывалась за эти годы, но ты не видел. А мы видели, но не могли тебе об этом сказать, потому что мы животные.

- Почему же вы говорите об этом теперь?

- Теперь ты стал понимать нашу речь, потому что с некоторого времени стал более человечным. Теперь у тебя остался только один шанс, так как ты уже в преклонном возрасте.

«Мне все это мерещится», - подумал Саид Баба. Затем стал рассуждать так: «Они не имеют права поучать меня, ибо я их хозяин, я их кормлю...» Но другое его «я» промолвило: «Если они говорят неправду, это не имеет большого значения. Но если они правы, я рискую потерять все. Нельзя упускать спасительный шанс».

И вот Саид Баба стал поджидать благоприятного случая. Прошло несколько месяцев. Однажды перед его домом разбил палатку какой-то странствующий дервиш. Он подружился с животными Саид Бабы, и Саид Баба решил поделиться с ним своими сомнениями.

- Оставь меня, - грубо обовал его дервиш, - я не желаю выслушивать твою болтовню о мастере Ансари, каких-то облаках и исканиях; что мне до твоей ответственности за животных и даже до твоего волшебного кольца? Я знаю то, о чем тебе следовало бы говорить, а то, что ты сейчас говоришь, меня совершенно не интересует.

В глубоком отчаянии Саид Баба вызвал духа кольца.

- Я не могу сказать тебе того, чего не должен говорить, - ответил ему дух кольца, - но я знаю, что все твои страдания от недуга, который называется «постоянное скрытое предубеждение». Этой болезнью поражено твое мышление, и из-за нее ты не можешь продвинуться на Пути.

Саид снова подошел к дервишу, сидевшему перед входом своей палатки, и обратился к нему:

- Скажи, что мне делать? Я чувствую себя ответственным за судьбу этих животных, но совсем запутался; кроме того, я больше не получаю никакого руководства от трех советов.

- Вот сейчас ты говоришь искренне, и это начало. Доверь мне своих животных и я тебе отвечу.

- Ты просишь слишком многого – я ведь тебя совсем не знаю. Как ты можешь мне такое предлагать? Правда, я испытываю к тебе уважение, но у меня есть и много сомнений.

- Твои слова выдают тебя, - ответил дервиш. – Дело не в том, что ты заботишься о животных, а в том, что ты неверно воспринимаешь меня. Ни чувства, ни логика не помогут тебе правильно понять меня и воспользоваться моей помощью. В тебе все еще живет жадность; ты относишься к животным, как к своей собственности. А теперь ступай и знай, что мое имя Дарваза.

«Дарваза» означает «дверь». И Саид Баба задумался, не является ли дервиш той самой дверью, о которой говорил тогда шейх Ансари.

- Возможно, ты дверь, которую я ищу, но я не уверен в этом.

- Убирайся со своими сомнениями! – закричал дервиш. – И как ты не понимаешь, что первые два совета были даны для твоего ума, но последний совет может быть понят только тогда, когда ты воспримешь его внутренне?

Почти два года промучился в сомнениях и страхах Саид Баба, и вот однажды внезапно он осознал истину. Тогда он позвал собаку, кота и птицу и сказал им:

- Я отпускаю вас. Отныне вы принадлежите самим себе. Это конец.

Сказав это, он постиг, что они – люди, и что животными они были только под действием чар. Рядом оказался дервиш Дарваза, в котором Саид Баба узнал самого ходжу Ансари. Мудрец без единого слова отворил дверь в дереве, что у ручья, и Сейфульмулюк вошел в чудесную пещеру, на стенах которой золотыми буквами были начертаны ответы на вопросы о жизни и смерти, о человечестве и человеколюбии, о знании и невежестве – обо всем, что волновало его всю жизнь.

- Все эти годы тебя тянула назад привязанность к внешнему, - прозвучал голос Ансари. – И это одна из причин того, что ты пришел слишком поздно. Возьми же здесь ту часть мудрости, которая все еще открыта для тебя.

Примечание Идрис Шаха. Эта история иллюстрирует, помимо всего прочего, любимую суфиями идею о том, что истина «пытается проявить себя» в человеческом обществе, но она для каждого человека появляется снова и снова в таких одеждах, в которых ее труднее всего опознать, причем эти ее проявления, на первый взгляд, кажутся не имеющими друг к другу никакого отношения. Только развитие «особого восприятия» дает человеку возможность проникнуть в этот невидимый процесс.

Аль-Ансари:

Молчаливость сделай своей привычкой. Пустословие считай началом всех бедствий.

Храни вверенное тебе.

Будь благодарен, но благодарности не требуй.

Не становись рабом людей.

Знай, что любовь к Богу – в непритеснении других. Знай, что счастье этой жизни и жизни будущей – в общении с мудрыми.

На словах никого не стыди, слов, вызывающих смех, остерегайся.

С людьми бесстыдными и наглыми не видайся, ибо это повлечет унижение и кару и в этой, и в будущей жизни.

Пока не утихнет гнев, не говори. Будь почтителен ко всем, дабы и к тебе были почтительны.

Много пищи не ешь, ибо это чернит сердце и удерживает от служения Богу.

Считай, что внутренние твои свойства лучше, чем внешние, ибо внешние доступны созерцанию людей, а внутренние – только созерцанию Истины.

Не делай такого дела, которое заставит тебя устыдиться и смутиться перед взором Истины, великой и преславной.

Желаний души не исполняй, во всяком деле, которое представится, проси помощи у Истины.

Пока не спросят – не говори, пока не позовут – не ходи.

Возвышения добивайся путем терпения.

Не будь привержен этому миру.

Неукоснительно приобретай познания, к покорности будь алчен.

ЦАРЬ И БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

Человек не может самостоятельно пройти путь внутреннего развития. В это путешествие не следует отправляться одному, необходим руководитель. Руководителя в нашей притче мы называем царем, а искателя – бедным мальчиком.

Рассказывают, что однажды царь Махмуд обогнал свою свиту. Мчась на коне во весь опор вдоль реки, он вдруг увидел у самой воды маленького мальчика, ловившего неводом рыбу. Ребенок казался очень несчастным. Царь резко осадил коня и, подъехав к мальчику, спросил его:

- Дитя мое, почему у тебя такой печальный вид? Я никогда не встречал человека более печального, чем ты.

Мальчик ответил:

- Ваше Величество, нас семеро братьев. Наш отец умер, и мы живем с матерью в крайней нужде. Чтобы как-то прокормиться, я прихожу каждый день к реке и закидываю сеть. Если за день мне не удается поймать ни одной рыбы, на ночь я остаюсь голодным.

- Сын мой, - сказал царь, - если ты не возражаешь, я помогу тебе.

Мальчик согласился, и царь Махмуд сам закинул сеть, которая от прикосновения царской руки вернулась с богатым уловом.

Примечание Идрис Шаха. Дилетанты обычно думают, что метафизические системы либо отрицают ценность вещей «этого мира», либо, наоборот, обещают материальное изобилие. В суфизме, однако, приобретение «ценностей» не всегда имеет только фигуральный или только буквальный смысл. Эта притча великого Фарид ад-дина Аттара, взятая из его произведения «Птичий совет», толкуется и буквально, и

символически. По утверждению дервишей, человек, находящийся на суфийском пути, может приобрести какие-то материальные вещи, если это полезно пути так же, как ему самому. В равной степени он приобретает трансцендентальные «ценности» - в соответствии со своей способностью использовать их правильным образом.

Аттар:

Нигде в этом мире – ни на суше, ни на море – нет большего богатства, чем умеренность.

Если бы разумный не мешал мне, невежественный был бы в моих руках как воск.

Тот, кто, не размышляя, говорит свое слово, после этого многократно будет порицать себя.

Клад находится на дне, а мир подобен талисману. Устраняется волшебством зависимость тела от души. Найдешь сокровище, когда исчезнет талисман. Проявляется душа, когда уничтожается тело.

ТРИ УЧИТЕЛЯ И ПОГОНЩИКИ МУЛОВ

Абд аль-Кадир пользовался такой необыкновенной известностью, что мистики всех вероисповеданий стекались к нему толпами. В его приемном зале, всегда переполненном людьми, неизменно соблюдался высший этикет и царило почтительное уважение к традиционным обычаям. Благочестивые посетители придерживались в своих отношениях строгой иерархии: ранг каждого определялся его личными достоинствами, возрастом, репутацией его наставника и тем положением, которое он занимал в своей общине. Кроме того, они немало соперничали друг с другом в том, чтобы как можно больше обратить на себя внимание Султана Учителей, Абд аль-Кадира. Манеры его были безупречны. Невежественные или невоспитанные люди на эти встречи не допускались.

Но вот однажды три шейха, первый из Хорасана, второй из Ирака и третий из Египта, прибыли в Даргах со своими проводниками, неотесанными погонщиками мулов. Шейхи возвращались после хаджа, паломничества в Мекку. В пути они были до последней степени измучены грубостью и несносными проделками своих проводников; одна мысль о том, что скоро они избавятся от этих мужланов, радовала их не меньше, чем предвкушение предстоящего лицезрения великого учителя. Когда шейхи подошли к дому Абд аль-Кадира, он, против своего обыкновения, вышел к ним навстречу. Ни единым жестом приветствия он не обменялся с погонщиками мулов, но с наступлением ночи, когда шейхи в темноте пробирались в отведенные для них покои, они вдруг совершенно случайно стали свидетелями того, как Абд аль-Кадир пожелал спокойной ночи их проводникам, а когда те почтительно прощались с ним, даже поцеловал им руки. Шейхи были изумлены и поняли, что эти трое, в отличие от них самих, - скрытые шейхи дервишей. Они последовали за погонщиками и попытались было завязать с ними беседу, но глава погонщиков грубо осадил их:

- Идите прочь с вашими молитвами, бормотаниями, вашим суфизмом и поисками истины. Тридцать шесть дней мы выносили вашу болтовню, а теперь оставьте нас в покое. Мы простые погонщики и ко всему этому не имеем никакого отношения.

Такова разница между скрытыми суфиями и теми, которые только подражают им.

Примечание Идрис Шаха. «Еврейская энциклопедия» и такие авторитеты по хасидизму, как Мартин Бубер, отмечали сходство школы хасидизма с испанскими суфиями, имея в виду хронологию и близость

учений. Это сказание, в котором фигурирует суфий Абд аль-Кадир из Гелана (1077-1166), входит также в жизнеописание хасида рабби Элимелеха, который умер в 1309 году. Абд аль-Кадир, прозванный «царем» (и точно такой же титул носил Элимеле), был основателем ордена Кадирийа.

БАЙАЗИД И ТЩЕСЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Однажды некий человек с упреком сказал Байазиду, великому мистику IX столетия, что он постился, молился в течение 30 лет, но так и не нашел в этом утешения, которое обещает Байазид. Байазид ответил ему, что и за 300 лет он ничего не достигнет.

- Почему? – спросил искатель просветления.

- Потому что этому препятствует твое тщеславие, - сказал мудрец.

- Но как мне от него избавиться?

- Есть одно средство, но оно тебе не подойдет.

- И все же назови его.

Байазид сказал:

- Ты должен пойти к цирюльнику и сбрить свою почтенную бороду, затем снять верхнюю одежду, опоясаться кушаком и одеть на шею торбу с грецкими орехами. Когда ты все это сделаешь, ступай на базарную площадь и кричи во весь голос: «Даю орех тому сорванцу, который ударит меня по шее». Потом пройдись перед зданием суда, чтобы старшины города увидели тебя в таком виде.

- Но я же не могу этого сделать, - взмолился человек, - прошу тебя, расскажи мне о каком-нибудь другом средстве.

- Это первый и единственно возможный шаг к цели, - сказал Байазид. – Но ведь я предупреждал, что это средство тебе не понравится, поэтому ты неизлечим.

Примечание Идрис Шаха. Аль-Газали в своей работе «Алхимия счастья» с помощью этой притчи подчеркивает часто повторяемый аргумент, что некоторые люди, какими бы искренними искателями истины они ни казались самим себе или даже окружающим, побуждаемы в своих поступках тщеславием и корыстью, чем создают непреодолимые трудности для своего обучения.

ЛЮДИ ДОСТИЖЕНИЯ

Имам аль-Газали рассказал предание из жизни Исы ибн Марьям. Однажды Иса увидел людей, понуро сидящих у обочины дороги. Он спросил их:

- Почему вы печалитесь?

Они ответили ему:

- Нас печалит страх перед адом.

Иса отправился дальше и, пройдя немного, увидел других людей, в безутешной печали сидящих у дороги в различных позах.

- Что вас так тяготит? – спросил он их.

- Желание рая повергло нас в это состояние, - ответили люди.

Оставив их, Иса продолжал свой путь, пока не повстречал третью группу людей. По ним было видно, что они много выстрадали, но лица их сияли радостью. Иса обратился к ним:

- Что привело вас в радость?

Люди ответили:

- Дух истины. Мы видели реальность, и это заставило нас забыть второстепенные цели.

- Вот истинно люди достижения, - сказал Иса. – В день воскресения они предстанут перед лицом Бога.

Примечание Идрис Шаха. Те, кто верят, что духовный прогресс основывается на культивировании в людях желания награды или страха наказания, часто бывают удивлены, услышав это суфийское предание об Иисусе. Суфии говорят, что только определенным людям полезно сосредоточиваться на идее приобретения или потери, и это, в свою очередь, может составить лишь какую-то часть их практики. Изучавшие методы и результаты обучения людей путем тренировки и внушения будут близки к тому, чтобы согласиться с суфиями. Религиозные формалисты самых разных вероисповеданий не примут, конечно, утверждения, что простые альтернативы добра и зла, напряженности и расслабленности, награды и наказания представляют собой только часть великой системы самореализации.

СТРАНСТВУЮЩИЙ, НЕОБЫЧНЫЙ И ТОРОПЛИВЫЙ

Встретились три дервиша на пустынной дороге. Первого звали Странствующий, потому что он, почитая старые обычаи, выбирал самые длинные маршруты для путешествий. Второго звали Необычный, потому что ничто не казалось ему необычным, хотя то, что он делал, или даже то, что привлекало его внимание, казалось весьма необычным другим людям. Имя третьего было Торопливый, потому что этот дервиш, думая, что может сберечь свое время, всегда и во всем стремился найти наиболее короткие пути к своей цели, хотя на деле эти пути часто оказывались самыми длинными.

Некоторое время дервиши путешествовали вместе, но вскоре расстались. Первым покинул их Странствующий: он заметил на перекрестке дороги указательный знак, о котором слышал когда-то, и

стал убеждать своих спутников свернуть туда, куда указывала стрелка. Они не согласились, и он пошел один. Дорога привела его к разрушенному городу, единственными обитателями которого были свирепые львы. Цивилизация, некогда процветавшая здесь, о которой дервиш читал, погибла сотни лет назад. Как только он вступил в город, голодные звери набросились на него и растерзали.

Спустя день или два Торопливый решил отыскать путь покороче и расстался с Необычным. Пойдя напрямик, он увяз в зыбучих песках. Правда, дервиш не погиб, но выбираться оттуда ему пришлось несколько месяцев.

Между тем Необычный, продолжая путь в одиночестве, вскоре повстречал человека, который сказал ему:

- Дервиш, не ходи дальше. Впереди находится караван-сарай, и в нем по ночам собираются дикие звери из джунглей.

- А где эти звери бывают днем? – спросил Необычный.

- По-моему, днем они на охоте, - ответил человек.

- Вот и хорошо, - сказал Необычный, - в это время я и отдохну там.

В полдень он подошел к караван-сараю и увидел, что вся земля вокруг истоптана животными. До вечера было еще много времени, и Необычный решил пока выспаться. Проснувшись с наступлением сумерек, он спрятался в укромном месте и стал дожидаться прихода зверей: ему хотелось узнать, для чего они собираются здесь.

Вскоре в большой зал вошло множество зверей, во главе которых выступал лев, их царь. Звери по очереди приветствовали льва и сообщали ему о том, что было известно только им и никому из людей. Один из них доложил льву, что неподалеку от этого места есть пещера, где спрятаны драгоценности, - сокровищница Каратаса, легендарного Черного Камня. Другой зверь рассказал, что прямо здесь, в караван-сарае, под полом хранится клад из золотых монет, который стережет крыса. Она не может ни потратить их, ни расстаться с ними, и каждое утро выносит их на поверхность. Третья история была о некоей безумной царевне, и эта история, самая странная из всего, что там было рассказано, удивила даже Необычного. Дело было в том, что в соседней долине жила собака, которая стерегла стадо овец. С помощью шерсти, растущей у нее за ушами, можно было излечить царевну от безумия; это было единственное средство в мире, которое могло ее спасти. Но так как ни один человек не знал ни этого средства, ни самой царевны, которая должна была вскоре заболеть (как узнал дервиш), не было никакой надежды, что царевну кто-нибудь вылечит.

Перед рассветом звери разошлись, а дервиш стал ждать появления крысы. Утром на середину зала в самом деле выбежала крыса, неся в зубах золотую монету. Она оставила ее на полу и побежала за следующей. Когда крыса таким образом вынесла все монеты и принялась их пересчитывать, Необычный вышел из своего укрытия и забрал деньги. Затем он направился к пещере Каратаса и нашел спрятанные сокровища. После этого дервиш отыскал собаку и, вырвав у нее из-за ушей клок шерсти, снова отправился в путь.

Следуя тайным знакам, известным только ему, он наконец достиг весьма странного и неизвестного царства. Войдя в столицу, дервиш Необычный увидел снующих по улицам людей, печальных и озабоченных, и, обратившись к какому-то прохожему, поинтересовался, какая беда постигла их город. Человек рассказал, что дочь их царя только что заболела какой-то странной болезнью, и никто не знает, как ее вылечить. Необычный поблагодарил его и тут же направился к царскому дворцу.

- Если ты вылечишь мою дочь, - сказал царь, - я отдам тебе полцарства, а после моей смерти ты станешь править всем царством. Но если ты меня обманешь, я прикажу сбросить тебя с самого высокого минарета.

Дервиш согласился с этим условием, и его провели к царевне. Только он поднес к ее лицу собачью шерсть, как она в тот же миг выздоровела. Вот так Необычный стал наследным царевичем. Многие достойные люди приходили к нему и обучались его пути. Однажды, переодевшись в рубище, по своему обыкновению,

Необычный вышел из дворца побродить, как вдруг наткнулся на дервиша Торопливого. Торопливый поначалу даже не узнал своего друга, потому что без умолку болтал; тогда Необычный просто привел его к себе во дворец и стал терпеливо дожидаться, когда тот сам его о чем-нибудь спросит. Наконец Торопливый спросил:

- Как это все произошло? Расскажи по порядку, но только быстро.

Необычный стал рассказывать свою историю и, наблюдая за Торопливым, увидел, что тот пропускает мимо ушей многие детали. Он по-прежнему был нетерпелив. Даже не дослушав до конца, Торопливый вскочил с места и заявил:

- Мне необходимо побывать там и послушать, о чем говорят звери, я хочу последовать твоему пути.

- Не советую тебе торопиться, - сказал Необычный, пытаясь его образумить, - узнай прежде, в своих собственных интересах, значение времени и таинственных указаний.

- Ерунда, - ответил Торопливый и, одолжив у своего товарища сто золотых, отправился в путь.

Когда он добрался до караван-сарая, была уже ночь. Не желая дожидаться утра, Торопливый прошел прямо в главный зал и тут же был растерзан львом и тигром. А что касается дервиша Необычного, то он наслаждался счастливой жизнью до конца своих дней.

Примечание Идрис Шаха. В примечании к этой истории, найденной в дервишском манускрипте Кетаб-иб-Аму-Дарья («Книга реки Оксус»), говорится, что она принадлежит к собранию обучающих историй Увайс аль-Карани[32], основателя дервишского братства Увайсийа («Затворники»). Смысл рассказа состоит в том, что нетерпеливость мешает человеку увидеть сущностные особенности ситуации.

---

32 *Увайс аль-Карани* – современник Пророка Мухаммеда, инициированный его духом. Ученик на суфийском пути, ведомый божественным духом или духом святого, называется *увайси*. Увайси – инициированный духом Пророка, духом «святого» или умершего шейха. Тот, кто не имел наставника в обычном смысле этого слова.

ТИМУР-АГА И ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ

Жил когда-то турок по имени Тимур-ага, который искал в больших и малых городах, деревнях и селеньях того, кто мог бы обучить его языку животных и птиц. Всюду он расспрашивал о таких людях, ибо знал, что великий Наджм ад-дин Кубра понимал язык животных, и Тимур надеялся встретить одного из его последователей, унаследовавшего от учителя это великое знание, знание Соломона. Будучи человеком мужественным и великодушным – а он развивал в себе такие качества – Тимур-ага однажды в горах спас жизнь одному старому немощному дервишу, запутавшемуся в тенетах канатного моста.

- Сын мой, - сказал старик, когда Тимур его вытащил, - меня зовут дервиш Баха ад-дин. Я прочел твои мысли, и отныне ты будешь понимать язык животных.

Тимур пообещал дервишу никому не выдавать это тайное знание и поспешил домой, к своему хозяйству. Вскоре ему представился случай применить свои чудесные способности. Вол и ослица разговаривали друг с другом.

- Я от зари до зари тяну плуг, - сказал вол, - а ты только и знаешь, что ходишь на базар. Ты, наверное, умнее меня, так скажи мне, как избавиться от работы.

- Единственное, что ты можешь сделать, - ответила хитрая ослица, - это лечь на пол и притвориться больным. Ты дорогое и полезное животное, так что хозяин начнет о тебе заботиться, даст тебе лучшую пищу и позволит несколько дней отдохнуть.

Тимур, разумеется, все понял, и, когда вол лег на землю, он громко сказал:

- Если через полчаса этому волу не станет лучше, я отдам его сегодня же вечером мяснику.

Услышав его грозное обещание, вол тут же выздоровел. Тимур расхохотался, и его жена, весьма любопытная и вечно надутая особа, стала приставать к мужу, чтобы он сказал ей, почему он смеется. Но Ага, помня свое обещание, ничего ей не сказал.

На следующий день супруги отправились на базар. Впереди шел Тимур, за ним на ослице ехала жена, а сбоку бежал маленький ослик. Вдруг Тимур услышал, как ослик сказал по-ослиному матери:

- Мама, я не могу идти дальше, можно, я заберусь к тебе на спину?

Мать ответила ему:

- Я везу жену нашего хозяина; и потом не забывай, что мы всего лишь животные, таков наш жребий, так что я ничем не могу помочь тебе, дитя мое.

Тимур тут же велел жене слезть с ослицы, чтобы животные могли отдохнуть, и они остановились под деревом на привал. Жена его была очень недовольна, что они задерживаются, и стала ругать Агу, он же только сказал:

- Мне кажется, подошло время для отдыха.

А ослица подумала: «Этот человек понимает наш язык. Он, должно быть, слышал мой разговор с волом, и вот почему он пригрозил отдать его мяснику. Но мне он ничего плохого не сделал, и не только не наказал за совет, который я дала волу, но даже сделал мне сейчас доброе дело». И подумав так, ослица сказала:

- Спасибо, хозяин.

Тимур ее понял и захохотал от удовольствия, а его жена еще больше нахмурилась и заворчала:

- Ты, наверное, знаешь, о чем говорят животные, но скрываешь от меня.

- Да кто же может понять, о чем говорят животные, - ответил Тимур, - в своем ли ты уме?

Когда они возвратились с базара, Тимур вошел в стойло и положил волу свежего сена, которое привез с базара.

- Твоя жена изводит тебя расспросами, ибо ее мучает любопытство, - обратился к нему вол на своем языке. – Ты можешь не выдержать и раскроешь ей свою тайну, и тогда, понимаешь ли ты, какая опасность тебе грозит, о бедный человек?! Послушайся моего совета, пригрози избить ее палкой в палец толщиной, если она от тебя не отстанет. Только так ты сможешь отучить ее от любопытства и сохранить свою тайну.

«Как странно, - подумал Тимур, - что этот вол, которому я угрожал мясником, думает о моем благополучии».

И, взяв палку, он направился к жене.

- Видишь эту палку? – сказал он, входя в дом. – Так вот, знай, что я изобью тебя палкой, если ты и впредь будешь приставать ко мне с расспросами, почему я так много смеюсь.

Женщина была так напугана этой угрозой – ведь ничего подобного он раньше ей не говорил, что навсегда отстала от него. Вот так Тимур-ага избежал ужасной судьбы тех, кто выдает тайны людям, не готовым к восприятию.

Примечание Идрис Шаха. Тимур-ага известен из фольклора своей способностью воспринимать важное в вещах, казалось бы, незначительных. Рассказы о нем, как и многие суфийские истории, внешне напоминают волшебные сказки, широко известны на Балканах и Ближнем Востоке. Принято считать, что они несут в себе *бараку* – благословение, которую получает как рассказчик, так и слушатель. Возможно, этим объясняется их особенная популярность.

ИНДИЙСКАЯ ПТИЧКА

У одного купца в клетке жила птичка. Вот однажды он собрался по своим делам в Индию, на родину этой птички, и спросил ее, что ей оттуда привезти. Птичка попросила отпустить ее на свободу, но купец отказался. Тогда она попросила его, когда он прибудет в Индию, пойти в джунгли и рассказать вольным птицам о ее плене. Купец выполнил ее просьбу. Но только он рассказал о своей пленнице какой-то дикой птице, как две капли воды похожей на его птичку, как она замертво упала на землю. Купец решил, что она родственница его любимицы, и весьма огорчился, считая себя виновником ее смерти. Когда он возвратился домой, его птичка спросила, какие новости он ей привез.

- Боюсь, что мои новости опечалят тебя, - ответил купец. – Случайно я обратился к одной из твоих родственниц, и, когда рассказал ей твою историю, ее сердце разорвалось от горя и она в тот же миг умерла.

Не успел купец произнести это, как его птичка упала бездыханной на дно клетки и затихла.

«Известие о смерти родственницы убило ее», - подумал купец. Опечаленный, он достал птичку из клетки и положил ее на подоконник. Птичка тут же ожила и вылетела в открытое окно. Она уселась на ветку дерева перед окном и закричала купцу:

- Теперь ты понял, что печальные новости, как ты их назвал, были для меня доброй вестью? Мне было передано послание – совет, как поступить, чтобы выбраться на волю; это послание мне было передано через тебя, мой мучитель.

И птичка улетела, наконец-то свободная.

Примечание Идрис Шаха. Эта притча, приводимая Руми, подобно многим другим притчам, подчеркивает для суфийского искателя огромную важность косвенного обучения в суфизме. Имитаторы и системы, носящие названия, соответствующие традиционному мышлению, как на Востоке, так и на Западе, предпочитают обычно придавать особое значение «системе» и «программе» - скорее, нежели всему опыту суфийской школы в целом.

Джалал ад-дин Руми:

Целью этого мира является человек, а целью человека – это мгновение, целью тела является обретение духа, а целью духа – регулирование чувств. Целью же регулирования чувств и органов является совершенствование сердца, а целью сердца является возлюбленная.

[О суфии]. Без вина пьян, без еды сыт; обезумевший, забывший о еде и сне; король, надевший простую одежду; клад в развалинах; не из воздуха и не из земли; не из огня и не из воды; безбрежное море. Он обладает сотней лун и солнц. Мудрость его – не из книги, истина сделала его мудрым.

Можно ли суфия назвать религиозным человеком? Нет, он гораздо выше! Он выше веры и неверия – что для него заслуги и грех? Он скрыт – ищите его!

КОГДА СМЕРТЬ ПРИШЛА В БАГДАД

Ученик одного багдадского суфия, находясь в караван-сарае, случайно услыхал беседу двух незнакомцев, из которой понял, что один из них Ангел Смерти.

- В течение следующих трех недель я собираюсь посетить трех людей в этом городе, - сказал Ангел Смерти своему собеседнику.

Ученик был так напуган, что, стараясь оставаться незамеченным, даже затаил дыхание и просидел в своем углу не шелохнувшись, пока Ангел и его спутник не ушли. Затем он стал усиленно размышлять, как избежать возможной встречи со смертью, и пришел наконец к выводу, что, если он покинет Багдад, Ангел не сможет его забрать. Ни секунды не медля, ученик одолжил самого быстрого коня, которого только смог найти, и вихрем помчался по направлению к Самарканду, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Между тем Ангел Смерти встретился с суфийским учителем, и они разговорились о разных людях.

- А где ваш ученик такой-то? – спросил Ангел.

- Он должен быть где-то рядом, возможно, в караван-сарае, проводит время в созерцании, - ответил суфий.

- Странно, весьма странно, - сказал Ангел, - потому что он тоже в моем списке. И здесь написано, что я смогу его взять в течение четырех недель в Самарканде и нигде больше.

Примечание Идрис Шаха. Рассказ о смерти в этой обработке взят из Хихайат-и-Никшия («Сказания, единые по смыслу»). Это сказание вошло в фольклор Среднего Востока и поныне пользуется всеобщей любовью. Его автор – великий суфий Фудайл Ибн Айад, который первую половину своей жизни был разбойником. Он умер в начале IX века. Согласно суфийскому преданию, подтвержденному историческими материалами, Гарун аль-Рашид, халиф Багдада, старался собрать при своем дворе «все знания». Различные суфии жили под его покровительством, но ни одного из них всемогущий монарх не мог заставить служить себе. Суфийские истории повествуют, как Гарун и его визирь посетили Мекку специально для того, чтобы увидеть Фудайла, который сказал при встрече:

- Повелитель правоверных! Я боюсь, что твое миловидное лицо может оказаться в аду.

Гарун спросил мудреца:

- Знаешь ли ты человека, достигшего большего отречения, чем ты?

Фудайл ответил:

- Твое отречение больше моего. Я могу отречься от обычного мира, а ты отрекаешься от чего-то более великого – от вечных ценностей.

Фудайл объяснил халифу, что власть над самим собой лучше тысячелетней власти над другими.

Фудайл:

Мудрец будущей жизни – знание его сокрыто, а мудрец этого мира – знание его распространено. Следуйте за постигшим будущую жизнь и остерегайтесь постигшего эту жизнь и не водитесь с ним. Поистине, вовлечет он вас в смуту самоослеплением своим и пустословием. Притязания его – знание без дела и дело без искренности.

«Что вы думаете о человеке, у которого в рукаве финики и который потом садится на краю отхожего места и бросает туда финик за фиником?» - Ответили: «Это безумный!» Фудайл сказал: «А тот, кто бросает в чрево свое, пока не наполнит его, еще безумнее. Ибо то отхожее место наполняется из этого».

Люди добродетельны до тех пор, пока не увидели своей добродетели.

Кто ищет брата без греха, тот останется без брата.

Всякий раз, когда кто-нибудь проклинает верховое животное, оно говорит: «Аминь! Да будет проклятье на том из нас обоих, кто более непокорен Богу!».

Два свойства делают сердце жестоким – обилие речей и обилие пищи.

Мне приятнее поклясться в том, что я – лицемер, чем клясться, что я не лицемер.

Бог собрал все зло в одном доме, сделав ключом от него любовь к миру, и собрал в одном доме все добро, сделав ключом от него отреченье от мира.

Когда наступает ночь, я радуюсь тому, что приходит мое уединение с Истиной без разъединения, и когда брезжит утро, печалюсь от отвращения к созерцанию людей: не надо, чтобы они приходили и смущали меня в этом уединении.

71

ЯЗЫКОВЕД И ДЕРВИШ

Как-то темной ночью один дервиш, идя по дороге, услыхал крик о помощи, доносившийся со дна заброшенного сухого колодца.

- Эй, что случилось? – закричал дервиш, заглянув в колодец.

- Видите ли, я языковед, - ответил голос. – Не найдя в темноте дороги, я, к несчастью, провалился в эту глубокую яму и теперь никак не могу отсюда выбраться.

- Держись, друг, дай мне только раздобыть лестницу и веревку, - ответил дервиш.

- Постойте минуточку, - закричал языковед, - вы неграмотно выражаетесь, к тому же ваше произношение никуда не годится.

- Ну, что ж, если для вас слова важнее их смысла, вам лучше будет побыть там, где вы сейчас находитесь, пока я не выучусь правильно говорить, - ответил дервиш и пошел своей дорогой.

Примечание Идрис Шаха. Эту историю рассказал Джалал ад-дин Руми, и она записана в книге Афлаки «Деяния адептов». Эта книга, опубликованная в Англии в 1965 году под названием «Легенды суфиев», сообщает о дервишах ордена Мевлевийа и их предполагаемых учениках. Она записана в XIV столетии. Некоторые истории из сборника Афлаки представляют собой просто волшебные сказки; другие описывают действительные события, но есть там и весьма необычные истории, называемые суфиями «иллюстративными историями» - в них описываются серии эпизодов, чье значение связано с психологическими процессами. Такие истории получили название «творчества дервишских ученых».

ДЕРВИШ И ЦАРЕВНА

Царская дочь красотой своей была подобна луне и очаровывала всех, кто удостаивался хоть раз взглянуть на нее. Однажды какой-то дервиш, собираясь подкрепиться, поднес было ко рту кусок хлеба, как вдруг увидел ее и застыл в изумлении. Пальцы его сами собой разжались, и хлеб упал на землю. Проходя мимо, царевна улыбнулась дервишу. Восторг поверг его тело в трепет, хлеб остался лежать в пыли, а сам он едва не лишился чувств. В этом экстатическом состоянии дервиш пробыл семь лет. Домом его стала улица, соседями – бродячие собаки. Безумный дервиш надоел царевне, и ее телохранители решили его убить. Тогда она вызвала его к себе и сказала ему:

- Никакой союз между нами невозможен. Ты должен немедленно уйти из города, потому что мои слуги хотят тебя убить.

Несчастный влюбленный ответил ей так:

- С тех пор как я увидел тебя, жизнь не имеет для меня никакой цены. Они прольют невинную кровь. Но прежде, чем я умру, заклинаю тебя, исполни мое единственное желание, ибо ты – причина моей гибели. Скажи, почему ты тогда улыбнулась мне?

- Глупец! – сказала царевна. – Когда я увидела, каким посмешищем ты себя выставил, я улыбнулась из жалости – и только.

И, сказав так, царевна скрылась.

Примечание Идрис Шаха. В своем произведении «Птичий совет» Аттар говорит о неправильном толковании человеком субъективных эмоций, которые питают его веру в то, что переживаемый им определенный опыт («улыбка царевны») является особым даром ему («обожание»), с помощью которого они могут что-то приобрести, тогда как на самом деле этот опыт может быть чем-то совершенно иным («жалость»). Так как подобный вид литературы использует собственные приемы, многие составили себе неверное представление о суфийской классике, полагая, что она не имеет никакого отношения к описанию психологических состояний.

УВЕЛИЧЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ

Самовластный правитель Туркестана однажды вечером, слушая рассказы дервиша, спросил его о Хызре.

- Хызр, - сказал дервиш, - приходит тогда, когда в нем нуждаются. Человек, который схватит его за полы халата, когда он появится, станет совершенным мудрецом.

- Это может произойти с каждым? - спросил царь.

- Да, с каждым, кто достоин, - ответил дервиш.

«Кто «достойнее» меня?» - подумал царь и тут же велел издать указ:

«Того, кто приведет ко мне невидимого Хызра, великого покровителя людей, я озолочу».

Крики глашатаев услыхал бедный старик Бахтияр Баба. Он пришел к своей жене и сказал:

- У меня есть план. Скоро мы разбогатеем, но потом мне придется умереть. Я этого не боюсь, зато ты проживешь до конца своих дней в достатке.

И вот Бахтияр Баба предстал перед царем и заявил, что в течение 40 дней он сможет найти Хызра, если царь выдаст ему тысячу золотых.

- Если ты в самом деле приведешь Хызра, - сказал царь, - получишь еще 10 тысяч. Но если не приведешь, умрешь позорной смертью в назидание тем, кто полагает, что можно шутить с царями.

Бахтияр остался доволен этим условием и ушел, получив тысячу золотых. Вернувшись домой, он отдал деньги жене, чтобы она могла безбедно прожить остаток своих дней. Все сорок дней он провел в размышлениях, готовясь к переходу в другой мир. На сороковой день он снова пришел к царю.

- Мой повелитель, - сказал он, - по своей жадности ты решил, что с помощью денег сможешь вызвать Хызра. Но Хызр, как известно, не появляется в ответ на призыв, обусловленный жадностью.

От этих слов монарх пришел в бешенство.

- Негодяй, - взревел он, - ты поплатишься жизнью за свою дерзость. Кто ты такой, чтобы смеяться над желаниями царя?!

Бахтияр как ни в чем не бывало продолжал:

- В легенде говорится, что с Хызром может встретиться любой человек, но то, какую пользу он извлечет из этой встречи, зависит от того, насколько чисты его намерения. Хызр, говорят, может посетить человека, если он достоин его посещения, и будет присутствовать столько времени, сколько достоин его присутствия человек. Таковы условия, и не в нашей власти что-либо изменить.

- Довольно разглагольствовать, - закричал царь. – Этим ты не спасешь свою жизнь. Остается только, чтобы мои министры выбрали тебе казнь.

С этими словами правитель повернулся к своим министрам и спросил:

- Какую смерть заслуживает этот человек?

Первый министр ответил:

- Его надо сжечь живьем в назидание другим.

Второй министр, получив слово, сказал:

- Лучше всего разрубить его на части.

Третий министр высказался так:

- Я думаю, его нужно отпустить и обеспечить всем необходимым для жизни, потому что только нужда, которую испытывала его семья, толкнула его на преступление.

Лишь только министр окончил свою речь, в тронный зал вошел древний старец и прямо с порога заговорил:

- Каждый из этих людей высказался так, как ему подсказывало его скрытое пристрастие.

- Что это значит? – спросил удивленный царь.

- Это значит, что первый министр был в прошлом пекарем. Поэтому он предложил зажарить Бахтияра. Второй министр был когда-то неплохим мясником, вот почему он посоветовал четвертовать Бахтияра. Третий же министр изучал искусство управления государством и сумел разобраться в причинах этого происшествия. Теперь примите к сведению следующее: во-первых, Хызр появляется и помогает тому, кто способен извлечь пользу из его посещения. Во-вторых, этот человек по имени Бахтияр, которого я называю Баба в знак его жертвы, вынужден был поступить так, как поступил, - потому что находился в сильнейшем отчаянии. Он увеличил свою необходимость во мне, и я к нему пришел.

Сказав так, древний старец исчез на глазах изумленных присутствующих.

Стремясь выполнить указание Хызра, царь назначил Бахрияру постоянную пенсию. Первого и второго министров изгнали из дворца, и тысяча золотых благодарным Бахтияром и его женой была возвращена в казну. Царь же оказался достоин снова повстречаться с Хызром, но о том, что произошло при этой встрече, рассказывается в другой истории.

Примечание Идрис Шаха. Бахтияр Баба, как сообщают, был суфийским мудрецом, который жил в Хорасане скромной и ничем не примечательной жизнью, пока с ним не произошли вышеописанные события. Эта история, которая входит также в жития многих других шейхов, иллюстрирует концепцию того, как человеческое стремление переплетается с высшими уровнями бытия. Хызр представляет собой звено, связующее эти две сферы. Заглавие рассказа выбрано по ассоциации со строкой из знаменитой поэмы Джалал ад-дина Руми: «Новые органы восприятия пробуждаются тогда, когда в них есть необходимость. Поэтому, о человек, увеличь свою необходимость, чтобы увеличилась твоя восприимчивость». В приведенном здесь варианте история была рассказана дервишским мастером из Афганистана.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ ТОЛЬКО ОЧЕВИДНОЕ

Один искатель истины после многих испытаний повстречал наконец просветленного человека, наделенного способностью видеть тайное значение вещей.

- Позволь мне последовать за тобой, - обратился к нему искатель. – Может быть, наблюдая за твоими действиями, я перейму твое знание.

Мудрец ответил:

- Это слишком сложно для тебя: у тебя не хватит терпения сохранить непрерывную связь с планом событий. Вместо того чтобы учиться, ты, как обычно, будешь воспринимать лишь самое очевидное.

Но искатель стоял на своем. Он обещал, что постарается развить в себе терпение и, отбросив свои предвзятые мнения, будет учиться у событий.

- В таком случае у меня есть одно условие, - сказал мудрец, - ты не должен меня спрашивать ни об одном моем действии, пока я сам не объясню тебе его смысл.

Искатель с радостью принял это условие, и они отправились в путь. Подойдя к широкой реке, путники наняли лодку для переправы. Когда они почти достигли другого берега, искатель заметил, как мудрец незаметно продырявил лодку, и вода стала потихоньку наполнять ее. Казалось, он отплатил перевозчику за услугу таким коварством. Не удержавшись, юноша воскликнул:

- Но ведь лодка потонет, и вместе с ней люди. Разве такие поступки достойны доброго человека?!

- Я предупредил тебя, что ты не сможешь удержаться от скороспелых выводов, не так ли? – тихо сказал мудрый человек.

- Простите, я забыл о нашем условии, - ответил искатель и пообещал ни о чем больше не спрашивать, хотя в душе был глубоко смущен.

Продолжая путешествие, мудрец с искателем вошли в столицу какого-то царства. Им оказали радушный прием и проводили к царю, который тут же пригласил их с собой на охоту. И вот охотничий поезд тронулся в путь. Маленький сын царя скакал на своем коне впереди мудреца. Как только царь и его свита устремились в погоню за зверем, мудрец, обернувшись к искателю, крикнул ему:

- Скачи за мной во весь опор!

С этими словами он сбросил царевича с коня, вывихнул ему ногу и оттащил в чащу, затем снова вскочил в седло и помчался прочь из царства. Эта сцена повергла искателя в крайнее изумление, особенно его мучило то, что он стал невольным соучастником ужасного злодеяния. В отчаянии, заламывая руки, он воскликнул:

- Царь встретил нас как друзей, доверил нам своего сына и наследника, а мы поступили так бесчеловечно. Как назвать такой поступок?! Его не совершил бы даже самый низкий из людей.

Мудрец обернулся к искателю и сказал:

- Друг, я поступил так, как должен был поступить. Ты наблюдатель. Очень немногие достигают привилегии наблюдать. Но, несмотря на то что ты достиг этого, ты не извлечешь, как мне кажется, никакой пользы из своих наблюдений, потому что судишь о событиях в соответствии со своими установившимися взглядами. Я снова напоминаю тебе о твоем обещании.

- Я понимаю, что не был бы здесь, если бы не мое обещание, - ответил искатель. – И я также понимаю, что связан этим обещанием. Поэтому прошу вас, дайте мне еще одну возможность. Я буду учиться и работать, твердо придерживаясь своего обязательства избавиться от привычных действий. Прогоните меня, если я спрошу вас еще о чем-нибудь.

И вот мудрец и искатель снова оказались в пути. Вскоре они прибыли в большой и процветающий город. Испытывая сильный голод, они стали просить у жителей хлеба и воды, но никто не давал им даже кусочка хлеба. Милосердие и священное гостеприимство были незнакомы обитателям этого города, они даже натравили на мудреца и искателя злых собак, от которых им пришлось спасаться бегством. Когда бедные путники, обессилевшие от голода и жажды, выбрались наконец на окраину, мудрец сказал своему спутнику:

- Остановимся здесь ненадолго, мы должны починить эту разрушенную стену.

Они усердно трудились несколько часов подряд, изготовляя из глины, соломы и воды кирпичи и восстанавливая стену. К концу работы искатель был так измучен, что, потеряв над собой контроль, выпалил:

- Нам никто не заплатит за это. Два раза мы воздавали злом за добро, а теперь добром отплатили за зло. Я устал и не могу идти дальше.

- Успокойся, - сказал мудрый человек, - и вспомни наш последний уговор: если ты меня еще о чем-нибудь спросишь, мы тут же расстанемся. Здесь наши пути расходятся, у меня впереди еще много дел. Но прежде я объясню тебе смысл моих поступков, чтобы когда-нибудь ты снова смог предпринять подобное путешествие. Лодку я повредил для того, чтобы ее не отобрал у владельца тиран, который как раз в это время захватывал лодки для войны. Мальчик, которому я вывихнул ногу, когда вырастет станет жестоким тираном, но не сможет ни захватить власть в царстве, ни унаследовать ее, ибо по закону этой страны управлять народом может только физически здоровый человек. Что касается негостеприимного города, то в нем живут два мальчика-сироты. К тому времени, когда они вырастут, стена будет вновь разрушена, и под ней мальчики найдут клад, оставленный им в наследство. Они будут достаточно сильны, чтобы завладеть сокровищами и улучшить характер людей их города, - это их предназначение. А теперь иди с миром, ты свободен.

Примечание Идрис Шаха. Это сказание рассказывается и пересказывается монахами на Среднем Востоке как христианская история и служит для них источником вдохновения. Говорят, что рассказ этот впервые появился в «Пустыннике» Париелла. Католические священники уверяли в его испанском происхождении. Так как на Западе никто не предполагал, что он пришел с Востока, в течение долгого времени его, по-видимому, не связывали с суфиями и даже не замечали, что он есть в Коране: сура 18, «Пещера». В настоящем варианте история была рассказана Джан-Кшан-Ханом.

КАК БЫЛО ЗАРАБОТАНО ЗНАНИЕ

Давным-давно жил человек, решивший однажды, что он нуждается в знании. Он оставил свою родину и отправился к дому одного ученого человека. Войдя к мудрецу, искатель сказал:

- *Суфий, ты мудрый человек. Надели меня частью знания, чтобы я мог увеличить его и стать достойным, ибо сейчас я чувствую себя ничтожеством.*

Суфий ответил:

- Я смогу дать тебе знание, но только в обмен на то, в чем я сам нуждаюсь. Принеси мне небольшой коврик. Я должен отдать его человеку, который в дальнейшем будет способен продолжать нашу святую работу.

Человек отправился в ковровую лавку.

- Дай мне маленький коврик, - сказал он ковровщику. – Я отнесу его суфию, который за это даст мне знание. Ковер нужен ему, чтобы отдать его человеку, который будет продолжать нашу святую работу.

Ковровщик ответил:

- Что ты мне рассказываешь о каком-то знании, суфии и человеке, который будет пользоваться ковром? Какое мне дело до этого? Чтобы соткать ковер, мне нужны нитки. Принеси мне немного ниток, тогда я помогу тебе.

Человек снова отправился в путь на поиски того, кто дал бы ему ниток. Он разыскал прядильщицу и обратился к ней:

- Прядильщица, дай мне ниток. Я отнесу их ковровщику, он даст мне ковер, и этот ковер я отнесу суфию, который отдаст его тому, кто должен продолжать нашу святую работу; а за это я получу от суфия знание.

Женщина ответила:

- Какая мне польза от того, что тебе нужны нитки? Ступай прочь со своими рассказами о себе, о суфии, о ковровщике и человеке, которому нужен ковер. Меня это нисколько не интересует. Разве ты не знаешь, что нитки делаются из шерсти! Принесешь мне шерсть, получишь свои нитки.

Итак, человек разыскал козопаса и рассказал ему свою историю.

- Меня все это не касается, - сказал козопас. – Тебе нужна шерсть, чтобы получить знание, а мне нужны козы, чтобы настричь шерсти. Приведи мне козу, и ты получишь то, что желаешь.

Теперь искатель направился на поиски продавца коз. Вскоре он нашел его и поведал ему о своих трудностях, на что тот ответил:

- Что я знаю о знании, нитках или коврах? Все, что я знаю, - это то, что у каждого свои нужды. Поговорим лучше о том, что нужно мне, и, если ты мне в этом поможешь, я помогу тебе. Вот тогда думай о своем знании, сколько твоей душе угодно.

- Что же тебе нужно? – спросил искатель.

- Мне нужен небольшой загон для коз, - сказал продавец коз, - потому что по ночам они разбредаются в разные стороны и доставляют мне немало хлопот. Сделай мне такой загон, и я дам тебе козу или даже две.

И вот искатель снова отправился в путь. Расспросы привели его в мастерскую плотника, который, услыхав его историю, сказал:

- Да, я могу сделать загон, а что касается остального, то можешь не посвящать меня во все подробности твоего дела, потому что я нисколько не интересуюсь коврами, знанием и тому подобным. Но у меня есть одно заветное желание, и в твоих интересах помочь мне его осуществить.

- Какое же это желание?

- Я хочу жениться, но, похоже, ни одна женщина не согласится стать моей женой. Найди мне жену, и мы продолжим наш разговор.

Выйдя из дома плотника, искатель тут же стал всех расспрашивать, где можно найти сваху. Наконец, когда он нашел ее и все рассказал ей, она ответила:

- Я знаю молодую женщину, которая мечтает выйти замуж как раз за такого плотника, которого ты описываешь. Она все время думает о нем и не находит себе покоя. Это просто чудо, что такой человек в самом деле существует. Какое счастье, что она услышит о нем от тебя и меня! Но мне какая от этого польза? Каждый человек желает то, что он желает; людям всегда кажется, что они в чем-то нуждаются или чего-то хотят; они или воображают, что им нужна помощь, или иногда им в самом деле нужна помощь... Но никто еще не заговорил о том, что нужно мне.

- А что нужно тебе? – спросил искатель.

- Я хочу одного, - сказала женщина, - и это мечта всей моей жизни. Помоги мне достичь желаемого, и я сделаю для тебя все, что ты просишь. Единственное, чего я желаю, ибо все остальное я уже испытала, - это знание.

- Но без ковра мы не сможем добыть знание!

- Я не знаю, что такое знание, но уверена, что это не ковер.

- Конечно, знание не ковер, - сказал искатель, - стараясь сохранять терпение, - но, если мы найдем женщину для плотника, он сделает нам загон для коз. Торговец козами даст нам козу, и мы получим от козопаса шерсть. Мы отвезем ее к прядильщице и получим от нее нитки, которые обменяем у ковровщика на ковер. Этот ковер мы отдадим суфию и получим от него знание.

- Вся твоя затея представляется мне какой-то чепухой, - возразила женщина, - и не надо меня убеждать, я ни за что не поверю тебе.

И, не обращая больше внимания на его просьбы и доводы, сваха прогнала его. Все эти мытарства заставили его первый раз в жизни испытать отчаяние, так что он почти потерял всякую веру в людей. Он даже усомнился, сможет ли использовать знание, если получит его, и все недоумевал: почему все люди заботятся только о себе? Но постепенно он снова возвратился к мыслям о ковре и ни о чем другом больше не думал.

Однажды искатель проходил по улицам одного торгового города, бормоча себе что-то под нос. Какой-то купец обратил на него внимание и пошел за ним, чтобы услышать, о чем он бубнит. Искатель же повторял сам себе:

- Ковер нужно отдать человеку, чтобы он мог продолжать нашу святую работу.

Услыхав эти слова, купец понял, что странник не из обычных людей, и обратился к нему:

- О странствующий дервиш, я не понимаю твоей молитвы, но глубоко почитаю таких, как ты, стоящих на пути истины. Я хочу попросить тебя о помощи, ибо знаю, что люди суфийского пути выполняют в обществе особую миссию. Прояви ко мне сострадание.

Странник поднял глаза и, взглянув на купца, увидел на его лице глубокую печаль.

- Я страдающий и само страдание, - произнес он.

- Тебя, несомненно, постигло какое-то горе, но у меня ничего нет. Я не могу добыть для себя даже немного ниток, в которых нуждаюсь; ну да ладно, расскажи мне о своем горе, и я постараюсь тебе помочь.

- Знай, о счастливый человек, - начал купец, - у меня есть единственная дочь, которая прекрасна собой, и я люблю ее больше жизни. Она одержима каким-то недугом, от которого день ото дня чахнет. Осмотри ее, прошу тебя, может быть, ты сможешь ее исцелить.

В словах купца было столько невыразимого страдания и вместе с тем столько надежды, что искатель не мог ему отказать и пошел с ним к его дочери. Как только девушка увидела странника, она сказала:

- Я не знаю, кто ты такой, но чувствую, что только ты сумеешь мне помочь, и никто больше. Я влюблена в одного плотника и страдаю от разлуки с ним.

И она назвала имя того человека, которого искатель просил сделать загон для коз. Искатель вышел к купцу и сказал:

- Твоя дочь желает выйти замуж за одного уважаемого плотника, которого я знаю.

Это известие весьма обрадовало купца, ибо дочь его все время говорила о каком-то плотнике, но он считал все ее разговоры плодом ее больного рассудка и никак не предполагал, что болезнь девушки от сильной любви. Он в самом деле думал, что она не в своем уме.

Итак, искатель снова отправился к плотнику и рассказал ему о девушке. Плотник построил загон, за что продавец скота подарил искателю несколько породистых коз. Этих коз искатель отвел к козопасу и получил от него шерсть, которую обменял у прядильщицы на нитки и, отдав их ковровщику, взял у него небольшой коврик. Добыв наконец коврик, искатель отправился опять к дому суфия.

- Теперь я могу дать тебе знание, - сказал мудрец, - ибо ты не смог бы принести этот коврик, если бы не потрудился ради него, а не только ради себя.

Примечание Идрис Шаха. Это сказание красноречиво изображает тот факт, что суфийский мастер, зная «скрытое измерение» жизни, заставляет своего ученика (иногда используя его для своих целей) подвергнуться развитию, даже вопреки желанию ученика. Сказание взято из устных преданий бадахшанских дервишей. Здесь оно представлено в виде сказки, и в этом варианте принадлежит Мухаммеду Баба ас-Саммаси. Он был великим мастером ордена Мастеров, третьим в истории школы до Баха ад-дина Накшбанда, и умер в 1354 году.

ЛАВКА СВЕТИЛЬНИКОВ

Как-то темной ночью на пустынной дороге встретились два человека.

- Я ищу лавку, которая называется «лавка светильников», она должна быть где-то поблизости, - сказал первый человек.

- Я как раз живу в этих местах и могу показать тебе дорогу, - сказал второй.

- Я мог бы найти ее и сам; мне были даны указания, и я их записал.

- Зачем же ты спрашиваешь меня?

- Просто так спрашиваю.

- Ты, видно, ищешь собеседника, а не помощи.

- Да, наверное, так и есть.

- Но ведь для тебя лучше было бы получить дальнейшие указания от местного жителя, раз ты так далеко зашел, особенно потому, что дальше начинается очень трудный путь.

- Я полностью полагаюсь на первоначальные инструкции, которые помогли мне добраться сюда. Я не уверен, что могу доверять кому-либо еще.

- Итак, ты был способен поверить первоначальной информации, но тебя не научили, как узнать того, кому следует доверять в дальнейшем?

- Да, это так.

- Есть ли у тебя еще какая-либо цель?

- Нет, только найти лавку светильников.

- Не мог бы ты ответить на такой вопрос: почему ты ее ищешь?

- Потому что мне было совершенно авторитетно сказано, что там, где имеются светильники, есть также и средства, помогающие человеку читать в темноте.

- Ты прав. Но это только предположение, а также обрывочная информация. Есть еще предварительные требования. Знаешь ли ты об этом?

- Не понимаю, о чем ты?

- Предварительное требование к чтению с помощью светильников состоит в том, что ты уже должен уметь читать.

- Ты не можешь это доказать.

- Конечно, в такую темную ночь.

- А что такое «обрывочная информация»?

- Обрывочная информация в данном случае состоит в том, что лавка светильников находится по-прежнему там же, где находилась всегда, но сами светильники унесены в другое место.

- Я не знаю, что такое «светильники», но мне кажется очевидным, что «лавка светильников» - это место, где их можно приобрести, поэтому-то ее и называют «лавкой светильников».

- Ты прав, но дело в том, что понятие «лавка светильников» может иметь два различных значения: во-первых, это может означать «место, где можно приобрести светильники», а во-вторых, «место, где когда-то их можно было достать, но где их уже нет».

- Ты не можешь это доказать.

- Знаешь, ты можешь показаться многим людям круглым идиотом.

- Тебя тоже многие люди могли бы назвать идиотом. Ты, вероятно, преследуешь скрытую цель посылать покупателей туда, где светильники продают твои товарищи, или, возможно, ты вовсе не желаешь, чтобы я приобрел светильник.

- Я хуже, чем ты думаешь. Вместо того чтобы обещать тебе «лавку светильников» и поощрять твое голое предположение, что там ты найдешь решение своих проблем, я прежде всего проверяю, умеешь ли ты читать. Я желаю знать, приходилось ли тебе уже бывать поблизости от такой лавки или светильники приобретались для тебя каким-либо иным путем.

Двое печально посмотрели друг на друга и разошлись.

Примечание Идрис Шаха. Шейх Пир Паттари, автор этой истории, умер в Индии в 1632 году. Его гробница расположена в Меруте. Он, как считается, находился в телепатическом контакте с «учителями прошлого, настоящего и будущего», и они передавали свои учения через его особые истории, описывающие эпизоды из повседневной жизни общества.

ЭКИПАЖ

Изучение человека включает в себя три науки. Первая – это наука обычного знания; вторая – наука необычных духовных состояний, часто называемых экстазом, и, наконец, третья и наиболее важная наука – наука истинной реальности: наука, занимающаяся изучением того, что неизмеримо выше предметов изучения первых двух наук. Только реальное внутреннее знание составляет знание науки истинной реальности. Первые же две науки лишь отражают, каждая по-своему, третью науку. Они почти бесполезны без нее.

Представим себе кучера. Он сидит на козлах экипажа и управляет лошадью, которая тянет за собой экипаж. Экипаж – это интеллект, высшая форма, в пределах которой мы находимся, когда сознаем свое существование и решаем, что нам делать. Экипаж дает возможность лошади и ездоку действовать. Это то, что мы называем «ташкил», внешняя оболочка, или формулировка. Лошадь, являющаяся движущей силой, символизирует энергию, называемую иногда «эмоциональным состоянием», а иногда как-нибудь по-другому. Она необходима, чтобы привести в движение экипаж. Человек в нашей схеме есть тот, кто воспринимает наилучшим образом цель и возможности ситуации и направляет экипаж в заданном направлении.

Каждый из этих трех элементов, взятый в отдельности, способен выполнять свои функции, причем достаточно правильно. Но общая функция, которую мы называем движением экипажа к цели, не может осуществляться до тех пор, пока действия трех элементов не будут согласованы правильным образом. Только «человек» - реальное «я» - знает необходимость «экипажа», «лошади» и «кучера» друг в друге, а также знает, как связать их действия.

Великая работа, в понимании суфиев, есть знание того, как гармонизировать функции описанных трех элементов. Слишком много седоков, неподходящая лошадь, чересчур легкий или тяжелый экипаж – и результат не будет достигнут.

Примечание Идрис Шаха. Этот открывок записан в дервишском манускрипте на персидском языке. Различные варианты его найдены в таких географически удаленных друг от друга школах, как дамасская и делийская.

ХРОМОЙ И СЛЕПОЙ

Хромой человек однажды вошел в сераль (постоялый двор) и устроился там среди других посетителей.

- Из-за моей хромоты я лишен возможности быстро передвигаться и не успею на султанский пир, - сказал он своему соседу.

Человек, к которому он обратился, поднял голову и сказал:

- Я тоже приглашен на пир, но мне еще труднее попасть туда, чем тебе, потому что я слеп и не вижу дороги.

Тут в их разговор вмешался третий посетитель. Он сказал:

- Вдвоем вы располагаете средством достичь вашей цели, если только согласитесь воспользоваться этим средством. Слепой может отправиться в путь, неся на спине хромого. Вы должны использовать ноги слепого, чтобы идти, и зрение хромого, чтобы его направлять.

Вот так эти двое достигли конца пути, где их ожидал невиданный доселе пир. По дороге они остановились на отдых в другом серале. Здесь они повстречали еще двух несчастных, которые также хотели попасть на пир и не могли. Слепой и хромой стали им объяснять свой метод, но один из этих людей был глухим, а другой немым. Немой слышал их объяснения, но не мог передать их своему приятелю. Глухой мог говорить, но ему нечего было сказать.

Эти двое не попали на пир потому, что в это время поблизости не оказалось того третьего человека, который прежде всего объяснил бы им особенность их трудности, а уж потом подсказал бы, как эту трудность преодолеть.

Примечание Идрис Шаха. Рассказывают, что великий Абдул аль-Кадир завещал свой заплатанный суфийский халат наследнику мантии, который должен был родиться почти через шестьсот лет после его смерти. В 1563 году Саид Сикандар Шах из ордена Кадирийа, унаследовавший право передачи мантии, определил местонахождение предсказанного наследника – шейха Ахмада Фаруки из Сирхинда и передал ему полномочия главы ордена. Этот накшбандийский учитель был к тому времени посвящен в 16 дервишских орденов своим отцом, который в долгих и опасных странствиях искал и собирал по крупицам разбросанное суфийское знание. Считается, что именно в Сирхинде было предсказано появиться великому учителю, и преемник святых ждал своего воплощения в течение нескольких поколений. Следствием появления Фаруки и признания его руководителями всех орденов того времени является то, что сейчас Накшбандийа посвящают своих учеников во все 4 основные течения суфизма: Чишти, Кадири, Сухраварди и Накшбанди. Сказание «Хромой и слепой» приписывается шейху Ахмаду Фаруки, умершему в 1624 году. Предполагается, что оно должно читаться только после того, как ученик получил от своего мастера особые объяснения или после изучения истории Хакима Санаи «Слепые и слон».

СЛУГИ И ДОМ

Жил некогда один мудрый и добрый человек, который владел большим домом. Он часто отправлялся в продолжительные путешествия и в таких случаях оставлял дом на попечение своих слуг. Особенностью этих людей была какая-то поразительная забывчивость. Например, временами они забывали, зачем их оставили в доме, по нескольку раз выполняли одно и то же дело или полагали, что должны выполнять свои обязанности не так, как им предписывали правила. Все это происходило потому, что они забывали свои функции.

Однажды, когда хозяин отсутствовал особенно долго, подросло новое поколение слуг, которые возомнили себя законными владельцами дома. Но поскольку они были ограничены своим узким миром, им стало казаться, что с ними происходят какие-то странные вещи. Например, время от времени у них возникало желание продать дом, но они не могли найти на него покупателей, потому что не знали, как взяться за это дело. Когда же приходили люди, интересующиеся покупкой дома, они первым делом просили показать им документ, подтверждающий, что дом – собственность жильцов, но, так как слуги ничего не знали о таком документе, они считали таких людей сумасшедшими или ненастоящими покупателями. Странность их положения заключалась еще и в том, что все необходимое для дома и жильцов появлялось «таинственным образом», и это не позволяло так называемым хозяевам почувствовать себя ответственными за весь дом. Инструкции по уходу за домом, целью которых было напоминать слугам их

обязанности, хранились в кабинете хозяина, но так как второе поколение слуг объявило его священным, никому не разрешалось туда входить, и ореол непроницаемой тайны окружал хозяйские покои. Некоторые даже отрицали само существование этих покоев, несмотря на то, что могли видеть ведущие туда двери. Скептики объясняли, что двери – это просто настенное украшение. Таким образом, слуги не могли ни управлять домом, ни возвратиться полностью к своим первоначальным обязанностям.

Примечание Идрис Шаха. Предание сообщает, что эту притчу часто использовал суфийский мученик аль-Халладж[33], который был казнен в 922 году будто бы за то, что заявил: «Я есмь истина». Халладж оставил потомству замечательное собрание мистических стихов. С большим риском для себя многие суфии последнего тысячелетия утверждали, что Халладж был великим просветленным.

Аль-Халладж:

Мир как зеркало, чьи яркость и блеск от Тебя,

Весь мир – тело, а Ты – только единственная душа.

В обличии каждой красавицы Ты покажешь Свой лик,

В глазах каждого влюбленного сидишь и наблюдаешь Ты.

Люди этого мира стараются творить добро. Я посоветовал бы вам искать то, малейшая частица чего ценнее всей вашей доброты. Это знание того, что действительно реально, - истинная наука.

Я глубоко размышлял над всеми религиями и нашел, что они – многочисленные ветви ствола, имеющего один корень. Не требуй от человека, чтобы он исповедовал определенную веру, ибо в этом случае он лишь отделится от своего прочного корня. А ведь сам корень ищет человека и указывает ему величие и значение всего, и лишь тогда человек их осознает.

Единый именуемый проявит себя для определения,

И ты увидишь многообразие форм и множество имен.

Весь мир полон знаков Твоих,

И при этом Ты чист от всяких знаков.

Как освободится сердце от плена тщеславия и ханжества,

Так и найдет себе обитель в царстве великого Бога.

Если порвешь одежду бытия своего,

Найдешь одежду из вечного Бытия.

Если ты являешься потонувшим в море единства,

Если не остается тебя – то ты являешься Им самим.

Бабочка не удовлетворяется ни светом, ни теплом, исходящим из свечи – божественного источника, бросается в пламя и сгорает в нем. Некоторые ждут, что она вернется и объяснит им то, что видела, поскольку она не удовлетворилась тем, что ей рассказывали. Но она сама в тот момент… исчезла в пламени, где не оставила ни следа, ни тела, ни имени, ни опознавательного знака. И потому, зачем ей возвращаться, когда теперь она владеет любимым?

---

33 *Аль-Халладж*, Абу-л-Мугис аль-Хусейн ибн Мансур (ок. 858-922) – выдающийся суфий, казненный за свои проповеди. Родился в селении аль-Байда на юге Ирана. Его дед, по преданию, был зороастрийцем, а

отец принял ислам. Когда аль-Халладжу было несколько лет отроду, его отец, чесальщик хлопка (халладж), переехал в г. Васит. В этом городе аль-Халладж получил образование. В 16 или 17 лет он перебрался в г. Тустар, где стал учеником известного суфия Сахла ат-Тустари (ум. 896 г.). В 876 г. он переехал в Басру, где обучался у суфия аль-Акта. Через своего шурина аль-Халладж оказался на некоторое время связанным с движением рабов-зинджей, среди которых были сильны прошиитские настроения. В дальнейшем эта кратковременная связь дала противникам аль-Халладжа основание объявить его шиитским проповедником.

В 878 г. аль-Халладж посетил Багдад, где встретился с крупнейшим суфийским авторитетом аль-Джунайдом (ум. в 910 г.). Позднее он совершил свое первое паломничество в Мекку, где провел около года, подвергая себя суровым испытаниям (непрерывный пост, всевозможные обеты и т.п.). Вернувшись из хаджа, аль-Халладж выступил с публичной проповедью мистических истин, которая вызвала недовольство суфийских шейхов, опасавшихся гонений со стороны факихов. Многие суфии порвали с ним, однако он нашел немало сторонников среди городской бедноты. В знак протеста против элитарности суфизма аль-Халладж отказался от обычной суфийской одежды и надел простой халат воина. В течение пяти лет он проповедовал в городах и селениях Хорасана. По возвращении из странствий аль-Халладж совершил второй хадж. По преданию, его сопровождали 400 учеников. Мекканские суфии обвинили аль-Халладжа в разглашении божественных тайн, публичном корыстном чудотворстве, шарлатанстве. После хаджа аль-Халладж вновь отправился в странствия, на этот раз в Индию и Туркестан. Вернувшись в Багдад, он выступил с серией «крамольных» проповедей. Его «кафедрой» была рыночная площадь, слушателями – торговцы, ремесленники и городская беднота. Проповеди аль-Халладжа вызвали брожение в народе: его сторонники видели в нем новоявленного мессию, совершенного святого своего времени. Противники аль-Халладжа обвиняли его в публичном чудотворстве, что считалось привилегией Пророка, в смущении верующих, в притязаниях на самообожествление, в проповеди мистической любви к Богу, цель которой – соединение с Ним, что признавалось «*манихейством*», в отрицании мусульманского ритуала и прочих «грехах».

В своих экстатических высказываниях ал-Халладж сам изъявлял готовность погибнуть от рук единоверцев, принять мученическую смерть на благо общины. Мусульманские авторы утверждают, что именно в это время он произнес знаменитую фразу: «Я – Бог» (ана-л-Хакк). Спасаясь от преследований, аль-Халладж в 908 г. бежал в г. Сус. Через три года он был арестован, доставлен в Багдад и заключен в тюрьму. Благодаря заступничеству визиря Ибн Исы аль-Халладжу удалось избегнуть смерти, однако остаток жизни он провел в заключении. В эти годы он написал свой, по-видимому, единственный прозаический трактат «*Китаб ат-Тавасин*». В 922 г. визирь Хамид добился возобновления процесса против аль-Халладжа. Несмотря на заступничество приближенных халифа, суд признал аль-Халладжа карматским проповедником и вынес смертный приговор.

В ходе духовных исканий аль-Халладж пришел к выводу, что истинная любовь к Богу требует от человека страданий, принесения ей в жертву своего «я», чтобы избавиться от последней преграды, отделяющей «влюбленного» от «возлюбленной». Этим объясняется вызывающее поведение аль-Халладжа – его жажда страданий, стремление к насильственному уходу из жизни. В своем сочинении «*Китаб ат-Тавасин*» аль-Халладж изложил свои представления о роли прототипической сущности Мухаммеда в мироздании: ее предвечном явлении в виде «светильника», озарившего мрак небытия. В «вознесении» Мухаммеда аль-Халладж видел эталон мистического переживания, прообраз взаимоотношений между божеством и человеком.

Легенда об ал-Халладже стала темой множества художественных произведений в прозе и в стихах на арабском, персидском, турецком, малайском и других языках.

ЩЕДРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жил когда-то в Бухаре богатый и щедрый человек. Он достиг весьма высокой ступени в духовной иерархии, за что ему был присвоен титул Старейшины Мира. Ежедневно к его дому толпами стекались люди, и он щедро одаривал их золотом. Для каждой категории людей – вдов, больных и т.д. – он назначал определенные дни приема, в которые они получали от него причитающиеся им милости. Но свою щедрость Старейшина Мира ограничивал одним условием: тот, кто произносил в его доме хоть слово, ничего не получал. Не все люди могли хранить молчание.

Однажды, когда наступила очередь законоведов и они пришли к нему за подарками, один из них, не в силах больше сдерживать переполнявших его чувств, на все лады принялся расхваливать благодетеля. Старейшина Мира ничего ему не дал. Но законовед решил добиться своего. На следующий день за милостью пришли калеки. Притворившись увечным, он явился вместе с ними. Старейшина узнал его и опять ничего не дал. Тогда законовед снова изменил свое обличье и пришел уже с другими, прикрывая лицо руками. Но и на этот раз Старейшина Мира узнал его и прогнал прочь. Снова и снова законовед предпринимал свои попытки, он даже переодевался женщиной, но щедрый человек неизменно узнавал его и отсылал с пустыми руками. В конце концов этот человек пошел к гробовщику и попросил завернуть себя в саван и положить в гроб, как мертвеца.

- Когда Старейшина Мира будет проходить мимо, - сказал законовед, - он, вероятно, подумает, что перед ним труп, и пожертвует на похороны. Деньги мы разделим с тобой поровну.

Гробовщик сделал все, как он просил, и Старейшина Мира собственной рукой опустил на саван золотую монету. Законовед тут же схватил ее, опасаясь, что она может достаться гробовщику, и воскликнул, обращаясь к Старейшине:

- Ты отказывал мне в своей щедрости; видишь, как я добыл ее?!

Щедрый человек ответил ему так:

- Ты ничего не сможешь получить от меня, пока не умрешь.

В этом и кроется смысл загадочного изречения «умри до своей смерти». Дары приходят к человеку только после «смерти» и не раньше. Но даже сама эта «смерть» не может прийти без посторонней помощи.

Примечание Идрис Шаха. Это сказание из четвертой книги «Месневи» Руми говорит само за себя. Дервиши с его помощью подчеркивают тот факт, что, хотя определенные дары и могут быть «ухвачены» хитрецами, ценности, которыми наделяет учитель, подобный Щедрому Человеку из Бухары, обладают более высоким значением, чем кажется на первый взгляд. Это есть неуловимая сила бараки.

ХОЗЯИН И ГОСТИ

Учитель подобен хозяину дома. Те, кто пытаются изучать Путь, - его гости. Эти люди никогда прежде не бывали в домах и плохо представляют себе, что это такое. Но, как бы то ни было, дом есть дом. Когда гости входят в дом и видят место, предназначенное для сидения, они спрашивают, что это такое. Им

отвечают: «Это место, где сидят». Гости усаживаются на стулья, не вполне, однако, понимая назначение стульев. Хозяин развлекает гостей, а они продолжают задавать вопросы, подчас неуместные; но хозяин, как гостеприимный человек не ставит им это в упрек. Например, гости хотят знать, где и когда они будут есть. Они никак не могут взять в толк, что никто не будет обделен вниманием, что кроме хозяина в доме есть и другие люди, которые в этот момент готовят еду, что есть другая комната, где их рассадят и подадут им угощение. Не видя ни еды, ни того, как ее готовят, гости смущаются; возможно даже, они испытывают сомнения, да и вообще они чувствуют себя неловко. Добрый хозяин, понимающий состояние своих гостей, должен бы успокоить их, чтобы ничто не помешало им в назначенный час насладиться трапезой. Среди гостей есть люди более сообразительные, которые скорее своих товарищей уловят связь вещей в доме. Они могут дать этим последним надлежащие объяснения. Между тем хозяин отвечает на вопросы гостей в соответствии со способностями каждого воспринимать дом как функциональное единство. Одного факта наличия дома еще недостаточно: дом должен быть приготовлен к приему гостей, и присутствие хозяина в нем необходимо. Кто-то должен добросовестно выполнять роль хозяина для того, чтобы гостящие в доме чувствовали себя непринужденно – ведь хозяин несет за них ответственность. Сначала многие не понимают, что они гости, - или, скорее, им неизвестно само понятие «гость» - то есть им неясно, что от них в этой роли требуется и что это им может дать. Опытный гость, который уже кое-что знает о домах и гостеприимстве, в конце концов раскрепощается и благодаря этому лучше начинает понимать, что такое дом и каковы многие стороны жизни в нем. Пока же гость только пытается постичь сущность дома и запомнить правила этикета, его внимание слишком поглощено этими факторами, чтобы он мог замечать, скажем, красоту, ценность или назначение мебели.

Примечание Идрис Шаха. Эта высокопочитаемая притча, взятая из «поучений» жившего в XIV столетии Низам ад-дина Авлийа, как предполагается, полезна на различных уровнях. Притча говорит, в частности, о том, что человеку необходимо упорядочить различные функции ума для того, чтобы развить в себе особое высшее восприятие. Она к тому же имеет целью указать в форме, легко доступной уму, на необходимость суфийской группы и взаимосвязь между ее членами, а также показать, как каждый член группы может дополнить другого. Большое внимание дервиши уделяют тому факту, что для индивидуума важно вначале урегулировать некоторые проблемы, прежде чем он сможет извлечь пользу из усилий группы. Притча относится к суфийским произведениям, на которые наложен определенный запрет. Ее нельзя изучать самостоятельно, и, где бы она ни была записана, ученик, прочитав ее, должен сразу же читать следующий на ней рассказ. Притча не появляется ни в одном классическом произведении, но ее можно обнаружить в рукописных сборниках, которые дервиши носят с собой, и время от времени она входит как составной элемент в планомерный курс обучения. Настоящий вариант взят из манускрипта, в котором утверждается, что притча принадлежит мастеру Амир Сейнду Кулал аль-Бухари, умершему в 1371 году.

ЦАРСКИЙ СЫН

Однажды в некоей стране, где все жили, как цари, была одна семья. Безгранично счастливое существование этих людей протекало в столь совершенном окружении, что его невозможно описать в словах, используемых современным человеком. Жизнь в этой стране, называемой Шарк (Восток), по-видимому, вполне удовлетворяла юного царевича Дхата, но однажды его родители сказали ему:

- Любимейшее дитя, по обычаю нашей страны каждый царский сын, достигнув определенного возраста, должен пройти через испытания далекими странствиями. Это необходимо для того, чтобы подготовиться к царствованию, заслужить уважение себе подобных и с помощью внимательности и усилий развить

духовную стойкость, которая не может быть развита в человеке никакими другими путями. Так было от начала дней и так будет всегда.

И вот царевич Дхат стал готовиться к путешествию. Родственники, снаряжая его в дорогу, снабдили его особой пищей, которая поддерживала бы юношу на чужбине. Эти припасы обладали чудесным свойством – хотя они были даны ему в неограниченном количестве, они занимали очень мало места. Кроме того, ему дали и нечто другое, о чем даже нельзя упомянуть, и эта вещь, будучи правильно используема, ограждала ее владельца от опасностей пути.

Дхат должен был направиться в страну Миср, но прибыть туда он должен был тайно, ничем не выдавая своего истинного происхождения. Родители дали ему в дорогу проводников, которые должны были указывать путь в Миср, и облачили царевича в одежды, соответствующие его новому положению, - его наряд прекрасно скрывал высокий царский сан юноши. Цель путешествия состояла в том, чтобы принести из Мисра драгоценный камень, охраняемый ужасным чудовищем.

Итак, Дхат отправился в дорогу. Подойдя к границам Мисра, проводники повернули назад, и дальше царевич должен был идти один, но еще раньше, в пути, он встретился с одним своим соотечественником. Этот человек тоже направлялся в Миср с миссией, подобной миссии Дхата, и молодые люди продолжали путешествие вдвоем. То, что они были вместе, некоторое время помогало им помнить о своем высоком происхождении, однако вскоре климат и пища в новой стране погрузили их в какой-то полусон, и Дхат забыл о своем задании.

Шли годы. Царевич вполне освоился в Мисре, скромным ремеслом зарабатывал себе на жизнь и даже не вспоминал о том, кто он и почему здесь оказался. Между тем жители Шарка, воспользовавшись известными только им одним методами, узнали, в каком страшном положении находится Дхат, и решили общими усилиями помочь ему проснуться и осуществить миссию, ради которой он был послан в Миср. Каким-то чудесным образом спящему сознанию царевича было отправлено такое послание: «Пробудись! Ведь ты царский сын. У тебя есть особое задание в этой стране, и когда ты его выполнишь, ты должен снова возвратиться к нам». Это послание пробудило Дхата, и он тут же все вспомнил. Он разыскал чудовище, усыпил его с помощью волшебных звуков и завладел бесценным сокровищем. Затем, повинуясь звукам пробудившего его послания, царевич снова облачился в свои прежние одежды и, следуя за звуком, направился в страну Шарк.

В удивительно короткое время Дхат снова обрел свое прежнее обличие, страну предков и родной дом. Но теперь благодаря опыту он увидел во всем этом нечто большее, чем мог видеть раньше: он обрел безопасность. И он осознал, что его родина – это то самое место, о котором у жителей Мисра сохранились смутные воспоминания, выражаемые ими в слове «саламат» - этим словом они обозначали смирение, но на самом деле, как он теперь понял, оно имеет другой смысл – покой.

Примечание Идрис Шаха. Очень похожую тему можно найти в «Гимне души» из новозаветного апокрифа. Философ Ибн Сина (умер в 1038 году), известный на Западе как Авиценна, использовал подобный материал в своей аллегории «Изгнание души» или «Поэма о душе». Приводимый вариант этого сказания встречается в тетради странствующего дервиша, который, как предполагается, записал его со слов Амир Султана, шейха из Бухары, учившегося в Стамбуле и умершего в 1429 году.